

855642

A stylized illustration of a landscape in shades of green. The foreground features a field with numerous parallel, slightly curved lines representing furrows or rows. In the middle ground, there is a dark silhouette of a mountain range with a prominent peak. The background consists of several thin, curved lines that suggest a horizon or distant hills. The overall style is graphic and minimalist.

ДМИТРИЙ КУЗОВЛЕВ

НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ

ДМИТРИЙ КУЗОВЛЕВ

НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ

Очерки современной деревни
Рассказ

СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
АРХАНГЕЛЬСК

1977

Кузовлев Д.

К89 Не поле перейти. Очерки совр. деревни. Рассказ. Архангельск, Сев.-Зап. кн. изд-во, 1977.

159 с. с ил.

Автор этой книги — секретарь сельского райкома партии. За плечами Д. М. Кузовлева, журналиста по образованию, немалый опыт работы председателем колхоза. Об этом он рассказал в своей первой книге «Соленая наука», выпущенной нашим издательством. Новый сборник автора как бы продолжает разговор о прошлом, настоящем и будущем северной деревни, ее людях и насущных проблемах.

К $\frac{0732-022}{157(03)-77}$ 4—22—77

Р2

ОЧЕРКИ

НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ

(Из сельских записок)

Пачевских земель теперь не узнать. Там, где раньше буйствовал ивняк, тянулись бесконечные топкие луга и ржавые болота, где лишь изредка встречались сырые оторфованные поля, изрезанные влагоотводными канавами на полосы и клинья, теперь раскинулось добротное широкое поле. Всего лишь два года поработали здесь машины мелиораторов, а уже исчезли докучливая топь, чересполица, канавы, кудрявые заросли и ольховые куртины. Сонная речка Пишковка покинула старое русло с ленивыми перекатами и застойными омутами, вытянувшись ровной лентой, побежала она веселей, а поле придвинулось к ее одернованному берегу и, перешагнув речку, покатилося дальше...

Дорога сбегает сюда с невысокого холма от обновленных построек центральной усадьбы колхоза. Это деревня Пача, новые дома один к одному ровнехонько стоят посреди пахотного массива.

Мы с председателем колхоза Владимиром Бухониным стоим у края дороги, на высотке, оглядываем местность, любимеся открывшимся простором, неохватностью раздолья.

— Вот что делает техника! — восклицает Бухонин, заметив, что и я поддался лирическому настроению. Нам пора уже ехать, но я все стою и стою перед полем, вспоминая, как выглядели эти места три года назад. Настанет время, думаю я, когда заболоченные земли будут осушены, закустаренные — расчищены, мелкие контуры исчезнут и по нашим северным полям пойдут

не одиночные тракторы, а вереницы машин, наступят дни высочайшей технической оснащенности наших хозяйств...

Мелиорация уже коснулась земель не одного колхоза «Заря» — преобразуются поля в других хозяйствах нашего района. В колхозах «Шексна», имени Кирова, в совхозах «Братковский», «Любомировский», «Чернеевский» возникли целые массивы по двести—триста гектаров и более, тракторам и комбайнам есть где развернуться. А площадь открывшейся моим глазам низины колхоза «Заря» — тысяча гектаров!

— Закончим первую очередь, сразу приступим ко второй, — говорит Бухонин. — Проектная документация имеется.

Я молча смотрю на него.

Владимир Дмитриевич Бухонин — председатель молодой. Он стоит сейчас без кепки, распахнув легкую нейлоновую куртку с яркой застежкой, выпячивает грудь, подставляет лицо весеннему ветру и солнцу. Но вот он побежал к борозде, пощупал влажную землю, возвратился ко мне. Ни рукам, ни ногам своим он не дает ни минуты покоя, бегаёт, суетится — энергии в нем хоть отбавляй. Выскочил на дорогу, зашагал, опустив руки в карманы брюк, резко обернулся ко мне.

Эх, наверное, и я был в те годы таким же нетерпеливым, суетливым: несколько лет назад в колхозе «Заря» я председательствовал...

— Ширь-то какая будет! — разводит руками Бухонин. — Одно поле почти на три тысячи гектаров, а ведь у нас не Украина!

Я помалкиваю, пусть председатель выскажется. Противоположный край поля уходит далеко за горизонт, прячется где-то в сизой дымке тумана.

— Участок Кичино—Соболино скоро закончим. Надо подбросить мелиораторам работенки еще и для третьей очереди, — мечтательно заявляет Владимир Дмитриевич.

— Не слишком ли ты торопишься? — останавливаю я Бухонина. — Есть в районе и другие хозяйства, тоже ждут мелиораторов.

Бухонин перебегает на другую сторону дороги, горячится:

— Другим тоже надо, вы секретарь райкома, вам

виднее. А тут, посмотрите, какие земли! Оторфованные, низинные. Неужели им ждать десять лет очереди?

Улыбаюсь я, глядя на молодого председателя. Он, уловив мой взгляд и иронию в голосе, тоже развеселился. По натуре парень он добрый, настежь открытый, хитрить совершенно не умеет. Думка про оторфованные земли глубоко засела в его голове, и он не первый раз насаждает на меня с требованием расширить мелиоративные работы в колхозе.

— Затраты окупятся быстро, — прямо-таки глотает он слова, спешит взять меня приступом.

— Быстро, говоришь? — переспрашиваю я, а сам думаю: «Мелиорация — дело бесспорное, но все-таки каждый раз надо предусмотреть экономическую выгоду».

— Через два-три года затраты окупятся с лихвой!

— Два-три года — тоже срок... Ты хоть считал выгоду-то?

— Конечно, считал! В прошлое лето была засуха, а на участке мелиорации мы собрали по двадцать три центнера с гектара. В удачный год дадим по тридцать!

— Это твердо? — ловлю я Бухонина на слове.

Он чуточку мешкает. Слов Бухонин на ветер бросать не привык и теперь соображает, чтобы еще выпросить у райкома партии, чем бы облегчить себе выполнение нелегкого обещания.

— А удобрений дадите? — выжидательно задаст он встречный вопрос.

— Ну и цыган ты, Бухонин, — смеюсь я. — Будут тебе удобрения.

— Тогда тридцать центнеров с гектара мы гарантируем.

Молодой председатель успокаивается. А я сажусь в машину, еду в райцентр и думаю, что вот соединил приятное с полезным: в родной колхоз съездил и о деле побеседовал с председателем. Мне надо бы еще взглянуть в колхоз «Шексна»: там тоже новый председатель, по образованию агроном, экономист да еще и инженер-механик. Башковитый мужик. Хорошие подрастают в районе кадры. Носится этот председатель тоже с разными идеями. Загорелось ему построить животноводческий комплекс на восемьсот коров. Проектный институт уже принял заявку, готовит документацию. Но изыскатели приехали уточнять местопо-

ложение комплекса, могут сменить площадку под строительство животноводческого городка. В районе деревень Потеряево и Остров есть удобные земли, думаю я, но их надо бы расчистить от перелесков, да осушить, да объединить в один массив под культурные пастбища.

Шофер торопливо гонит машину по просохшим полевым дорогам, что-то мурлычет себе под нос, а я гляжу в боковое окно на поля, на луга и пастбища, и мысли мои вдруг возвращаются в прошлое. Хотя нет времени вспоминать даже годы трех-пятилетней давности — захлестывают сегодняшние проблемы, ежедневные мелочи, но осмыслить прошлое надо: ведь, только сравнивая нынешнее с минувшим, можно понять будущее. Сейчас все председатели, директора в районе словно бы взбесились: подавай им мелиорацию, отряды по культуртехнике и заготовке торфа. Все требуют быстрее да больше! Это запросы индустриального времени. Недавно побывал в отдаленном рыболовецком колхозе «Согласие». Уж там-то бы, казалось, знай лови себе рыбу, осваивай водные просторы, а тоже со мной заговорили о мелиораторах.

— Нам бы гектарчиков пятьсот угодий прибавить, — заявил на собрании председатель этого колхоза Павел Михайлович Прохоров.

— Это еще зачем? — удивился я. — Ваше дело рыбу ловить.

— Рыба рыбой, а лишняя земелька не помешает: льна побольше посеять, клевера. Зимой женщинам у нас делать нечего, вот и займутся обработкой льна.

— Видать, у вас в колхозе излишние рабочие руки. А в других хозяйствах людей не хватает.

— Сколько народу, не скажу, — схитрил председатель, — а вот лодочные моторы мы считаем. В том году было сто сорок, нынче под двести.

Двести моторов на пять небольших деревень — это немало, отметил я про себя. Хлеба в «Согласии»¹ рожатся теперь хорошие, льном рыбаки занимают четвертую часть пашни, надои молока на фермах поднялись за три тысячи килограммов на корову. Но председатель, пожалуй, прав: дополнительные пятьсот гектаров хороших угодий колхозу не помешают, они помогут развернуть производство, увеличить доход. Не мешало бы в этот глубинный лесной край дорогу провести...

И вспомнил я минувшие годы и свою первую глубинку — колхоз «Красное знамя», деревню Старое Раменье... Нынешние колхозы растут, богатеют, быстро строятся. Возникают, конечно, и новые проблемы, как говорится, идут следом. Диалектика, одним словом: у каждого десятилетия свои задачи, свои трудности. Но современные проблемы совсем иного плана и размаха. О чем ныне вздыхают или даже кричат на собраниях?

— Не хватает удобрений!

— Подбросьте техники!

— Негде стройматериалов добыть...

— Молодые девушки не хотят в доярки идти...

Я сравниваю прошлое с настоящим. В 1955 году нас, двести сорок тридцатитысячников, прислали из Москвы и Подмосковья в Вологодскую область. Тяжелое тогда было время для деревни. Не только тракторов, а лошадей, сбруи не хватало. Урожаи собирали низкие, многие колхозы весной не имели своих семян. Сейчас мы печемся о сплошной механизации животноводческих ферм, а в ту пору полы в хлевах настлать было величайшей проблемой. И если в каком-либо колхозе на дворе появлялись автопоилки, то председатели гурьбой валили смотреть на чудо. Для того, чтобы приобрести автомашину, колхоз должен был сдать государству сверх плана три тысячи центнеров молока. Машинами отоваривались под молочные квитанции. Мелким хозяйствам такие покупки, конечно, были не под силу: надои на фуражную корову не превышали тогда семисот — восьмисот килограммов. Деревня выбивалась из сил, колхозные кассы были пусты, трудодень пришел в упадок.

Да, отдавшее фронту и людей и технику село жило ожиданием резких перемен, нуждалось в помощи. Необходимы были срочные восстановительные меры. Было многое сделано для подъема сельскохозяйственного производства в стране. Одной из важных партийных мер была посылка на село тридцатитысячников. Перед нами, отправившимися туда, были поставлены предельно четкие задачи: возглавить отстающие колхозы, поднять их экономику — и мы, москвичи, сразу, как говорится, ринулись в бой... Однако вскоре некоторые из нас сникли, сторели, остыли. Оказалось, что ни наскоком, ни штурмом всех бед на селе не по-

правишь. Село нуждалось в длительной и кропотливой — организаторской, хозяйственной и другой — работе. Честно говоря, мы были готовы на самопожертвования, но не такие, каких требовала обстановка. А она требовала отдать селу весь свой талант, все здоровье и навсегда остаться на новом месте, врати корнями...

Полгода спустя после нашего приезда в колхозы. В Вологде собрался первый слет тридцатитысячников. Один отчаянный председатель-новичок поднялся на трибуну и, изливая горечь своих первых неудач, рубанул сплеча:

— Нас из Москвы прибыло двести сорок человек. Это неплохая заплатка на дырявые вологодские штаны...

Зал ответил ему гробовым молчанием. Никто из президиума не шикнул, не оборвал дерзкого остряка. Но, когда председатель закончил выступление и хотел сойти с трибуны, тридцатитысячники встали и, едва ли не хором, потребовали:

— Извинись!

Председатель не растерялся, тотчас извинился и спустился в зал. В кулуарах он хотел было объяснить товарищам, что, мол, вологодские колхозы действительно очень бедные, но его снова оборвали, сказав:

— О бедности всем известно, люди разоряли себя, помогая фронту, помогая городу строить заводы. Это бедность мужественных женщин и стариков, шутить над ней оскорбительно.

Тут только оратор сообразил что к чему.

С той поры минуло восемнадцать лет. В деревнях подросло новое поколение, пришли новые грамотные агрономы, инженеры — о прошлом можно бы уже и не вспоминать. Но нами, кто все это видел и знает, трудности прошлых лет не забываются. Да, сельское хозяйство тех лет было дырявым. И понадобилось очень много сил, здоровья, ума, энергии, чтобы вырвать село из послевоенного кризиса...

И вот в 1971 году Вологодская область собрала по шестнадцать центнеров зерна на круг, а наш Шекснинский район взял по двадцать центнеров с гектара, паша же хозяйства — даже по двадцать пять — двадцать восемь центнеров. Это немалое достижение. А за цифрами успехов стоит титанический труд колхозников. Простые мужики и бабы были героями трудней-

шего исторического этапа подъема сельского хозяйства. Эти годы навсегда останутся в памяти людей нашего поколения. Размышляя о минувшем, я думал, что без него не было бы и настоящего, как без настоящего не может быть будущего. И вспомнилось мне то недавнее, еще живое в нашей памяти прошлое северной деревни. О нем и пойдет рассказ в этих записках.

ГЛУБИНКА

Стоит знойный августовский день. Хожу-брожу по деревушке, а точнее — по Старому Раменью, кручу за веревочку кожаный мешочек на пальце, а в мешочке том — колхозная печать. Еще вчера мне сунули ее в спешке, и вот — то положу в карман, то снова достану. Выручила бойкая девушка-агроном, Машей зовут. Она и тогда «выручила» меня, на собрании.

Когда отчитывался старый председатель, а потом выступали бухгалтер, бригадиры, еще кто-то из местного начальства, Маша сидела на передней скамейке, вплотную к сцене, глядела в мою сторону и все шептала, ни к кому не обращаясь, да так громко, что слышно было за столом президиума:

— Ой, почто и врут... Ну и врут же!

Я спросил представителя из района:

— Это кто же такая?

— Агроном... Закреплена за вашим колхозом.

— Колхоз еще не «наш», — успел буркнуть я в ответ. Но представитель словно не расслышал этих слов.

— Девка — бой! Поддерживай ее, — сказал он, немного помолчав.

Потом, когда все вдоволь наговорились, вдруг раздался звонкий Машин голос:

— Чего вы, бабы, глядите-то? Ведь опять наврали... А вам работать!..

В зале поднялся гвалт: бабы заохали, заохали, мужики побросали сигарки, а те, что выходили курить на улицу, гурьбой повалили обратно в клуб. Федор Антипин, седоватый осанистый старик, долго не мог успокоить зал:

— Потихе вы, бабы! Пора и голосовать за нового председателя.

Не успел я опомниться, как был избран председателем.

лем. Кто-то из президиума хлопнул меня по плечу, кто-то пожал руку. В довершение раздался из темного угла надтреснутый старушечий крик:

— И пошто, окаянные, губите молодого парня?!

Смысл этого горького сожаления в тот вечер никак не доходил до моего сознания. Но наутро он, кажется, стал понемногу проясняться. Вот и теперь Маша-агроном пришла мне на помощь.

— Да вы поезжайте на покосы, там весь народ.

Она хотела бежать дальше, но задержалась, поглядела на меня в упор, звонко рассмеялась:

— Ой, что это я! Да вы и покосов-то наших не знаете...

Вдвоем мы запрягли серого мерина в председательскую таратайку и двинулись на луга. Мерин неохотно натягивал гужи, болтался по дороге из стороны в сторону, словно испытывал наше терпение.

— Но, Моряк! Какого лешего! — рассердилась на него Маша и огрела хворостиной.

Мне стало неловко, я покрепче натянул вожжи.

— Вы с ним поостроже, — присоветовала Маша. — Он ленивый, бес.

И тут же поведала, что этот самый Моряк ужас какой хитрый, ни за что больше восьми мешков не повезет.

— Как это «не повезет»?

— Будто пересчитывает. Положи девятый — стает и шагу не шагнет.

На моем лице, наверное, отразилось сомнение.

— Не верите? Узнаете сами. Да вы спросите хоть Ванюшку.

— А кто это такой?

— Ванюшка? Бригадир. Вчера выступал на собрании, разве не запомнили?

— А почему надо было запомнить?

— Врал здорово.

Как я ни вертел в уме, стараясь вспомнить, кто «врал здорово», представить Ванюшку не мог. Выступали на собрании пожилые мужики, бородатые или обросшие щетиной, а молодых не было.

Кончилось поле. Потянулись низкие, заросшие ивняком луга.

— Это Мокрый луг, — пояснила Маша. — Трава тут худая, несъедобная. А там, повыше к леску, — ука-

зала она рукой на березовый взлобок вдали, — там первая бригада сейчас косит.

— И Ванюшка там? — спросил я.

— Ой, что вы! Ванюшка дома. Гулять будет неделю. Он всегда гуляет после собраний.

— Ну и гусь, однако же, — заметил я.

Добрались до покоса. У высокой раскидистой березы, в тени, оставили Моряка, задали ему накошенной травы.

Пошли к косарям. Бабы зорко уставились на нас. Еще издали можно было прочесть на их лицах явное любопытство: «Кто это там пожаловал?» Мужики, что копошились у стога на соседней полянке, отнеслись к нашему появлению более сдержанно. Они не прекратили работы, торопились дOMETATЬ стог. Мы завернули к ним.

— Здравствуйте. Труд на пользу!

Кое-кто, не оборачиваясь, слегка притронулся к картузу или соломенной шляпе, а те, кто поднимали тяжелые навильники сена, дружно крикнули в ответ. Бабы оказались приветливее:

— Пожалте к нам.

Это означало: «Не мешайте мужикам, они заняты!». Мы повернули к женщинам. Маша выскочила вперед и что-то сказала крайней молодайке, та понимающе заулыбалась. «Ну вот, начались секреты!». Некстати в руке у меня вдруг появился все тот же мешочек с печатью, я быстро упрятал его в карман.

— Подходи, подходи, председатель.

«Эк, остроглазые! Никуда-то от вас теперь не спрячешься!» Я не знал, что делать: стоять в отдалении или подходить ближе...

Но бабы уже атаковали мою спутницу.

— И-их, Машуха! Гляди-тко, нового председателя подцепила.

Маша, вся запунцовев, нырнула за куст, нашла там косу, схватила ее, повернулась и пошла в ту сторону, где оставался недокошенный заполосок.

Бабы мигом переменились. Загалдели.

— А ну, председатель, не отставай! Маша у нас — огонь. Люта косить!

Молча и я отправился туда, где лежали косы. Не спеша начал выбирать, которая половчее. Женщины вызвались помочь мне. А та, что с ходу «срезала» агро-

номку, выхватила оселок из берестяной плетенки, прикидывая точить косу.

— А ну-ка, поглядим, умеет ли...

Женщины наперебой предлагали то одну косу, то другую, но я взял именно ту, которую точила язы-кастая молодайка. Расчет был точный: бойкая говору-ня быстро обернулась в доброжелательную советчи-цу. Она теперь шла сбоку и наставляла, как надо ко-сить.

Ничего не скажешь, коса у черноглазой молодайки ловкая, хорошо отбита и наточена — так и лезет до плотика. Поначалу чувствую, что движения мои неточ-ны, коса прихватывает кочки-бугорки, дзинькает по песчанику. Нужно остановиться, поправить лезвие, иначе собьешь жало, что называется «завернешь» весь отбой, и тогда — пиши пропало.

Взмах, еще взмах! Вспоминаю, как учил меня ког-да-то отец: левую руку надо чуть вывернуть в ладони и поднять повыше, а локоть слегка прижать, правой — крепче держать ручку косовища, не шмыгать по ней, а то мозоли кровавые побегут по подушечкам пальцев, корпус тоже должен двигаться в одном ритме с косой...

Чувствую, как десятки глаз жгут мою спину, оце-нивают каждый взмах: и когда не доходит коса до вал-ка травы, и когда далеко проскакивает. Оглядываюсь на валок — вроде бы ровнее становится, не рвется те-перь, трава ложится плотным рядком. Стараюсь не сбивать дыхания. Но вот до уха доносится вжиканье косы, это Маша наступает на пятки.

— Захват, хват, хват прибавьте.

Это надо понимать так: «Нечего косу попусту го-нять». Нажимаю еще сильнее, но вскоре окончательно выбиваюсь из сил. Взмахнув еще раз-другой, отбрасы-ваю косу прочь и отбегаю в сторону.

— Уф! Совсем загнала. Сдаюсь!

Бабы тут как тут, заступаются за меня.

— И что ты, Машка, разошлась? Нешто можно так? Городскому человеку сперва втянуться надо. А то убежит от нас новый председатель.

Мужики тем временем завершили стог, потянулись к заполоску. У них в руках цветастые кисеты.

— Закурн, председатель. А на баб не равняйся, они до смерти загнать могут!

Не спеша свертываю козью ножку, а заодно угощаю своих собеседников «Беломором».

— Значит, будем знакомы.

— Давай, московец, познакомимся. А то на собраниях и разглядеть толком не успели.

...На потрепанном «козле» приехали мы с зональным секретарем райкома партии Николаем Васильевичем Черновым в Старое Раменье. Мужики уже были у клуба, расселись на лужку, курили, беседовали. Чернов первым выскочил из машины, подошел к колхозникам, начал здороваться с каждым за руку. А я как неприкаянный торчал около машины и не знал, куда девать себя. Мужики о чем-то спрашивали Чернова, кивали в мою сторону.

— Этот, что ли?

— А что, не нравится?

Колхозники пробавлялись разными шутками, пускали колючки в мой адрес, вроде такой: «А нам, что ни поп, все батька». Чернов разделял их веселье, громко хохотал, в мою сторону не обернулся ни разу, а потом скрылся за дверьми клуба. За ним повалили колхозники. Оказывается, в клубе шло открытое партийное собрание. И вот теперь начиналось общее колхозное. С порога мне учинили допрос, член ли я партии и с собой ли у меня билет. Я достал красную книжечку, подал в президиум. Председатель собрания, сивый старичок в очках, долго крутил мой партбилет, потом объявил: «Все в порядке, взносы уплачены». Почему они решили устроить такую проверку?

Старое Раменье — не ахти какое село. Стоит в глухомани, среди лесов и болот. До райцентра двадцать верст будет, до ближайшей железнодорожной станции — более шестидесяти. Водных путей отсюда никаких нет, и речки настоящей поблизости тоже не имеется. Протекает черный ручеек, да и тот полнится водами только по весне или когда пройдут обильные дожди, а так — пересыхает за лето, одни омутки на утеху ребятишкам остаются.

Во всем Раменье насчитываешь теперь не более шестидесяти домов, а раньше было за сотню. Но дома доброт-

ные, все больше старинные, крытые тесом или дранью. Кое у кого под общей крышей с домом — вместительные двory с въездами на сарай, с клетями и подклетями, чистыми, уютными горенками.

Раньше каждое крестьянское хозяйство имело гумно или хотя бы овин с расчищенным током подле. Овины и гумна, срубленные из доброго строевого леса, с деревянными полами, тянулись в строгий ряд позади огородов. Ныне осталось их на все село не более десятка. Колхозники осенью складывают в них тресту, а мальчишки-сорванцы каждую весну, на беду людям, разводят там костры. Недосмотри только — запыляет гумно. Хлеб молотить в гумнах теперь несподручно, комбайнами косят и молотят его прямо в поле, а вот сушить зерно на овинах еще до недавнего времени приходилось. Может, поэтому так долго и хранятся в памяти имена и прозвища тех, кто построил когда-то все эти овины и гумна. То и дело слышишь: «Свези в Хабачев гуменник», «Брось за овином Дрынушки». Или мальчишки орут: «Бежим к Гундосихе». Кто такие были Гундосиха, Дрынушка, Хабач — никто теперь толком не знает, а вот места, где стояли когда-то их гуменники и овины, запомнились людям.

Основатели Старого Раменья выбрали для села место хоть и посреди болот, но на возвышенности. Дорога сюда тягучая, нудная, шоферы не любят такие: пока доберешься до перевала — не раз переключишь скорость. Центральный взлобок холма господствует над всей местностью, потому отсюда хорошо видно окрест, кто куда поехал и откуда с чем возвращается.

С годами лес отступал все дальше и дальше, оставляя густой кустарник вдоль полевых дорог, веером сбегających по склонам холма. И само село уступами как бы сползает с холма, сверху оно кажется похожим на крест неправильной формы. Деревянные постройки тесно жмутся друг к дружке, сзади почти к каждой паре домов лепится третий дом-пасынок. Так уж повелось исстари: сыновья селились на усадьбах отцов, и нигде более. Земля вокруг села принадлежала когда-то местному попу, а тот не уступал миру ни пяди.

Вырастали сыновья, женились, строились, делились, ставили свои дома впритык к родительским гнездам, создавая причудливый ансамбль деревенской застройки. Старшие сыновья, как правило, занимали сво-

бодный проулок, младшие пятились в огороды. Правда, теперь от многих построек и следа не осталось — стало просторнее. А раньше, говорят старожилы, прямо беда была: некуда строиться. Свободных земель за посадами было достаточно, но зловерный поп не шел ни на какие уступки.

Старики, которым нынче за восемьдесят, помнят страшный пожар, случившийся в жаркую сенокосную пору. Вернулись однажды селяне с покосов, а на месте Старого Раменья одни угли остались. Народ, что находился дома, скупился на соседнем холме. Долго пребывали раменцы сырыми: все пожрал лютый огонь, что было на себе, только то и сохранилось. И попово имение не уцелело, выгорело вместе с деревянной церквушкой. Долго кряхтели-строились мужики, много лесу поперевели в те годы и горя хлебнули предостаточно. Но выдюжили. А отстроившись, так порешили: церковь заложить новую, каменную, а попа непутевого выселить вон из Раменья. Поп смирился с таким установлением мирян, не стал перечить сходке — выстроил себе усадьбу в стороне от села, на том самом «пупке», где спасались люди от пожара.

Теперь в поповском доме школа.

Старое Раменье — центральная усадьба: здесь размещаются сельский Совет и правление колхоза. На краю села в двух домах приютилась участковая больничка на восемь коек с крохотной родильной палатой. В Раменье есть сельский клуб с библиотекой, магазин, сепараторный и ветеринарный пункты, даже депо пожарное имеется — стоит неражий амбар посреди села, напротив старого кладбища. Крыша на нем — решето решетом, но над воротами висит фирменная дощечка какого-то пожарного общества Елизаровых.

Одним словом, все службы в Раменье есть. Только собственной конторой правление колхоза пока не разжилось. И хотя артель существует более четверти века, немало построек возвела за эти годы, до конторы все как-то руки не доходили. Помещается правление в старом доме бабки Анны. Все чада и домочадцы ее разбрелись по белу свету, восьмидесятилетняя старуха одиноко доживает свой век в старом доме. Она и за уборщицу здесь и за сторожа при конторе.

Изба Анны просторная, без переборок, если не считать крохотного чуланчика; посредине стоит обшир-

ная глинобитная печь, посаженная на деревянную клеть и обнесенная широкими приступками, вдоль стен тянутся крашенные лавки. Всей мебели в доме — два канцелярских стола да старинный шкаф для конторских бумаг. В углу, под божницей, стоит железный сундук; с божницы иконы давно перенесены в чулан, а вот лампадку старая Анна трогать никому не позволяет.

Еще, пожалуй, две примечательности имелись в этом доме. Около двери в самый косячок вколочен огромный барочный гвоздь, на который накалывают деловые бумаги, присланные из района, а поверх их обычно вешают конторские счета, когда они не в работе. На передней стене красуются древние часы-ходики, которые обладают странным свойством: сколько ни трогай маятник руками, часы ни с места. Но если кто разозлится и запустит в них шапкой, они сразу издадут веселое «тик-так» и поработают на благо общества часок-другой, а то и на весь день разойдутся.

Часы, как и их старая хозяйка, доживали свой срок смиренно, никому не мешая и не досаждая.

По натуре своей бабка Анна — спокойная, мало-разговорчивая старушка. Ни в какие конторские дела она не встревала: сидела себе тихо-мирно на приступке возле печки да изредка вздыхала. Никто не видел, когда она питалась или готовила что-либо в своем чуланчике.

Утром, когда придет на службу бухгалтер и счетовод, печь у Анны уже истоплена и все другие дела, если они имелись, справлены: пол подметен, на столах прибрано, бумаги сложены ровной стопкой. Анна аккуратно исполняет свою должность.

Иной день в конторе делается шумно, особенно когда начнет заседать правление. Мужиков набьется полная изба — накурят, начадят, намусорят. Но бабка Анна и к такому скопищу людей относится уважительно, учтиво — ничто ее, кажется, не огорчает. Она степенно послушает мужицкие речи, что-то возьмет в толк, что-то пропустит мимо ушей (и слушает, да не слышит), но когда уж совсем станет немоготу — молча поднимется с приступка, начнет креститься на божницу. После тяжело вздохнет и, ни слова не говоря, полезет на лежанку. Иногда это обстоятельство и смутит очередного оратора, особенно если он окажется в том

углу, куда кладет свои поклоны бабка Анна, — на миг воцарится тишина.

— Ты это кому, бóжка, поклоны отваливаешь?

Анна, не торопясь, сотворит последний крест и миролюбиво ответит:

— А ты, Феденька, говори, говори. Я тебя слушаю, не перебиваю.

На печи бабуся долго еще не засыпает — ворочается, кричит, наблюдает за теми, кто говорит, и теми, кто слушает; иногда громко вздохнет, а то вдруг подаст какое-нибудь указание с верхотуры:

— Ванюшка, подверни фитиль-то. Вишь, чадит.

Бригадир протягивает руку к лампе и тут же шутиливо выговаривает Анне:

— Карасин-то казенный, не жалей...

— А ты не рычи люто, вовсе погасишь.

Мужики весело пересмеиваются.

Сидят они всюду: кто за столом, кто на скамеечке за печкой, а кто примостился у порога, прямо на полу. Долгие разговоры о делах, видать, всем надоедают, а потому нет-нет да и отыщется шутник, чтобы вставить острое словцо для разрядки.

— Ванюшка, чего же с Анной не побалагуришь?

Бригадир, осклабясь, уставится на печь, с минуты смотрит туда. Затем отворачивается, дурашливо задирает подбородок и старательно чешет щетинистый кадык:

— Спит бабка Анна. Не трогайте ее.

— И вовсе не сплю, а задремала, как брехать перестали.

Мужики теперь гогочут дружнее.

— И все-то ты чуешь, Анна! — раздастся от двери.

— Чай не глухая.

В углу за столом, в который раз, просыпается заведующий животноводством Федор Антипин. Обычай у него таков: речь скажет и тут же устраивается прикорнуть.

Феденька, как его все величают на селе, мастак и по части речей, и по части сна. Засыпает он мгновенно на собраниях, заседаниях, во пиру ли, на веселой беседе. Но так же мгновенно и просыпается. Правда, встряхнувшись, не всегда входит в нужный лад, чаще попадает впросак. То он до времени вскочит и запоет, то некстати внесет какую-нибудь кандидатуру, а од-

нажды таким вот образом на собрании проголосовал за упразднение собственной должности. Был заместителем председателя, а тут с собственного позволения сделался главным животноводом. Зал гоготал, а Феденька тем временем снова устраивался спать. Только утром он разобрался что к чему, когда жена указала дорогу не в контору, а на ферму. Феденька из-за этого с женой почти что год не разговаривал. А впрочем, не разговаривает он со своей «половиной» и по другой причине.

На селе все знают, что Антипиха — «чужая» жена. Случилось так, что вез он к венцу одну невесту, а привез другую. Уж такой он бедун, Феденька, или в полном звании — Федор Васильевич Антипин.

Вернулся с гражданской войны удалым молодцом, развеселым «гусаром», парнем-рубахой. Загулял, закутил по окрестным селениям, дружков в каждой деревне завел. Ну и недругов нажил, конечно. Без недругов разве погуляешь в ребятах?

Дружки помогли Федору сыскать черноглазую Катьку из богатого дома, а недруги другое надумали: догнали свадебные санки, Катьку в свою повозку пересадили, а Федору слезливую тихоню Анну-перестарку подсунули. Да еще и пригрозили: смотри, мол, дуй до места, не то получишь. Федор по-настоящему опомнился, когда уже дело было сделано: поп обвенчал его с Анной. Так и пришлось вести в дом «чужую» жену. Не набралось духу сразу признаться родне, что невесту дорогой подменили, — Феденька пуще огня боялся позору на людях.

Потом вроде стерпелось-слюбилось. Четырех сыновей и дочек вырастили, оженили и замуж выдали. Тогда-то Феденька и вспомнил старую свою обиду, закуражился перед Анной, занелюбил ее и на людях стал оказывать, как живет-мается с «чужой» женой. Но весь этот кураж походил больше на старческую причуду, к тому же Антипиха не больно и считалась с мужем. Пока Феденька трезвый, рта ему не даст раскрыть, а зашебуршит мужик, она хрясть дверь на запор — ночуй хоть под забором! По этой причине Федор Васильевич никогда не спешил домой.

Вот и сейчас заседание давно закрылось, весь народ разошелся по домам, а Феденька храпит себе в углу за столом, ничем-то его теперь не поднять, не

растревожить. Умаялся в долгих речах, наговорился, он и во сне продолжает еще высказываться. А бабка Анна подает голос с печи для поддержания полемики. Она знает, что без «полемики» Феденька немного наговорит, чего доброго вскочит и побежит, и тогда — вставай закрывай за ним дверь. «Нет уж, — думает Анна, — пусть Феденька беседует до зари». Вдвоем-то все веселее коротать ночь...

Однажды поздним вечером возвращался я в село. За плечами болтались пустая котомка и отяжелевшая двустволка. Нет, ни на какую охоту я тогда не ходил, просто захотелось обойти границы своего колхоза, сверить с картой контуры земельных угодий, определить в натуре размеры хозяйства.

Чудак же был! Иные председатели и по сию пору не знают в точности границ своих земель, и ничего — управляют. Это занятие сначала веселило меня — казалось, я постигал какую-то мудрую истину, знакомился воочию с полями, лугами, лесами, физически ощущал их размеры...

К обеду приморился, сел перекурить. Подкрепился немного и пошел дальше. Половину пути не прошел, как почувствовал, что к вечеру домой не попасть. Повернуть обратно тоже было поздно — далеко забрел. Лес начал шуметь, поверху загулял ветер. С Якшинского хутора решил махнуть напрямик. Но заблудился, зашел в такую чащобу, что думал — не выбраться. Однако выручила холмистая местность: только добрался до высокого обмыска, сразу же увидел вдали кудрявые тополя и купол раменской церкви.

Выбрав нужное направление, вскоре вышел к поскотине. А от нее — дорога знакомая. Взбодрился и веселее потопал домой.

Все село спит, только в клубе мерцает тусклый огонек. Дай, думаю, зайду, погляжу, чего там.

В сумраке, при закоптелой лампе, веселится молодежь. «Веселится», — пожалуй, не то слово. Ребята и девчата «мыкают свое горе». В самом натуральном виде разыгрывают старинное «горе» — род вологодских посиделок, на которых странным образом выбираются женихи и невесты. Вот какой-нибудь подзагулявший парень идет в темную комнату и через распорядителя

требует к себе сударушку. Та рьяно отбивается, но под смех и улюлюканье ее вталкивают в чулан. Дверь подпирается кочергой, и дроля с сударушкой остаются наедине. Через час-другой распорядитель наведывается к ним. Если у молодых все слажено — быть свадьбе на селе.

Я уже кое-что слышал о «веселых беседах», держался на сей счет особого мнения, а потому предложил в тот вечер молодежи сменить «горе» на художественную самодеятельность. Девушки первыми поддержали меня.

Зимой нашу самодеятельность пригласили на районный фестиваль. После Всемирного фестиваля молодежи в Москве это модное словечко докатилось и до наших мест. В глухих северных деревнях тоже начали устраивать всякие факельные шествия. Правда, вскоре эту затею пришлось бросить: село не город, тут и до пожаров недолго. С факелами дело не пошло, а фестивали ничего, прижились.

Мы усердно готовились к районному смотру. В клуб к нам как-то заглянул Николай Васильевич Чернов. Посмотрел самодеятельность, похвалил. Он же потом машины выделил из МТС для поездки «артистов» в город. Ребята украсили те машины, плакатов и флажков понаколотили по бортам. С песнями тронулись в путь.

Только недалеко уехали. Разбушевалась метель в дороге, машины застряли. Но Чернов выслал вслед трактор. Подцепили обе машины и волоком потянули их в Ергу. Километров на двадцать за день продвинулись. А до города еще сорок, правда, впереди должна быть торная дорога. К вечеру выбрались машины на большак, рванули на всех скоростях... Да не тут-то было. Видать, беда в одиночку не ходит. У переднего «студера» от натуги оборвался кардан. Половина наших артистов умчалась в город, а другие на перекладных добирались всю ночь...

В полном составе раменская «капелла» собралась у городских ворот, выстроилась колонной и с песнями двинулась к Дому культуры. Угодили в самый раз: фестиваль только начинался.

Отважные путешественники с таким подъемом пели и плясали на городской сцене, что вконец растроганное

жюри безропотно присудило им первое место и звание лауреатов.

Сам Чернов бил в ладоши, а под конец зычно распорядился: «В колонну по четыре... становись! В столовую шаго-ом... арш!»

Эх вы, годы молодые! Лихие безоглядные, смешные беззаботные. Нынче не затынешь в клуб плясать или петь. Житейские заботы одолели, какие-то большие тяжести навалились на плечи. Сковывают, давят, не дают развернуться. А в молодости просто все получалось. Снялся и поехал. Хотя бы в деревню! Прихватил с собой и девушку бедовую из города. Если любишь, зачем ее оставлять другому?!

Может, девушка и не за тобой, чудачком, поехала, а за цветочками полевыми потянулась в северные края. Ей, городской, все казалось — в деревне кущи райские и уж, конечно, цветов невпроворот. А ты ее в горячее пекло сунул. Второпях сам учился крестьянствовать и ее заставлял полоть, косить, вязать. Она же ничего этого не умела: то резала руки, то колола себе лицо. Плакала, а ты, бесчувственный, смеялся. Днями пропадал в полях, уезжал надолго в район, в МТС, заседал там на всяких совещаниях.

Однажды позвонили в МТС: жену увезли в роддом. И тогда еще не сразу догадался — как, почему? А потом сорвался, вскочил в седло и гнал галопом лошадь. В лесу заметил куст красной малины — выбрал ветвь самой спелой, самой крупной ягоды и с этим подарком ввалился в больницу. Фельдшерница не пустила в палату, позвала в кабинет и отчитала:

— Елова голова, ты чего думаешь?

— А чего?!

— Дочь родилась, на чью фамилию записывать прикажешь?

Стоял словно громом пораженный. Истинно, елова голова! Смех и грех — позабыл расписаться с женой, как-то все недосуг было.

Но дело это поправимое. Вот молодость проходит — этого никак не вернешь, не поправишь. А сколько еще надо сделать! Сколько намечено! Впервые закрадывается в душу беспокойство — успеешь ли? Ведь ты уже не юноша, а взрослый человек. У тебя родилась дочь,

может, будет и сын. И ты уже за их жизни будешь в ответе. Вырастут они, спросят, так ли ты устроил свою жизнь и распорядился их судьбой...

МАША-АГРОНОМ

Машу Земцову определили на постой к вдовой тетке Арине. Одинокая, она, поди, и не помнила, когда у нее все было — муж, ребята, двор, полный скотины. Давно уж Аринино подворье начисто опустело. Вон и проулок зарос крапивой, здесь даже куры не бродят. Одну корову только и держит она в хлеву. Остальное было, да быльем поросло.

Домик Арины на краю села. Он и раньше стоял словно на отшибе, а теперь, опустевший, как-то еще дальше отодвинулся на поле, совсем отгородился, потонул в высокой заросли бурьяна. Подслеповатые окошки сиротливо глядят куда-то в огороды, а на дорогу, до самой проезжей колеи, выпирает угол придворка.

Да, когда-то у Арины был большой двор, потом хозяйство начало рушиться. Сперва она продала дом, а затем и двора лишилась, осталась зимовка. Немного спустя, видать, одумалась Арина, наняла мужиков, и на месте избы соорудили они придворок неказистый — две стены бревенчатые, третья тесом забрана. И вышел у вдовы дом-наоборот: двором на улицу, окнами в огород. Но Арина о том не больно тужила. Жизнь ее, тихая, незаметная, текла да текла своим чередом. Поутру, как обычно, сюда приходил бригадир Ванюшка, стучал в калитку, иногда добирался до крайнего окошка. Арина заполошно мелькала перед окном, отвечала на стук:

— Ужо чую. Куда наряд-то?

— На овины, Арина.

Ванюшка наряжал ее и в поле снопы вязать, и лен теревить, посылал на луга сгребать, копнить сено. Арина ни от какой работы не отказывалась. Бригадира она не задабривала — ни сусла, ни пива деревенского в доме не держала. Строгая была Арина, потачек никому не давала.

И вот теперь к ней поставлена агрономка. Та не поглядела, что дом неказистый, в первый же день схватила старый косарь, потюкала, как это делают мужики, отбойным молотком по ржавому лезвию, поплевала на

ладони и давай косою махать, окашивать бурьян-крапиву. Арина только руками всплеснула:

— Экая ты прыткая, девонька!

Она полюбовалась вдоволь на Машину работу, а потом ласково пригласила девушку в дом.

— Убог, да что ж... В комнатах у меня чисто.

И, правда, хотя домик Арины убог и крив, внутри он выглядит вполне пригожим, уютным. Ничего, что в сенях старые рассохшиеся доски гулко разговаривают под ногами, — в избе, в двух небольших комнатах, разделенных легкой переборкой, пол плотный, чистый, доски, вышорканные ногами, отдают свежим блеском с желтым таким отливом, словно навощенные, в проходах от самой двери настланы домотканые дорожки. В одной из комнат, что поменьше, стоит комод с зеркалом, у стены, ближе к окошку, — деревянная кровать с пухлой горкой цветастых подушек.

— Это будет твоя.

— Ох как весело! — только и сказала Маша. Она наскоро оглядела стены, потолок, вышла в другую комнату, более просторную. — А это твоя, тетя Арина?

— Зачем моя? Общая. — Арина отступила чуть в сторону и показала на печь. — Больше там нахожусь.

Маша только теперь разглядела третий закуток, называемый чуланом. Тесно в нем. У самого устья печи стоит лохань, на лавке самовар, чугуны, горшки, а к задней стене приделан небольшой лежачок, отгороженный от кухни ситцевой занавеской.

— Тут моя пристань, — сказала Арина.

С утра и до позднего вечера новая жиличка стала пропадать в поле. В колхозе до Маши Земцовой не было никакого агронома. Может, поэтому люди сперва к ней отнеслись равнодушно, всерьез не приняли. А бригадиры, так те определенно заявили, что агроном в их деле только помеха. Колхозники судачили и так и сяк, большей частью уповая на то, что «был бы дождь да гром, не нужен и агроном». Старый председатель где-то краем уха слыхивал, что без специалиста теперь не обойтись, но, в сущности, не представлял, чем нужно агроному заняться. Да и новый поначалу не сразу определил свое отношение к агроному — сам был еще зелен в делах.

Все эти толки тетка Арина приносила с поля, хотя выкладывала их девушке и каждый раз была готова выслушать ее возражения. Но та, кажется, и не собиралась возражать, по простоте своей отмахивалась от докучливых деревенских пересудов и тут же хваталась за какую-нибудь домашнюю работу.

— Пустое, тетя Арина. Пойдем в огород.

Арина слегка злилась на беспечность Маши, а в душе грозилась больше не заступаться, но вскоре забывала про свои угрозы, видя, как та заботливо охаживает грядки. «Ловкая, ничего не скажешь, — отмечала Арина. — Намедни косить с собой взяла. Да где старухе за молодой угнаться: раз коснет — на полшага вперед уходит». Арина и сама была ловка косить, в молодости никому своего места в косьбе не уступала, но Машины достоинства сразу оценила: «Эта похлеще меня будет». Может, потому так горячо и заступалась она за молодую агрономку.

...Маша еще в школе мечтала стать агрономом. Ждала своего дня, когда окончит семилетку и поступит в сельскохозяйственный техникум. И вот годы учебы позади, у нее диплом агронома.

Маша любила бывать в поле и смотреть, как поднимаются всходы, зацветает рожь. Весной ей непременно надо было первой исходить каждую загонку, прежде чем трактористы выедут за село и начнут прокладывать свежие борозды. Готовясь к севу, она придирчиво осматривала все свое хозяйство, перед началом работы внимательно проверяла, хорошо ли отлажены у механизаторов плуги, культиваторы, сеялки. Иной раз садилась за прицепщика или начинала управлять сеялкой. Молодые трактористы попробовали было отделиться шуткой от назойливой агрономки. Но где там! Маша прикрикнула на одного, другого — быстро приструнила ребят. Сумасшедшая какая-то, решили про нее механизаторы, лучше не связываться.

Особенно их поразил случай, когда Маша турнула задиристого Ваньшу из кабины и сама уселась за рычаги.

— Ты чего это делаешь? — испугался тот.

— А ничего. Хочу показать тебе, как надо пахать.

И показала. Парень только рот раскрыл от удивления. В обед около вагончика ребята устроили потеху над незадачливым упрямцем:

— Ну как, Ваньша, научился?

Тот набычился, засопел:

— Ага, все понял. Будет еще приставать, мятку получит.

— Смотри, как бы она тебе шею не намяла!

Маша Земцова заботилась не только о хлебе. И на фермы к животноводам часто заглядывала. Феденька долго косился на агрономку, считая, что та лезет не в свои сани, только авторитет заведующего подрывает, но как-то незаметно смирился с этим, стал выведывать у Земцовой насчет массажей и всяких там кормовых рационов. Земцова охотно рассказывала все, что знала, но Федор Васильевич мало усваивал из ее «ученого рассказа». Наконец и вовсе махнул рукой: «Ладно, знаем мы эти дрючки. Ты нам кормов побольше заготовляй».

А в животноводстве и впрямь дела все как-то не клеились. В Лаптеве, например, двор совсем завалился, врос в землю, утонул в болоте. Ни пола там, ни добрых кормушек. Доярки по бревнам, набросанным в проходе, добирались к коровам. А доить — хоть на улицу выводи буренушек: на дворе потонешь. Маша как-то за-тащила меня туда поглядеть на беду доярок. Но и я ничего толкового не придумал, распорядился только двор заколотить, а коров не впускать, пока его не отремонтируют. Бригадир прямо за голову схватился.

— Да как же я отремонтирую? У меня людей сейчас и в поле не хватает.

— А вот так! — струбил я. — Думай, голова.

Проходят дни, двор заколочен, коровы на ночь остаются в выгороде. Там сторож сидит у костра, караулит. Но скоро кончится лето, наступят холода. А тогда что?

Маша не дает покоя ни бригадиру, ни мне. Что ни день, пристаёт:

— Надо бы поскорее отремонтировать.

— Надо! — злюсь я. — Сам знаю, что надо. Но как?

— Собрать бы людей.

— Ну вот что, Земцова. Ты у комсомола за вожака, что ли?

— Нет, Аня Заторова, фельдшерница, верховодит.

— Тем лучше. Соберите-ка с ней молодежь в клубе. Приду поговорить.

Вечером молодежь сошлась в клубе. Поглядел я на горстку девчонок, невесело вздохнул.

— Это все тут?

— Все!— задорно выкрикнула маленькая толстушка с длинной косой.— Только ребята не с нами.

— А где же они?

— В Тюшкове. Гулять ушли.

— Ну что ж... Коли ребята вас не любят,— пошутил я,— давайте утрем им нос.

— А как?— дружно поинтересовались девчата.

— Просто. Завтра возьмем лопаты и выйдем на воскресник. Будем копать канавы у лаптевского двора, чтобы осушить его перед ремонтом.

Девчата от неожиданности рассмеялись. Но наутро все пришли. Еще спозаранку поднялись, собрались возле конторы.

— В поход, девушки?— вместо приветствия спросил я.

— В поход!— за всех ответила толстушка Аня.

— Тогда «на плечо!»— и запевай.

— «А ну-ка, девушки, а ну, красавицы...»— грянула песня.

Это было неожиданным и для меня, потому что подал я команду явно в шутку. Но когда девичий отряд дружно запел, я вышел вперед, встал во главе колонны, вскинул лопату на плечо и тоже подхватил песню. Задорные голоса взбудоражили все село. «В такую рань, с чего бы это?»— спрашивали колхозники. Отряд вышел за околицу и весело потопал по лаптевской дороге...

Канавы рыли три дня кряду. Работали весело, с шутками, иногда садились отдыхать и, чтоб стряхнуть усталость, пели песни. Ко двору часто наведывался бригадир, сокрушенно качал головой и, расстроенный, уходил обратно в деревню. На третий день сюда заглянули четыре старика.

— Бог в помощь!

— Не очень-то он нам помогает,— буркнул я, не разгибаясь.

Старики почесали затылки, ничего не ответили. А потом сходили домой, принесли ломы, топоры, пилы.

— Чего вам, деды?

— Да вот, ремонтом думаем заняться.

Улыбнулся я, вылез из канавы, начал угощать стариков папиросами.

К осени двор в Лаптеве был отремонтирован.

— Молодец, Земцова,— похвалили Машу на заседании правления.

Арина теперь вовсе души не чаяла в своей жилищке. Для нее «Марусяка» что свет в окне. Особое расположение Земцова завоевала у Арины после «льняных» звеньев.

Дело это началось еще с прошлого лета. Однажды бабы, работая на льне, вытребовали меня в поле. Пришел, спрашиваю, в чем дело.

— Не хотим даром работать. Почто нам трудодни, деньги подавай!

Они слышали, что соседние колхозы установили дополнительную оплату в «твердых» рублях.

— Ну что ж,— пообещал я,— полтину за сотку до нормы и рубль — за сверхплановую. Идет?

— А не обманешь?

— Нет!

Для убедительности еще прибавил:

— Рассчитываться будем каждую пятидневку.

Земцова рядом стояла. Взвизгнула радостно от таких слов и пошла винтить баб. Всех в поле увлекла.

Первые две пятидневки правление колхоза рассчитывалось прямо в поле. Бригадир измерял сотки, бухгалтер тут же заносил данные в ведомость, начислял деньги. Воспрянули люди духом. Навалились на лен. Но на третью пятидневку денег в кассе не оказалось. Я на коня — и в район.

— Давайте ссуду, не то бабы совсем изверятся, бросят лен!

— Нет,— говорят в банке,— под лен ссуды не даем.

— А на что даете?

— Вот если коров надумаете прикупить... Новый двор начнете строить...

Плюнул я с горя, пошел не солоно хлебавши.

На улице неожиданно сталкиваюсь с редактором районной газеты.

— Привет молодому организатору! Как дела?

— Как сажа бела.

— Чего рано киснуть начинаешь?

— Не кисну, а думаю, где бы коров прикупить.

Редактор оживился:

— Ты это всерьез?! Вчера был такой разговор в райкоме. Почин бы организовать!

— Ну вот и организуй.

Наутро вышла газета с передовой статьей, набранной крупным шрифтом, заголовок — «Почин колхоза «Красное Знамя». А к вечеру ссуда была получена.

Лен в ту осень колхозники быстро вытеревали, околотили, разостлали. И государству вовремя сдали. Взяли хорошую выручку, зимой ссуду вернули банку. Но в райкоме все же дознались, куда она была потрачена. Досталось и мне, и редактору за скороспелый почин.

На следующий год в колхозе мы опять начали задумываться насчет денег для авансирования.

— Нет,— сказал я,— со ссудой теперь ничего не получится.

— Как же быть?— всполошились правленцы.

Земцова как бы невзначай предложила:

— Давайте лен разделим по семьям. Организуем мелкие звенья.

— Ну и что?

— А то, что денег наперед не потребуется. Положим звеньям треть выручки за труд в конце года.

— Дело, пожалуй!

Так и постановили.

Маша взялась сколачивать звенья, делить в поле лен. Дело это оказалось не таким простым, как сразу виделось. Большая семья,— конечно, звено, тут и мужские и женские руки есть. А как быть одиночкам? Их на селе не мало, их не обойдешь, сил не хватит без них. Тут-то и пришла на помощь Арина. Она всех старушек и вдов сколотила в одну группу, сама за звеньевую среди них стала. Ударное по всем статьям звено получилось. И, когда настало время производить расчет, Ариныны «пионерки» больше всех получили. В других звеньях у кого десять рублей на льяной трудовень, у кого двенадцать вышло, а звено Арины выгнало по восемнадцать.

— И-их, девоньки!— радовалась Арина.

— Куда же девать будем такие деньги?

Машу «девоньки» готовы были на руках носить. Что и говорить, боевая попалась агрономка!

И в клубе Маша начала быстро над молодежью верховодить. Сперва озорников, шалопаев всяких к рукам прибрала. Уж как только ни бился с ними участковый милиционер Колычев! А ничего-то у него путного не выходило.

Он, Колычев-то, был мастак в другом деле — все с самогоном боролся. Выйдет, бывало, за село, сядет на бугорке и глядит, принюхивается, откуда кислым дымком потягивает.

Но и наши мужики не простаки. Пока до актов не дойдет дело, и так и эдак крутят, одним словом, водят за нос участкового. А приспичит — шабаш! Тут уж грех пополам: ведут Колычева на заимки. Там в тайниках и первач, и кое-что из закуски у них найдется. Начнут уважать...

Иной раз так «науважают» блюстителя порядка — он и пугач свой потеряет. Взбирается тогда Колычев на лошадь и начинает канючить:

- Отдайте, мужики... Перестаньте шалить.
- А как насчет актов, друг-паря?
- Сничтожим.

Тем дело и кончалось. В общем, не до молодежи ему было.

В сельсовете не раз задумывались насчет дружины, но с ней тоже была неурядка. Начнутся праздники, пойдут гулянья, как отличишь дружинников от простых смертных? Пить садятся за общий стол, гулять тоже ходят вместе, а если драка заведется, так про то не вспомнят, кто там дружинник, а становятся быстренько в ряды «своих» и «несвоих»... Нет, на дружину тоже плохая надежда.

В своем кругу Маша Земцова вроде бы и без дружинников обошлась. С ребятами у нее установились строгие отношения: шалить шали, а озорничать не смей. Девчонки сразу потянулись к новой подружке: им с Машей теперь и по темным улицам ходить не страшно, если надо, любого парня отошьет.

Как-то под Новый год решили комсомольцы устроить елку в клубе. Вечером завели игры, танцы. Но вот пришли ребята из соседних деревень. Один малый, хватив лишку, начал вдруг выкомариваться, приставать к девчонкам. Раменские ребята попробовали было уговорить его. Куда там! Выхватил ножик, давай им размахивать. Девчонки врассыпную,

ребята тоже порядком струхнули. Одна Маша не растерялась: подошла к парню, отобрала нож, а когда тот начал буянить, вывела на крыльцо и при всей публике поддала под зад — кубарем покатился со ступенек. Только и видели потом его. Еще бы! Побили бы ребята — куда ни шло, стерпеть можно. А тут девчонка навтыкала!

Острой на язык Маша была всюду. Режет правду-матку в глаза, ни субординации, ни авторитетов не признает. Бедовая, да и только! То одного, то другого распояшет. Взять того же Федора Васильевича. Как-никак ходил долгие годы в председателях, а теперь вот заведует всем животноводством в колхозе, персональное седло и лошадь по штату положены. А Маша срезает Феденьку под самый корень: «Зачем ему седло? Напьется, опять потеряет».

Был такой грех с Антипиным. Все это знают, а потому хохочут мужики. Выступает на правлении Феденька, про свиноводство речь заводит, а Маша реплику вслед:

— И чего расхвастался? Заморил свиней-то. Держит их на запоре!

Федор Васильевич прямо-таки балдеет от такого замечания.

— Да ты что такое говоришь, Земцова? — накинется на нее Антипин. — В своем ли уме?..

Пошли члены правления, проверили. Невеликое «свинство» действительно оказалось в самом плачевном состоянии. Три свиноматки от голода хрюкать уже устали, только жалобно повизгивали в углу свинарника, а взъерошенный хряк еще буйствовал, пытался пяточком поддеть и сорвать дверь с петель. Федор Васильевич осрамился окончательно, когда при входе в свинарник был сбит голодным хряком, ринувшимся на свободу.

— Вот зверюка! — не то возмущался, не то гордился потом Федор. — Сразу признал. Ишь, как набросился!

Забегая вперед, надо сказать, что было у него еще мороки с хряком. Подержали того с год, увидели: нет проку от производителя. Правление решило: подкормить хряка и заколоть на мясо.

Феденька, учтя критику, подкормил на свою беду. Резать собрался, взял с собой на помощь соседского

мальчонку. Только вошел с ножом — хряк на дыбы. Мальчонка испугался, второпях закрыл стайку на задвижку и убежал на улицу. Хряк вдоволь погонял Федора в закутке, все штаны на нем изорвал. На шум прибежал бригадир с ружьем. Федор Васильевич еле выбрался из свинарника...

Но не только строгостью взяла Земцова. Люди видели, что девушка радеет о колхозном добре, всегда расторопна и старательна в делах. Год не проработала, а на том самом участке, где приняла она «первое крещение», выросла нынче рожь всем на диво. Стеной стоит: соломой и колосом взяла. Вот что значит правильно вспахать, вовремя внести навоз, хорошо заделать семена! А поле-то не самое лучшее, каменистое. Где плуг не брал, Земцова заставила вдоль и поперек пройтись тяжелой дисковой бороной.

Правда, к лету другая беда настигла. Вышел комбайн убирать — никак не одолеет высокий хлеб. Рожь плотная, и камни мешают — остаются огрехи. Земцова распушила комбайнера и вон прогнала. А когда он пожаловался мне, начала горячо доказывать:

— Ведь наполовину оставляет! Нельзя убирать комбайном.

— А чем же?

— Косить надо вручную.

Я сердито глянул на агронома.

— Ты думаешь, о чем говоришь-то?!

Сел на коня и укатил в деревню. Но вечером Маша зашла в контору, опять принялась за свое.

— Давайте попробуем.

Я и на этот раз вскипел:

— Где же я тебе столько людей возьму? Сенокос еще не закончился, а тут лен поспекает. Нет, не сделать...

Земцова притихла, помолчала чуток, а потом несмело предложила:

— Может, список составим?

Я взял список первой бригады, приписал внизу всех конторских, служащих сельсовета, в завершение включил фамилию агронома и свою поставил, потом разделил гектары на общее количество людей, повертел листок в руках:

— А что? Может быть, испробуем. Как?

— Сколько получается? — спросила Земцова.

— По шестьдесят — семьдесят соток. Не больше. Если все выйдут, конечно.

Маша, обрадованная, побежала по домам уговаривать людей, начала горячо доказывать, что рожь никак нельзя оставлять в поле, надо убрать вручную. К вечеру на двери магазина комсомольцы вывесили список, а рядом еще «молнию» приколоты.

Наутро я встал пораньше, взял косу, зашел за бригадиром — мы условились выйти первыми. Но когда дошли до поля, Земцова была уже там, всю махала косой.

— Эх, шустрая, — засмеялся Ванюшка.

Я поплевал на ладони и встал рядом. А потом горбатенький Володимирка притащился, он и старуху свою с собой привел, у той в руках серп.

— А эту старинушку зачем? — спросил я.

— Сойдет, — буркнул сзади бригадир.

К восходу солнца вся деревня была в поле. Запестрели по кособору золотистые валки. А потом бабы начали вязать снопы и ставить суслоны. Вот радости-то было! Давно так не жали хлеб. Отвыкли. А тут будто пробудилась старая любовь к знакомой и когда-то нудной, тяжелой работе, но теперь такой отрадной.

Ванюшка не удержался от восторга. Постоял, поглядел на рядки и суслоны, вытер пот со лба, улыбнулся:

— Ишь ты, агрономша, чего удумала!

Радости еще больше прибавилось, когда обмолотили хлеб: по двадцать два центнера на круг вышло с этого поля. Вот тебе и «дождь да гром»!

ВАНЮШКА

Еще третьи петухи на дворе не пели, а бригадир на ногах... То ли наряд собрался давать, то ли так просто, с похмелья, по селу бродит, к чему-то приглядывается, принюхивается. Скорей всего — второе. В голове у Ванюшки дребедень. Он силится вспомнить, кто же ему сказал вчера про Клавдию? Будто бы браги целую квашню держит у себя в сенях. «Для кого?» — морщит лоб бригадир. Начинает припоминать всю ее родню, силится перебрать в уме

всех знакомых. Но в голове так заломило, такой ерлаш поднялся, что Ванюшка, скрипнув зубами, от досады машет рукой и топает дальше. Куда завернуть, он еще не решил. Вышагивает вдоль улицы дедина двухметрового роста танцующей походкой, одна нога в валенке, другая босая. Мягкая росная пыль приятно щекочет пальцы голой ступни, отчего пальцы шевелятся. Хозяин посматривает на свою голую ногу, ухмыляется. С вечера еще потерялась его обувь. Пришел домой под куражом, забрался на сеновал, а утром никак не мог вспомнить, где разувался.

Бредет теперь, умная голова, по селу с одной мыслью, где бы опохмелиться.

— Эхма,— бормочет бригадир,— поправить бы голову, а там и к блинам можно податься.— Он вспомнил, что сегодня суббота, а по субботам Санюшка обычно печет блины или оладьи.

Санюшка — жена бригадира. Тихая, болезненная женщина, она в мужнины дела не лезла, но за домом следила исправно. Встанет чуть свет, воды на таскает, дров наносит, затопит печь, чугуны поставит. А потом бежит в огород — и там у нее целое хозяйство: надо грядки прополоть, частокол поправить, между обкосить. Ванюшка ни в чем ей не помощник, у него свои, бригадирские заботы. Да бражничать по вечерам — вот это тоже его дело. Нынче мужикам вольная воля на селе, а бригадиру и подавно. Хотя как тут сказать да с какой стороны поглядеть. Разве ж мужики в том виноваты, что их мало осталось? Вот и поднялась цена на мужские руки. Нужно и дров из лесу привезти, и хлев починить, и забор поправить у вдовы... А кто старикам нынче поможет, скажем, огород вспахать?.. Везде нужны крепкие мужицкие руки, а их все нехватка.

Бабы знают, что бригадира ни в каком деле не минуешь: лошадь ли выпросить, человека ли какого от колхозной работы отговорить... И за все это ставь угощение. Нынче за деньги, пожалуй, не скоро докличешь себе помсциников. Ведь деньги брать соседу-мужику как-то и неудобно, особенно со старушки. А вот ейной настоечки или там бражчонки какой испробовать — это можно. Чего же тут плохого, почему не уважить? Иной день Ванюша таким образом вчистую «науважается», вдоволь наберется и на-

стоечки, и бражчонки, и всякой другой кислятины-преснятины. К вечеру, глядишь, уже гармошка в его руках объявилась. Кто ее сунет — сам леший того не знает, но Ванюшку это шмало не заботит, знай бредет себе по селу с чувством исполненного долга, пошатывается важно, разводит мехи:

Правит домом Санюшка,
Бригадирит Ванюшка!..

«Ванюшка-Санюшка» — это затаенный ответ на критику бригадирской жены за то, что она сидит дома. Но такая прибаутка нужна бригадиру только для настройки, для разминки, пока на ум не взбредет другой какой мотив. Вот мехи гармошки круто вспузырились, пальцы быстрее забегали по клавишам, басы всхлипнули, а протяжный надтреснутый голос певца начинает выправляться, выводить что-то бойкое:

Простокиши не хлебают,
На сметану не глядят...

Петь бы так и петь, услаждая раздобревшую душу, но, откуда ни возьмись, идет навстречу новый председатель. Ванюшка сжимает мехи, поправляет ремень на плече.

— Гуляешь, бригадир?

Ванюшка мычит, топчется в одном валенке, прячет босую ногу, да та что-то не прячется. То в сторону ее отставит, то позади валенка устроит, отчего устойчивость становится еще слабее.

— Валенок-то где потерял?

Ванюшка ухмыляется: он рад, что разговор переходит на вполне понятную тему, можно теперь не переставлять проклятую ногу. Он морщит лоб, задумывается:

— А его и не было!

Однако председателя уже не интересуется валенок, он, кажется, забыл про него, а разговор круто поворачивает на другое обстоятельство:

— Пить или работать будем?

Ванюшка вмиг меняется в лице. «Работать» — это тема важная. С каждым встречным и поперечным бригадир о том рассуждает: «Жить ой как трудно. А жить-то надо!»

Жить — значит, работать. Это само собой разумеется у Ванюшки. И хотя председатель застал его

нынче вовсе не за работой, бригадир вполне это соображает, а поговорить о делах он считает не лишним.

— Все сделаем, председатель. Ты не расстраивайся, все сделаем...

— Ну-ну,— отвечает миролюбиво председатель, опять покосившись на валенок,— сделаешь вот с такими,— и, махнув рукой, уходит прочь.

До бригадира не сразу доходит упрек, он еще куражится, притопывает обутой ногой. А когда председатель оказывается на изрядном удалении, вдруг спохватывается, смелеет и кричит тому вслед:

— Ей, погоди! Давай поголчим!

Из переулка с пустым ведром показалась Клавдия. Она стоит с минуту молча и ждет, пока я отойду подальше, затем советует Ванюшке:

— Не рычи ты больно, Алексеич.

Бригадир оборачивается, видит сперва ведро, а потом и всю Клавдию, поправляет ремень, растягивает гармошку:

Председателю по шее,
Бригадиру по спине...

Он делает подобие выходки, но только неловко переступает, запинаясь, с ноги на ногу:

Бригадиру по спине,
Не дал лошади мине...

Гармонь быстро смолкает, а голос бригадира хрипло вопрошает вслед уходящей Клавде:

— Клавдюшка, хороша у тебя бражка... Ух, сладкая! Вынеси еще кружечку.

Клавдя останавливается, испуганно озирается по сторонам (не услышал бы кто!), молча кивает в сторону переулка.

— Зайду, зайду,— понимающе бормочет Ванюшка.— Ты уж сходи за водой.

И бригадир, совершив тактический маневр, заходит в переулок с другого конца. Дверь на крыльце предусмотрительно оставлена открытой. Ванюшка быстро юркает в темноту, вдруг натывается на протянутую руку с кружкой:

— На вот, испей.

Он ошаривает кружку, забирает в обе руки, расплескивая, пьет.

— Хороша!— чмокает наконец губами.— Нацеди еще.

— Да будет тебе, бес,— не зло попрекает его добродушная Клавдя.— И так всю квашню опорожнил.

Ванюшка с минуту молчит, утирая усы, прислушивается к урчанию в животе и просит опять, не настойчиво просит, а так, вроде бы совет подает:

— Наклони квашню-то.

— Санюшка заругает. Иди с богом.

Клавдя решительно отказывается наклонить квашню. Она вежливо выталкивает бригадира на крыльцо, хлопает щеколдой.

Потоптавшись на крыльце, Ванюшка начинает снова горланить:

Бабы кузню обокрали
И точило унесли...

— Чтоб тебя разнесло!— кричит из-за двери Клавдя, но Ванюшка не слышит. Он медленно спускается по ступенькам, задевает за что-то и — бултых! — кубарем выкатывается в переулок. Гармонь, всхлипнув, летит в бурьян. Ее потом долго отыскивает бригадир.

Философия обыкновенного селянина проста: пить-то оно и не грех, если уметь вовремя остановиться.

И Ванюшке вскоре приходит такое на ум. Вскрикивает он тогда рано-ранехонько, наскоро завтракает и бежит на работу. Санюшка в такие минуты прямо радуется вокруг стола: подает оладьи, яйца всмятку, ставит кринку молока. Муж торопливо ест, все время трет щетинистый кадык и поминутно повторяет любимшуюся фразу:

— Все, матка. Баста! Работать будем.

Это означает, что с питьем покончено. Теперь держись мужики, бабы, ребятня! Через минуту-другую Ванюшка возьмет гармонь, но повернет ее, как говорится, другим концом. И, может быть, опять позабудет надеть валенок, но это ничего — он выйдет давать наряды.

Наряда, собственно, никакого и не будет. Но люди сразу чувствуют, что гармонь нынче не так играет. Бегут бабы, ребятишки, побрякивают мужики да ла-

дят скорей телеги в поход. Гурьбой высыпает на дорогу сельский люд. Ванюшка видит и не видит все это, разводит мехи и для пущей важности подает отрывистые команды:

— Косу возьми.

— А ты — вилы!

— Колесо потерял? У Мити-пекаря в прикалитке.

Иногда остановится против какого-либо дома, смачно поплюет на дорогу и протопает дальше. Вот и весь бригадирский наряд. Но люди понимают Ванюшку с полуслова. Пройдет тот по селу из конца в конец, и вот уже на обратном пути гармоньего пиликанья выстраиваются за спиной бригадира бабы с граблями, ребятишки с вилами, а вслед толпе выкачиваются из переулков ездовые на телегах, пристраиваются с лошадьми и повозками в хвост пестрой людской веренице. Шумный говорок, конский топот, скрип телег...

Но Ванюшку, кажется, ничто не занимает. Он вышагивает гордо по деревне, не оборачиваясь и не заботясь о том, как все это идет и движется. Нестройная колонна вытягивается за околицу села, вымειвается по пыльной полевой дороге и медленно уползает на луга...

Луг с раннего утра оглашается звонким многоголосьем. На чистой поляне людей нигде не видно, только лошади стоят подле кустов, похрумкивают сочную траву, специально для них накошенную. А рядом, у другого куста, сложены пестрые узелки, косы, грабли, вилы. Стар и млад разбрелись теперь по мелким лывинкам, устремились вниз, к ручейку, где трава растет погуще. Косцы тихо переговариваются между собой, вжикают косами, иногда приглушенное вжиканье перемежается звонким дзиньканьем металла — это когда точильная лопатка прытко ходит по лезвию. Зоровое утро далеко разносит голоса людей и звон кос. То и дело в тихий, размеренный трудовой ритм влетается зычный окрик или тягучее ауканье.

— А-у-у! Нюшка, подь сюда.

Ванюшка тоже где-то ходит с косой. Ни в паре, ни в группе его не увидишь, он находит лывинки покочковатее, куда косить никто не заходит, высматривает затянутые мелким ивняком участки, выкаши-

вает их начисто, не жалеет косу. Работает он напористо, без роздыху. Вот где-то, уж слышно, мужики остановились покурить, бабы с ребятишками — пошлоговать, а бригадир все шаркает и шаркает косой, там и сям вжикает напористо да бурчит что-то себе под нос. Это для того, чтобы бригадира все время чуяли люди, знали, что он ни в коем случае не спрячется, не ушел, а находится тут, на лугах, при народе.

С обеда в соседнем урочище будут метать стога. И тогда бригадир возьмет себе самую длинную рогатину, начнет ею поддевать по две копны кряду, подавать сено на самую большую верхотуру. Вершить стога — его удел...

— Ванюшка, перекури! — слышатся голоса с поляны. Это бабы подают сигнал бригадиру, чтобы тот передохнул, позалоговал. Но Ванюшка не сразу откликается. Он только крикнет в ответ да пуще наваливается на косу. Еще не раз крикнут бабы, и еще не раз крикнет бригадир. А потом затрещат кусты, и Ванюшка, будто лешак какой, шумно выволочется на залог. Весь распаренный, красный как рак, только крупные капли пота блестят на мясистом носу и сочных губах, застряли в рыжей бороде, видны в каждой складке одрябшей длинной шеи.

— Уф, парко. Не к дождю ли?

Он стоит весь на виду, не прячет от людей своего потного лица.

— Пошто к дождю? — ехидно замечают бабы. — Это хмель из тебя выходит! — Мужики в стороне тихо посмеиваются. Ванюшка будто не слышит смеха, мирно беседует с бабами.

— Можя, и так, — соглашается он.

Свертывает большую сигарку, долго набивает табаком, мусолит тонкий конец, чиркает спичку, старательно раскуривает.

— А мужики куда подались? — будто не чувст позади себя мужиков. Бабы понимают шутку, подерживают.

— Там... — показывает неопределенно Клавдя. Веселая Нюшка понимающе хихикает. Те, довольные, ржут. И Ванюшка, не оборачиваясь, тоже ржет, не громко, с участием.

— Бражчонки не захватили, а, бабы? — не то

спрашивает, не то выговаривает он женщинам. Несколькo голосов сердито отвечают:

— Да будет вам, окаянные. Попили...

Бригадир знает, что это замечание в первую очередь касается его самого, а потому больше не заводит речи о браге. Он шамкает сочными губами, трогает щетину на кадыке.

Позади мужики уже встали, начали направлять косы. Кто-то пробует заточку, водит слегка косою по траве. И вот кончена залога. Ванюшка бросает последний взгляд на женщин и отходит к мужикам.

— Еще одна залога — и метать, ребята.

И опять луга оглашаются веселым гомоном сенокосной страды...

Мечут стога с обеда. Иногда начинают и раньше, если на небе ни облачка и солнце припекает с самого утра. Бабы оставляют косы и берутся за грабли; мужики, ребяташки, кои повзрослее или поудалее, принимаются сволакивать копны, ставить стожары, рубить пашенник на остожья. С час ведутся разные подготовительные работы. Вот и стожары поставлены, и остожья приготовлены, и запасные черенки длявил понаделаны, и копен кольцом изрядно понаставлено. Можно теперь приниматься за главное дело. И тут без Ванюшки никто его не начинает. Старый горбатенький Володимирка встанет у стожара, потопчется на вицах, крикнет бригадиру:

— Почнем?

Ванюшка поплюет на ладони, крепко ухватится за навильник, проткнет им копну, приподнимет, нанижет вторую, снова приподнимет, словно убедится, каковы копны на вес, и ухнет к ногам Володимирки целый сенной наволок. Потом уж, вслед за бригадиром, начнут поддевать копны и другие мужики. Ванюшка для такого дела подбирает в свою команду сильных, ловких людей, жадных до работы. Красивое это зрелище, когда мечут стога, если, конечно, глядеть со стороны. Ванюшка то и дело крякает, гукает, кричит на ребят, сволакивающих копны, чтоб поспевали; иногда он приказывает двум-трем мужикам одновременно поддеть на вилы крупную подачу, зычно кричит: «Раз-два, взяли!» — и вот уже высоко над головой взметывается огромная шапка сена. Мелкая труха обильно сыплется из той шапки, набивается за

ворот, лезет в глаза, залитые потом, застревает в волосах. Ванюшка заражает всех своей лихостью. Пот градом катится с его лица, спина взмокла, рубаха до самого пояса прилипла к телу, потемнела, а он все суетится, кричит, гукает. И на баб изредка поглядывает:

— Бабы! А ну не отставай!

Те ходчие забегают с ношами, бросаются сгребать валки, кучить сено. Ребятишки визжат от такой веселой суетни — диво: на глазах как грибы вырастают стога.

— Ленька! — крикнет бригадир иному шалуну вдаль. — А ну, беги, дядю Володю смени. — Это когда стог почти завершен и Володимирке не устоять на зыбкой верхотуре. Ленька карабкается на кресло телеги, ласточкой обнимает приставленную жердь и лезет на стог. А Володимирка тем временем по вожжам спускается на противоположную сторону. Он отдалается от стога и придирчиво оценивает свою работу:

— Хорош! Прямо стоит.

Ванюшка с телеги подает последние охапки, завершает стог. Это уж их с Ленькой задача — положить на вершине сплетенные крест-накрест вицы, словно поставить там свою роспись.

...К вечеру все Ванюшкино войско отправляется домой. Собирается оно на большой поляне, грузит на телеги грабли, вилы, косы, узлы; ездовыми назначаются ребятишки, что помоложе, а взрослые — мужики, бабы, девчата, ребята — отправляются налегке вслед за обозом. Ванюшка на телегу тоже не садится, хотя на войне у него перебиты обе ступни. Он отыскивает под кустом свою гармонь, вроде бы с неохотой натягивает ремень на натруженное плечо, ремень тут же сползает до локтя, и тогда бригадир, опустив руки, держит гармонь на весу, чуть пониже пояса. Пиликнув раза два, он выходит вперед колонны, становится во главе ее. Ванюшкино войско знает этот порядок. И как бы кто ни спешил на село, покинуть строй до срока он все равно не может. Бригадный устав на то строгий. Ванюшка, подобрав мотив веселой песни, отдает команду:

— А ну, запевай!..

И все-таки слабость к спиртному подвела его крепко. Как-то поехал он в район на совещание, но вместо зала заседания угодил в милицию. А дело такое приключилось. Захотелось выпить добру молодцу, но денег при себе не оказалось. Стал просить у знакомой продавщицы в долг. Та возьми и откажи. Ванюшка не долго думая ухватился за нижний венец ларька, приподнял угол питейного заведения, потряс для общей потехи, а в довершение повернул зеленую будку окошком к забору — «закрыл» всю торговлю в ней. Вот было веселья для всех!

Но руководители торговли не разделили общего восторга, пожаловались на такое вероломство. Пришлось Ванюшке на пятнадцать суток задержаться в райцентре, подметать деревянные тротуары. Собралось правление колхоза, стало обсуждать бригадира. Думали постыдить на людях да на этом и поставить точку. Но Земцова вдруг не выдержала:

— А чего мы его уговариваем, как маленького? Надо снять с бригадиров!

Правленцы так и ахнули:

— Как, Ванюшку снять?!

— А кто бригадой будет руководить?

— Найдутся люди! — не сдавалась Земцова. — Предлагаю конюха Анатолия Цветкова поставить.

Пришлось мне поддержать агронома. Ванюшка недобро ухмыльнулся, схватил шапку и хлопнул дверью. Он уверен был, что правленцы еще придут к нему, поклонятся.

Наутро новый бригадир спасовал, не вышел на наряд. Я вызвал Земцову:

— Ну, заварила кашу. Как теперь быть?

Маша не знала, что ответить.

— Ты вот что, беги, наряд пока дай, а я пойду поговорю с Цветковым.

На следующий день Цветков приступил к бригадирству. «Ну и ну, — удивлялись колхозники, — слыхано ли дело, до самого Ванюшки добрались!» А Ванюшка, по натуре человек не злопамятный, быстро смирился с новым положением. Взял топор и пошел в плотницкую бригаду строить новый скотный двор.

АЙ ДА БАНЯ!

Это в давние времена мужик лазил париться в избяную печь и выбирался оттуда обыкновенным чертом. А теперь — шалишь! Почти у каждого не-вдалеке от дома срублена баня. Какой ты хозяин, если не имеешь бани!

У мужиков в Раменье бани, конечно, разные. У одного — черная, курная, это которая с обыкновенной каменкой в углу и небольшой дырой в потолке вместо трубы. Затопишь сердешную — и убегай подальше, пока дрова не прогорят, а то — не ровен час — угорнишь. У другого баня белая: печь в углу поставлена, а в нее вмазан котел для горячей воды, стены и потолок — беловосковые, труба не чадит, лавки, парилка — все как надо. Зайди в такую баню, плесни ковшик воды на раскаленные камни в специальной конурке — так и шибанет оттуда сердитым паром. В черной бане и того проще: знай плечи на каменку, она по-змеиному расшипится — убирай лишь ноги, не то ошпаришься.

Ах, что за чудо такое — сельская баня!

После трудовой недели, когда пот пробьет, кажется, насквозь, просолит одежду и обувь, хорошо побаниться с венничком. Сбросить с себя весь соленый груз, распарить натруженные руки и ноги, размочалить задубевшую спину, отмыть свалявшиеся вихры чуба... Одним словом, привести себя хоть на один денек в человеческий вид. Потому как на другой день крестьянину снова корпеть в работе, кряхтеть под тяжелой ношей, нажигать новые мозоли. Но в субботу ему обязательно подавай баню.

К вечеру, когда усталое солнце начнет медленно закатываться за лес, повсюду — в огороде, в низине под обрывом — задымят, закурятся сельские бани. Сизые дымки тихо поплывут по задворкам, мягко повиснут над яблонями. И вот уже, глядишь, отдымили бани. Первыми пойдут мыться бабы, ребятнишки. А мужики, в ожидании своего часа, в сумерках рассядутся где-нибудь на завалинках, а то — на бревнах. Начнут угощать друг друга табачком. Поговорят о делах сельских, о том, о сем. Иной раз веселую байку заведут, чтобы скоротать времечко.

...Баня у Митрича еще ничуть не остыла, только

вошла в самую силу. Он разделся в предбаннике, взял березовый веник, ударил им для приладу по круглому животу и юркнул в дверь. Зачерпнув ковш воды, брызнул на каменку, та сердито ответила. Бросил второй и третий.

— Живая, язви ты поперек!

Вот и сосед Петрович вваливается через порог. Он тоже, шагнув к каменке, бросает ковшичек воды, словно вносит этим свою лепту, и тоже одобрительно отзывается о паре.

Пыхтят соседи, отдуваются. По очереди залезают на полок, лупцуют себя вениками, сползают вниз, окатываются водой и снова, плеснув ковшичек на каменку, забираются на верхотуру. Пар винтом ходит от потолка до пола, горячит, бодрит тела, снимает с мужиков усталость. Грязь тоже снимает, будто отдирает с распаренной кожи слой за слоем. После веников пускаются в ход мочалки, затем снова берутся веники.

Лупцуют себя мужики, отфыркиваются, приплясывают, словно в диком танце, подзадоривают друг друга, соревнуясь в лихости и жаротерпении.

— Ух, мать чесная!..

— Наддай. Ходи, ходи! С веничком!

За окошком — тихая сумеречь. Звезд на небе не видеть, и месяц бледноликий выкатится на миг из-за туч, ополоснет холодным блеском паровитые крыши бань и опять юркнет за черную занавесь. Ходит будто сторожем по небу, охраняет покой на земле.

Сельская улица совсем опустела. Бурная жизнь в этот час переместилась на задворки.

В соседних банях тоже пар стоит коромыслом. Всюду полощутся, хлещутся, слышится разъяренное шипение каменок, оханье, аханье, звон шаек, drobный топот, говорок и веселое приплясывание. Кажется, нет в мире никаких других звуков. Замерла улица: не мыкнет скотина во дворах и собаки вокруг приумолкли, не нарушают лаем тихой вечерней благодати.

Через час-другой улица снова оживает: во всех домах засветятся окна. На столах появятся пузатые самовары. Подобревшие женки обшарят шкафы и дальние полки, вытряхнут оттуда пироги с вареньем, рыбники, банки с соленьями, всякую другую снедь...

Ах, что это за прелесть — сельская баня!

Неведомо отчего, этот танец Севера носит такое сладкозвучное имя — «ланчик». В Старом Раменье его называют еще нежнее — «ленчик». После войны мне пришлось немало поехать по селам и лесным деревенькам Ярославской области. Там молодежь танцует нечто подобное ланчику, но величает этот шумный трепачок не ланчиком и ленчиком, а забавным прозвищем — козуля. В глухих местах Ярославщины, может, в шутку, а может, всерьез, северный хороводный танец окрещен еще более странным именем — «долото».

На гулянье я собрался,
Батяка сунул долото.
Матка на ухо шепнула:
«Подолби, да не люто!»

Помню, к нам, курсантам военного училища, выехавшим на помощь в колхозы, прибыл как-то секретарь райкома и в шутиливой беседе упомянул про «долото».

— Научите наших ребят хорошим танцам, а то долбят и долбят по вечерам свое «долото».

В первый вечер после той беседы мы решили исполнить совет секретаря и отправились в сельский клуб. Не знаю, понравились ли местным девушкам наши «современные» танцы, но вот их «долото» нам пришлось по душе. Я его хорошо запомнил. Но почему танец так чудно называется — «долото», никто нам не смог сказать. Не нашлось объяснений и на Вологодчине.

Впрочем, что гадать да закидывать, откуда происходят иные названия и связаны ли они с повадками жителей, с их бытом, весельем и потасовками, которыми была богата старая деревня. Помнится, еще дед и отец мой красочно расписывали такие вот гулянья. Тогда, в старину, на святки, на масленицу и даже на пасху выходили мужики на кулачные бои, выходили деревня на деревню, ломили, что называется, стеной... И грудь, и голову, случалось, проламывали понапрасну в уличных боях.

С отзвуками народных «баталий» мне довелось встретиться самолично в Старом Раменье. Игрища и гулянья заканчивались здесь иногда шумными драками. Хорошо, когда все идет ладно и складно, когда

пляшет и веселится одна деревня. А вот если соседняя деревня нагрянет, да еще незваной-непрошеной, тут уж без драки не обойтись. Так бывало даже в шестидесятых годах...

Ленчик в Старом Раменье танцевали шумно, раздольно, дробливо. В этом танце многое, кажется, удачно соединилось: что-то взято от русского перепляса, что-то от вальса, что-то исходит от распевного «страдания» или известной на Руси «матани». Давайте внимательно приглядимся к ленчику, как он начинается и расплясывается... Вот собирается молодежь в тесном сельском клубе или высыпает на просторный луг теплым летним вечерком. Парни сбиваются по одну сторону, девчата — по другую. Так образуется круг. Ребята загорелые, чубатые, девчонки озорные, голосистые. Первый ряд занимают кавалеры, во втором ряду встают их милашки. Впрочем, милашки пока что ничейные, ребята только потом будут разбирать своих задушевных подруг, а девушки в ходе танца еще могут переменить свое место и сделать выпляску совсем не перед тем кавалером, который намечался вначале. В танце допускается свободная импровизация, строгих правил здесь нет.

Да-да, никаких строгих канонов с самого начала и до конца. Парни выходят ни шатко ни валко, треплют чубы, поправляют кепочки; иных силком вталкивают в круг, и тогда кавалеры стоят несмело, не зная, куда девать руки. Некоторые машинально лезут в карманы, извлекают махру, папиросы. Угощают друг друга, закуривают — что тоже не запрещается в ленчике. Таким образом, у ребят ведется своя «подготовка», своя душевная разминка. Их избранницы пока что ходят павами, кружатся, словно примеряясь к ребятам и друг к дружке, постукивают каблучками и бесконечно поют о дролях, о задушевных товарках, о злых разлучницах, вспоминают добрых мам и обязательно — веселых гармонистов, не дающих «спокоя» ретивому сердцу.

Бравых кавалеров вся эта сердечная суета, кажется, не занимает, не интересуется. Они важно покуривают, тихо переговариваются, переходят с места на место, что опять же не нарушает правил танца.

Но вот — миг! — что-то происходит в рядах парней.

Недокуренные папироски летят на пол, наскоро затаптываются, по рядам проходит легкий шумок. Ребята, кто в лад, кто не в лад, горлачат ответные частушки-скороговорки, поют быстро, словно боятся куда-то опоздать, а потом лихо пускаются в пляс. И дробят, и кружат девчат, и ходят цепочкой по кругу, разбиваются на пары и сыплют, сыплют припевки...

Если танец происходит в клубе, под ногами пол заходит ходуном, разохшиеся и вытертые половицы заговорят о своей нелегкой доле. Когда же ленчик танцуют на лугу — сама земля задрожит, будто поблизости прогонят дикий табун лошадей. Тяжелые каблучищи ребят стучат, грохают, бухают. А девушки, рассыпая мелкую дробь, проплывают пышногрудыми лебедушками мимо кавалеров, выдав им отпляску, передернув плечиками, трепетно отходят назад, как бы приглядываясь, хорошо ли все у них получилось. А ребята тут уж входят в полный раж: пуще забухают сапогами, загрохают каблуками... И так топать они будут долго, с усердием, словно заранее поклялись достучаться до самой Америки.

Голосистый перелив трехрядки заполошно всколыхнул вечернюю сумеречь за околицей деревушки. Из-за пригорка, со стороны «поповой» школы, высыпала шальная ватага. Впереди этой ребячьей ватаги, крупно косолапя, ходко строчит сокольниковский гармонист Васяня-бригадир.

Васяне без малого сорок. Нашумится с утра, пока дает наряд колхозникам, убегается за день-деньской, к вечеру, глядишь, примолк, сник, совсем утих. И, кажется, багатом не прогнать бригадира дальше ворот, никаким калачом не выманить на улицу, если не случится какого пожара. А вот если Васяня малость выпьет, то тогда другой разворот. Он сгребет свою старую хромку, выгнет дугою покалеченную шею и вскричит: «Геть, веселая братва, бегом ко мне!»

Бригадир мигом сколотит пеструю компанию и поведет молодцов в соседнюю деревню Старое Раменье напрямик, через хлипкие луга, через болото, благо, что та деревня совсем недалеко, всего в полукилометре.

Васяня крепко прихрамывает, нога у него покалечена в драке. Но шагает бригадир споро, вывертывая и

выставляя хрошую ногу сильно в сторону. Туловище при этом низко наклоняется, и весь Васяня здорово припадает на правую. Ремень гармошки то и дело сваливается с плеча, Васяня резким движением локтя посылает его обратно на место; пальцы, не отрываясь от планки, ловко снуют, суетливо бегают по кнопочкам. Басы хрипло выкрикивают в такт неравномерному шагу.

Лицо косолапит Васяня, перекатывается будто колобок с боку на бок, а за ним пылит по дороге орава.

Развеселые чубарики-молодцы Витёк и Никола, первые заводилы по части хулиганских запевок, держатся по правую и левую руку от гармониста, ни на шаг не отступают от него и всю дорогу горланят частушки. Васяня озорно трясет головой, поминутно оборачивается, зыркает лютым глазищем на ребят, чтоб те дружнел подхватывали.

Председатель золотой,
Бригадир серебряный,
Отпустите погулять —
Сегодня день не ведренный.

Бригадир согласно кивает головой, точно выдает разрешение на гулянье, и, довольный, щерится, прикладывает ухо к трехрядке, крутит шей, будто ему и в самом деле тесен воротник.

С шумом, гиканьем вваливается веселая орава в Старое Раменье.

Я мальчишка-хулиган.
Батка делает наган:
Отнимает от телеги
Колесо на барабан.

Вздрогнула, всколыхнулась сельская улица. Завечеревшие было дома вновь ожили и как-то враз насторожились. Где-то с треском хлопнули ставни, откуда-то из переулка донеслись тревожные голоса:

- Никак тюшковских черти несут?..
- Пошто... Это соколята.
- Кажись, быть драке...
- Пронеси осподн.

Старик Володенька в этот час сидит на чурбаке, старательно отбивая старую, заржавевшую косу. Заслышав песню и голоса, он медленно распрямляется, тяжело глядит на дорогу.

— Ишь оне, загуляли...— бурчит недовольно.— Это в сенокос-от!

— Кхе-кхе,— откликается на его слова сосед.

Кузнец Паля, по обычаю своему, зорюет под любимым окошком, на завалинке, жжет вечернюю порцию едучей махры. Кузнец силло затягивается дымом и натужно кашляет.

— Кхе-кхе... Гулевая пошла молодяжка,— высказывается он более определенно.

— Драть их некому...

Володенька вешает косу на верхнюю перскладню крыльца, машинально нащупывает рукой долото, воткнутое в стену. Он теперь бойцовски стоит вполуоборот к дороге и тяжело, хмуро смотрит исподлобья.

Зазывные переливы гармони ближе и ближе к дому Володеньки, задорные, певучие голоса становятся все звонче и громче — прямо забирают, будоражат улицу. Теперь не слышать уже бляения овец, мычания коровы в соседнем дворе, не доносится оттуда тугих ударов молочных струй о дно подойника. Сельский вечер целиком заполняется веселым гомоном, песенным перезвоном и молодецким посвистом.

Я у тещи был в гостях,
Суп хлебал гороховый
И с улыбкой на устах
Третий день сижу в кустах.

Вздыхают мехи в руках у Васяни, гармонь кричит, рокочет, рассыпает трель. Подвыпившая ватага, оглушив всю улицу, горланит новую частушку про Ванюшку-бригадира, хотя тот уже с месяц как находится в отставке.

Ходит Ванюшка босой,
Не тверезый, не косой.
Он играет, и поет,
И наряды всем дает.

— И-их, мать чесная! — срывается восхищение с чьих-то уст.

А дальше слов не разобрать... Дверь раменского клуба, что стоит в центре села, за старым кладбищем, с шумом распахнулась, на крыльцо густо высыпали сельские плясуны. Они только что лихо дробили ленчика.

— Эй, Васяня! Кончай базанить.

— У-лю-лю!..

Тракторист Толяха Цветков расталкивает толпу на

крыльце, выволакивает за собой Афоню-гармониста, коротко приказывает:

— Жарь плясовую!

Афоня то ли важничает, то ли трусит, но медленно спускается по ступенькам. Толяха дробит чечетку, шумно скатывается по ступенькам вниз и, широко раскинув руки, коршуном идет на противников. Тут и Афоня смелеет, рвет мехи. Раменцы рекой текут из клуба на улицу, окружая и обволакивая ватагу соколят. Оба гармониста — шальные заводилы. Толяха, Витёк и Никола оказываются в тесном кругу, нос к носу. На них напирают со всех сторон, покрикивая, подзуживая:

— А ну-ка, вдарь, Васяня! Не уступай...

— Никола! Сыпь, Николка!

— Толяха! Частушку!

— А ты, Афоня, чего губу отвесил? Жарь!

Состязание началось.

Ничего нет более задорного и удивительного, чем сельское состязание гармонистов, плясунов, частушечников. Захлебнутся хромки, тальянки в голосистых переборах, всхлипнут, зарыдают, зайдутся в соловьиных трелях. Охрипнут наконец, но не замрут... Плясуны отколачивают дробного трепака с оханьем, аханьем, посвистом; то закружатся волчком, то широко разбегутся по кругу, да выкинут коленца, да всыпят заряд ладошей... А какие частушки вылетают в этой импровизированной «перебранке»!

Ой вы, робя-робятё,
Где вы денег беретё?

Толяха крутится на одной ноге, останавливается перед Николкой, плавно разводит руками:

По деревне ходитё,
Наверно, воруетё!

Но и Николка за словом в карман не лезет. Он быстро выдает замысловатый ответ:

По деревне мы идем,
Чикоем, брякоем.

Васяня зыркает глазом на своих, и те дружно подхватывают, помогают Николе:

Кому в ухо, кому в нос—
Больше не калякаем.

Такая частушка звучит вызывающе. Но ни та, ни другая, противная сторона не обратит внимания на

вызов, не окажись поблизости дяди Володи. О нем, старом драчуне, пока никто не думает. Но он тут как тут, стоит с долотом в руках.

— Это кого же мне в ухо?..

Васяня, завидев его, устало пятится назад и тихо свертывает гармонь.

— Брось, дядя Володя, шутки это.

Но Володеньку трудно утихомирить...

— Бей соколят! — раздается крик сзади...

А ленчик шел задорно, весело.

Да, случилось, что славный вечер заканчивался неминуемой потасовкой. Тут, как говорится, не убавить, не прибавить.

Я ВЕРНУСЬ К ТЕБЕ, ДЕРЕВНЯ!

Прошли годы. И снова довелось мне побывать в Старом Раменье. Нет, на этот раз никто меня туда не посылал «поднимать» сельское хозяйство. О тридцатитысячниках, к сожалению, постепенно забыли. Но сами-то они не могли забыть тех бурных лет. Как для кого, а для меня они оказались поворотными.

...Осенью пятьдесят восьмого я уезжал из Старого Раменья. Колхозники долго судили-рядили на собрании и так и эдак дело поворачивали, но под конец решили отпустить заочника МГУ для завершения учебы. В заключение кто-то предложил взять с меня слово вернуться с дипломом. Разговор шел душевный, и я дал мужикам твердое обещание. Его тут же занесли в протокол. А потом земляки-доброхоты написали мне в Москву, что у них произошли большие изменения. «Красное Знамя» объединилось с соседней «Авророй». Позже объединенное хозяйство в числе других артелей преобразовалось в совхоз. «Твердое» обещание мое повисло в воздухе, возвращаться было некуда.

К тому времени и учеба в МГУ закончилась. У меня появился диплом, а новая профессия позволяла сделать любой выбор. Я выбрал родной город в Подмосковье — там и остался.

Как-то летом взял отпуск и собрался было укатить на юг, к Черному морю. Неожиданно получаю письмо с Вологодчины. Старый друг, бывший зональный секретарь Николай Васильевич Чернов, сообщает, что он

перебрался из знакомых мест в другой район, работает теперь председателем колхоза.

«...Тигинские места живописные, кругом леса и озера. И речка протекает под окном. Приезжай,— звал к себе Николай Васильевич,— полюбуйся на зеленое раздолье. Купаться и тут есть где. Вода в речке чистая, прозрачная — плещись, сколько угодно. Или с удочкой броди по тихой заводи...» Друг знал, чем пронять горожанина!

Кто хоть однажды побывал в тех северных краях, тому не устоять перед соблазном вновь оказаться среди дремучих лесов и девственных озер, подышать ядреным воздухом, увидеть нетронутым мир зеленой благодати, пройтись босиком по росной траве.

Быстро собираю рюкзак и как на крыльях мчусь к Ярославскому вокзалу. Заранее настраиваюсь на лирический лад: «Милая Вологодчина! Стоило ли покидать тебя?»

Стучат торопливые и гулкие колеса. Душная ночь сменяется прохладным утром. К обеду — нужная станция и теплые объятия друга. Чернов усадил меня в свой председательский «газик» и покатил в глубь лесов.

По мере удаления от городской цивилизации все сильнее начинаю ощущать всем существом своим единение души с природой. Постепенно переносюсь в мир сельской тишины и неброского уюта, по которому успел стосковаться.

Друг не обманул моих надежд! Тигинские места, где он хозяйствовал, действительно богатые и славные. Там и леса, и озера, и шелковистые луга, и речка под окном. Правда, Николай Васильевич, как истинный селянин, возиться с отпускником не стал — не до того ему было, — все предоставил в полное мое распоряжение: дом открыт, рыба — в реке, а природы не занимать — из окна нагуляешься.

Целыми днями брожу по окрестным местам, вволю дышу, загораю — одним словом, провожу отпуск. Если не просплю, то еще на зорьке спускаюсь к реке. Воткну в бережок два-три удилица и поглядываю на поплавки: не клюнет ли горбатый окуnek, не зацепится ли шальной ершишко...

Солнце разогрел, заберется ввысь — купаюсь, плаваю в реке, на горячем песке валяюсь. Вечером, когда друг отрывается от своих председательских забот,

идем промышлять рыбешку на омутах. Много рыбы нам и не надо. Наловим с котелок — тут же на берегу костер разложим. За ухой, за разговорами и не заметим, как из лесу подкрадется ночь. Тихая, лунная. На траву падет роса. Небо вызвездится и такую благодать ниспошлет на землю!..

Но председателю утром рано вставать...

Мы нехотя поднимаемся, гасим костер и молча шагаем к дому. Пересекаем скошенный луг, взбираемся вверх по косогору. На угорище остановишься, поглядишь назад — благодать-то какая! Над рекой стелется туман, заволакивая берега и чернеющие отроги крутых излучин долины. Сонный луг медленно затягивается дымчатой кисеей, белые волны, словно вспененное молоко, накатывают и накатывают с реки, укрывая всю низину туманом, лишь вершинки стогов бугрятся из-под него...

Невдалеке от нас плотина сельской ГЭС. Там день и ночь бурлит и падает вода. Клейкий туман теперь как бы сдерживает бег ночной волны, приглушает шум водопада.

Деревни весело смотрят светлячками в ночной сумрак, игриво перемигиваются с вершин темнеющих холмов, словно зазывают друг друга в гости. Невольно ждешь: вот-вот где-то взиграет гармошка...

Отпуск еще не кончился, в запасе целая неделя, а мне что-то взгрустнулось в Тигино. Я засобирился в дорогу. Николай Васильевич сердито отговаривает:

— Какого еще лешего?!

— Не знаю...

И, впрямь, чего еще надо? Знай любуйся туманами, набирайся сил, вари уху. Так нет, душа по вечерам стала беспокойной, зовет и тянет куда-то, торопит в неизведанные дали. Уж так, видно, устроен человек. Хороша жизнь, а чего-то всегда не хватает.

Друг наконец махнул рукой, усадил меня в машину и отвез на вокзал.

— Уж не в Раменье ли потянуло?

— Конечно!

И вот оно, Раменье, совсем рядом. Шофер попутной машины крюка делать не захотел, а высадил меня в Поповке. Отсюда верст семь пешком.

Я пробираюсь лесом, старой заросшей дорогой. Когда-то тут был зимник, и летом случалось ездить, я это помню, а теперь просеку затянуло сплошь мелко-лесьем, буйной травой. Из лесу на дорогу шагнул малинник и всюю разросся на обочине. По обе стороны от старой просеки дремучий лес. Над макушками деревьев полыхает солнце. Кроны мачтовых сосен и густых елей уперлись в безоблачную синь неба. Острые лучи солнца прорезают зеленую бахрому и, дробясь, льются косыми дрожащими струйками на землю. Лес радужно светится, земля слегка парит, наполняя воздух духотой и ароматом трав. От каждого бочажка тянет прелой сыростью и крепким настоем багульника. В тени деревьев на траве еще поблескивают изумрудные дробинки росы, и когда нога ступает в тень, широколистник роняет на землю горячие слезинки.

Спешу проскочить лес, поскорее выбраться на опушку, за которой, знаю, начнется болотистый луг, он упирается в поле. Стóбит только перепрыгнуть обводную канаву — и дорога поведет по склону вверх, а там и рукой подать до Раменья.

Вот наконец и опушка леса. Чащоба расступилась, и вдали замаячил знакомый холм, завиднелись силуэты крестьянских построек: домов, гумен, сеновалов, бань, беззаботно рассыпавшихся по косоугору, шагнувших вправо, и влево, и вглубь за угор, спрятавшись там по самые маковки крыш. По западному склону вьется, петляет узкая полевая дорога, поднимается вверх до крутого взлобка, подбирается вплотную к крайним избам и теряется за ними где-то на селе.

Всю правую сторону склона, от дороги — под обрез южного горизонта, где небо, лес и земля сходятся в одной линии, занимает поле ржи. Поле кажется сейчас огромным, раздольным, оно мерно волнуется, перекатывая серые волны буйного жита, а над ним висит марево, дрожит сухой каленый воздух, пропитанный запахами цветущих злаков. Влево раскинулось море клевера. Оно в цвету, переливается яркими красками, пахнет медоносами. Вблизи этот бархатный ковер кишит пчелами, шмелями, осами, всякими мошками и блошками, охочими до сладкого сока. Легкий ветерок прохаживается на просторе, волнует и рябит цветущее половодье, тревожа ползающее и жужжащее царство насекомых.

Я бегу по пыльной уезженной дороге, легко поднимаюсь в гору. Узкий коридор враз обрывается: вот и околица! Меня встречает старая, без макушки береза, приветственно помахивая длинными нитями повисших ветвей. В их шорохе и тихом шепоте листьев слышится упрек полуденному страннику: «Явился, блудный сын!». Ей, старой сударушке, не впервой встречать и провожать людей. Все-то она видит и все-то знает...

В летний день село кажется пустынным. Взрослые где-нибудь на покосах, стар и мал убралась в тень. В зной вся сельская живность прячется, разбредается по укромным местам: собаки лениво дремлют в своих конурах или под крылечками, куры распластались у забора, ворохаются в лопухах, дымчатый кот свернулся клубком на завалинке, голуби спят на чердаке, воробьи забились под застреху.

Выхожу на центральную площадь. Здесь, посреди села, кладбище и церковь. Деревья изредились, отчего площадь стала более просторной и какой-то неухоженной: церковь посерела, на толстых вековых стенах появились грязные потеки и обозначились трещины, а полуразвалившаяся колокольня украсилась зеленой порослью.

На дальнем краю площади стоит двухэтажная контора, напротив магазин, а сбоку, на углу кладбища,— пожарное депо. Там, на скамеечке, дремлет чернобородый с хищным носом старик, это Паля-кузнец. При мне он ковал, а теперь поставлен сторожем у пожарки. Старик привалился к стене, сидит не шелохнется,— наверное, спит.

Контора оказалась закрытой, магазин тоже на замке. Я постоял немного и потопал дальше. Но не отошел и десяти шагов, как за спиной что-то забулькало, захрипело, затрещало. Оглянулся — на высоком столбе тарахтит стальной раструб. Ага, радио заимели. А раньше только поговаривали о нем. Серый раструб потарахтел немного, настроился — и сонную тишину разорвали громоподобные звуки:

— Р-Русь! Слава тебе!..

Паля-кузнец вздрогнул, второпях чертыхнулся и полез в карман за куревом...

К вечеру село стало оживать, наполняться знакомыми и до боли родными звуками. Где-то скрипнул

колодезный журавль, хлопнула калитка, вдоль улицы пропел грудной бабий голос:

— А-аню-у-утка-а!.. Ты где запропастилась, холера!

Недалеко от церкви стоит дом Федора Антипина. Просторный, старый, с зимовкой и покривившимся двором. Летняя изба обшита тесом. Усадьба Феденьки выпирает чуть ли не на площадь и ни к какому посаду не относится. Перед окнами палисад, а за домом — крохотный огородик, обнесенный ольховым частоколом.

Феденька в огороде, копается в грядках. Я окликнул его. Старик выпрямился, приложил ладонь к сморщенному лбу, замигал глазами:

— Ох, кого вижу-то!

Он запрыгал по борозде, засеменил к калитке.

— Сколько лет, сколько зим. О хо-хо!

Мы обнялись, похлопали друг друга по спинам.

— Заходи, будь гостем.

Феденька засуетился у крыльца, тут у него стоял пузатый, начищенный самовар с огрызком прогоревшей трубы. Он начал трясти самовар, наполнять его углями.

— Сей момент мы его...

Встал, досадливо замахал руками: «Куда это запропастилась старуха?» Потом вспомнил, что старуха укатила в город, к деткам, успокоился.

И вот во дворик выставлен хромой стол, постлана клеенка. На нее легли огурцы, тарелка толченого лука, сдобренного сметаной, куски черствого пирога. На широкой каменной плите подле крыльца пышкал самовар. Феденька слазил на сарай, достал свежих яиц, извлек из мучного ларя пыльную четушку, выставил ее на стол. Яйца начал запихивать под крышку самовара.

— Каким это ветром тебя занесло?

— Да вот, отдыхал поблизости, — сказал я, хотя про «близость» упомянул так, для виду.

— Э, вон что. Так, так... Стало быть, не забывается наше Рамежье?

— Ну что ты, как забыть!

Старик дрожащей рукой разлил водку по стопкам, пододвинул мне крупный огурец и дольку пирога. Руки у Феденьки дряблые, в синих прожилках, и сам он

весь одряб, еще больше посивел, только глаза озорно поблескивают.

— Давай за встречу.

— За Раменье, чтобы оно вечно стояло.

На дороге показались телеги с косцами. Анатолий Цветков соскочил с передней телеги, пошел мимо палисада.

— Толюшка, зайди! — крикнул ему Антипин.

Цветков наклонился, глянул сквозь частокол, потом кинулся к калитке:

— Свят, свят, ты ли это?

— Как видишь, бригадир.

Цветков гыгыкнул в ответ, сказал что он больше не бригадир, а снова конюх.

Пришел и Ванюшка.

— Здорово живем, председатель. Кх-м!

— Бог мой, Ванюшка! Как поживает Санюшка?

— А что бабе делается?

Вскоре на Феденькин двор собралось много народу. Мне то и дело приходилось вставать из-за стола, обниматься с дорогими людьми, с которыми четыре года, как говорится, киселя хлебал и всякого лиха отведывал. Охам, ахам и прочим душевным разговорам не было конца...

Под утро в Раменье прикатил директор совхоза Малинов. Василий Михайлович раньше работал главным инженером в МТС, мы знали с ним и дружили. И теперь он обрадовался встрече, усадил в машину, повез показывать хозяйство.

— Совхоз теперь знаешь какой?! — не то хвастался, не то сокрушался хозяин. — Всю кулигу в него ввалили.

Кулигой здесь называли отдаленные подлесные колхозы. Захудалые это были хозяйства: ни зерна, ни молока, ни мяса никто от них не ждал. И льном лесные жители не умели заниматься, а может, он плохо и рос у них. Весь прежний доход состоял из того, что получали от продажи древесины. Но лес с годами повывелся, люди разбежались, некому стало работать на земле и обихаживать скот.

— Разве теперь поднять эти деревни? — вздыхал Василий Михайлович. Он следил за дорогой, стара-

тельно объезжая все выбоины и камни, и продолжал знакомить меня с делами и нуждами совхоза.

— Техники теперь не скажешь, что мало. Под сотню тракторов и машин всяких. Прицепных тоже достаточно. В самый бы раз звенья создавать, камень убирать с полей, кустарник на межниках выкорчевывать. Но все дело в людях: и механизаторов не хватает, и полеводов маловато, а уж про доярок и разговоров не веду — расстройство одно.

Проскочили низинку, где чернели длинные валы заготовленного торфа. Два трактора перетряхивали, сушили торф.

— Органику готовим. Тонн по пять вносим в среднем на гектар. Мало.

— А строительство как идет? — поинтересовался я у Василия Михайловича. Торф меня не интересовал, потому что в голову засела неотвязная мысль: чем заманить в эти края людей?

Василий Михайлович не уловил подтекста в моем вопросе, ответил не сразу.

— А как идет? Средне! Своих людей лишку нет, строительные конторы — они все в городе, от нас далеко. Кто поедет в этакую глушь? А на притужальнике немного натаскаешь...

Он оторвал руку от баранки, поскреб небритый подбородок, переключил скорость и поехал шибче.

— А вообще-то строимся помаленьку. В Раменье двор новый поставили, я тебе покажу его на обратном пути. В Лаптеве — твой еще двор стоит. Телок в нем держим. И «таран» постукивает, подает воду.

— Сохранился?!

— Живой... Не забыл, наверно, Ивана Васильевича. Заводной был старикан, дошлый до всяких технических новинок... Жаль, умер недавно.

— Деловой был старик, — пожалел и я механика. — Помню, пристал с этим «тараном», покоя не давал никому, пока не установили. Сам же взялся и сруб опустить в котлован.

Будто решив почтить память механика молчанием, мы оба полезли в карманы за папиросами, закурили и минут пять ехали не разговаривая. Потом Малинов затормозил, остановился на пшеничном поле.

Мы оглядывали скудное поле с редкими пожелтевшими растеньицами, рвали колосья, мяли их в руках.

— Тут и воронье не летает. Откуда же взяться назему?

— Чего же плохо хозяйствуешь? — слегка поддел я директора, но так, чтоб не слишком было больно.

— А! — махнул неопределенно рукой Малинов и полез обратно в кабину.

Отъехав с полверсты, он вернулся к прерванному разговору.

— Назем назьмом, но и сорт надо менять. «Диамант» сейчас завозим. А эта, «Лютесценс», на наших землях не родит. Колосом мелка, и молотить ее сущая беда — хоть молотком выколачивай.

«Газик» проскочил длинное каменистое поле, опять спустился в низину. Колеса зашуршали по высокой осоке.

— Не засядем?

— Не должны, — буркнул неуверенно Малинов. — Лето сухое, проскочим.

А между тем он стал напряженно вглядываться вперед, выбирать одному ему известные места, которые можно считать проезжими и надежными в этой лядине. Машина вертко увилывала от зыбучих проплешин, перепрыгивая через старые колена, наконец перескочила ручеек, наглухо затянутый осокой и плотным щелкуном, выбралась на твердую дорогу. Только теперь я догадался, что мы направляемся к Тимошкину хутору.

— Не хочешь побывать в Чашливе?

— Проедем ли?

Я знал, за хутором дорога поведет глухим лесом, и там проехать на машине нелегко. Шоферы и раньше говорили: «Дорога что тебе надо: вернуться да еще проехать».

Малинов на мой вопрос кивнул головой — проедем. Но, видимо, подумав, засомневался:

— А, впрочем, черт ее знает. Я давно тут не ездил...

Дорогу мы открывали с ним почти заново. Колен не было видно, все заросло, посреди проезжего полотна рос молодой ольшаник. Василий Михайлович лихо крутил баранку, включил демультипликатор. Мотор бешено выл, хозяин усердно давил на газ, часто сдавал машину назад, швырял ее влево, вправо, брал наискосок старые лужи, затянутые ряской. Проблема

лись все-таки без особых приключений, если не считать малой задержки, когда задним мостом поймали в зыбучей рытвине сукастую валежину и чуть было не оборвали тормозную трубку. Лес кончился, машина мягко покатила по шелковистому лугу. Березовое урочище, на котором раньше чашливцы ставили до полсотни стогов, теперь являло собой удручающую картину. Лес наступал на луг, на каждой поляне лишаями обозначились круги ивняка, чистых мест между ними оставалось немного. По всему было видно, что здесь давно не хаживали с косой, не бывали с топором. Еще год-два, и луг погибнет окончательно.

— Чего не косите?

— Некому косить,— зло буркнул директор. Он, видимо, ожидал колючих вопросов, был настороже и всюю гнал машину.

— Сейчас еще лучше увидим,— предупредил он, когда луг кончился и дорога повела нас по полю.

Граница перехода от луга к полю угадывалась с трудом, и здесь кустарник всюю наступал, заполнял землю. Лишь высокие межкамчатки, которые превратились в холмы, подернутые малинником, чертополохом и еще какой-то дикой зарослью, говорили о том, что здесь было когда-то поле. Загоны слились, стерлись, пашенные разъемы заплыли, затянулись травой, ничто не напоминало о плуге и борозде. Малина, поспевающая на солнцепеке рано, издали красовалась на камчатках крупной усыпной ягодой. Но Василий Михайлович отворачивался от вкусной благодати, катил все дальше и дальше, пока не обогнул высокий курган, поросший жирной лебедой,— место старого коровника — и не оказался посреди деревенской улицы.

И здесь на самой дороге буйно разросся одуванчик, цвели ромашки, лютики, а у забора глазели нежно спящие колокольчики.

Василий Михайлович не предупредил заранее, что везет меня в мертвую деревню. Теперь же, выбравшись из машины, он отошел в сторонку, уселся на траву, достал пачку «Беломора» и молча закурил. По старой привычке я направился было к дому бригадира, но, не пройдя и трех шагов, остановился. По спине забегали мурашки. К домам не вело ни одной тропки, травой затянуло все лысые пятки и вытопанные места, окна многих изб были наглухо заколочены

досками, а те, что не заколочены, глядели отчужденно и холодно.

— Как это? — повернулся я к Малинову. — Ты чего тут наделал?!

Крик вырвался сам по себе, но пыл как-то враз иссяк. Василий Михайлович тревожно отбросил недокурную папироску, вскочил на ноги, провел рукой по груди, нащупал ворот, расстегнул верхнюю пуговицу.

— Как это случилось? — допытывался я.

— А вот так, — зло огрызнулся директор.

Я начал понемногу остывать. Но горечь и чувство невосполнимой утраты не давали успокоиться.

— Да ведь тут было шестнадцать хозяйств, коровник был, телятник. Гумна стояли и дома новые.

— Так что ж из того... Коров в Раменье перевели. Люди разъехались по другим деревням, многие в город подались. А дома — пересчитай — все целы. Заходи и живи.

Я бродил по деревне, считал дома. Одиннадцать, тринадцать, шестнадцать... Три последних дома почти новые, смола выступила на каждом венце, углы срубов покрашены свежей краской. Это жилища братьев Семичевых. Шумливые были братья. Только, бывало, откроется бригадное собрание, как Пеша запрыгает на лавке, Андрюша опустится на колени, затрясет бородой, жалуясь начальству на местное лихоимство и несправедливость. Но кто лихоимец, он не скажет, понимай — сам председатель. А третий, Николай, в это время молчит, знает, о чем шумят старшие братья, но словом не обмолвится, дескать, пусть сам хозяин доходит до всего своим умом, честь по чести разбирается.

Я в таких случаях обычно курил и внимательно вглядывался в лица сидящих, стараясь разобраться в местных распрях. Братья Семичевы удовлетворялись этим, считали, что они поведали наболевшее, и вскоре утихали. Тут уж можно было держать речь, говорить о делах. А до того — ни-ни! Только масла добавишь в огонь.

Семичевы отшумятся, будут слушать внимательно, покачивая головами, трясая бородами в знак доброго согласия. Где они теперь, братья Семичевы? Крикливые, но работающие были мужики. По восемнадцать —

двадцать стогов ставили на семью каждое лето. Все трое — охотники.

С младшим Семичевым однажды ходил и я на медведя, сидел на лабазах. Не задалась тогда охота: только вылезли медвежата на овес, а Николай Семичев не сдержался, кашлянул. Сзади раздался треск, не успели мы поднять ружья, как медвежат и след простыл. Я тогда отругал Николая за то, что он дома не откашлялся. На охоту в Чашливо больше не ходил.

Николай — фронтовик, однорук, но с ружьем управлялся ловко, был удачливым промысловиком. Он же бригадировал в Чашливе. Впрочем, бригадировали они по очереди с Иваном Суловым. Деревня состояла из Суловых и Семичевых, были семьи и других фамилий, но все они происходили от этих двух корней. А потому и порядок такой завели: отбригадирит Семичев, передает бразды правления представителю Суловых. Иван тоже фронтовик и тоже однорук, только у Ивана нет левой руки, а у Николая — правой. А может, и наоборот, теперь не упомяну. Но оба бригадира были горячие, оба охотники и ни в чем друг другу не уступали...

На обратном пути мы завернули на новую ферму. Признаться, после Чашлива мне не хотелось куда-то еще ехать, на что-то глядеть, но директор, догадываясь о таком моем состоянии, непременно тянул на новый двор, чтобы сгладить впечатление, выправить настроение.

Коровник на сто голов был добротный, с автопоением и мехдойкой, под потолком тянулись два ряда электрических лампочек. Для уборки навоза и подачи силоса через торцовые ворота шла подвесная дорожка с несколькими люльками. Во дворе чисто, пол у коров и по коридору подметен, в кормушках — зеленая подкормка. Доярок днем на дворе не увидишь, обеденную дойку они проводят в поле.

Василий Михайлович с гордостью говорил про новинки на дворах: всюду воду качают электромоторы, и еще кое-где появились вот такие мехдойки.

— Ну и как, приживаются?

— Сперва доярки принимают мехдойку хорошо, охотно работают. А потом — беды угол.

— Чего так?

— Да запчастей не хватает. Резины нигде не достать. Из-за этого вот двора не раз в область ездил. Пришлось повоевать. Испортился насос — нигде его нет. И доильных ведер не хватало...

Василий Михайлович подошел к кормушкам, оглядел «дачу» зеленки, потряс охапку горохово-овсяной смеси, определяя ее на вес, потом сорвал стручок, расщепил, бросил горошины в рот.

— Маловато косят.

— Может, на осень берегут?

— Хватит им и на осень. Однолетних нынче посеяно про запас.

Он показал и новый свинарник, сводил на кормокухню, где поставлены разные машины. Наконец решил свозить в центральные мастерские.

— Ремонт у нас на потоке, тут есть что показать.

Про ремонт Малинов мог рассказывать часами. Это был его конек. До своего директорства Василий Михайлович закончил институт усовершенствования инженеров, готовил себя к технической службе, а им распорядились по-иному. Сперва обязанности директора возложили временно, потом это временное перешло в постоянное. Малинов, по всему видно, тяготился директорством, считал эту должность не для «технаря».

— Брошу все к черту, — грозился он мне всякий раз, когда рассказывал о какой-либо трудности. — Вот председателю было бы с руки! Как-никак — и опыт руководства, и с людьми умеет обращаться.

Намек был слишком прозрачный. Я повернулся к Малинову и в упор спросил:

— Уж не мне ли эту должность предлагаешь?

— А что? — оживился Малинов. — Это было бы дело! Поедем в райком, скажем, мол, так и так, решили по доброй воле. Тебя там знают...

Я расхохотался.

— Дадут тебе строгача «по доброй воле», и больше ничего.

Малинов стоял на своем.

— Нет, я вполне серьезно.

Василий Михайлович тормознул, остановил машину посреди дороги, чтобы сказать, видимо, нечто важное. Но я не дал ему и рта раскрыть.

— Во-первых, в совхозной системе я смыслю не больше, чем свинья в апельсинах...— начал я, предвидя его доводы, а больше того убеждая себя.

— Ну уж...

— Нет, ты слушай, коль начал этот разговор. «Апельсины» — присказка. Во-вторых, я вообще не сторонник таких совхозов, как твоя «кулига». Совхоз действительно огромный, слишком даже. Я ведь знаю эти места. В данной обстановке небольшие колхозы оправдали бы себя куда лучше.

— Ты думаешь?

— Я высказываю свое личное мнение. На него можно и наплевать. Но одно тебе должно быть ясно: директора из меня не получится. А теперь поехали...

Но Василий Михайлович, повернув ключ зажигания, заглушил мотор.

— Постой, постой... Ты что, вообще против совхозной системы или тебе только наш совхоз не по душе?

— Это длинный разговор. По-моему, совхозы надо делать сильными, чтоб служили примером. Колхозы надо подтягивать до уровня совхозов, и делать это исподволь. А у нас иногда получается наоборот: совхоз опускают до уровня плохого колхоза.

— Прости, но это что-то новое у тебя.

— Ничего тут нового нет. Колхозы исторически переходная форма, они накопили много ценного в...

— Ты имеешь в виду артельную, кооперативную форму управления? — подсказал Малинов.

— А почему бы и нет? Не худо бы кое-что от нее и в совхозе твоём оставить. Тогда бы поменьше увлекался приказами, на которые крестьянин плюет с высокой колокольни, а больше работал бы с людьми.

— Значит, дипломатничать?

— Не дипломатничать, а советоваться. И откровенно. И прислушиваться к советам. Ведь хороший хозяин ни за что бы не пошел на умерщвление таких деревень, как Чашливо. Это противно его естеству. Как же так? Веками отвоевывать у лесов и болот землю, холить и лелеять ее, поливать потом, а тут — на тебе, взять да бросить, обречь на запустение.

Василий Михайлович вздохнул:

— Напрасно я тебя свозил в Чашливо.

— Разве в одном Чашливе дело! Я был у Чернова,

там то же самое видел. Исчезают дальние деревни, пустеет земля.

Услышав про Чернова, Василий Михайлович изменился в лице.

— Ты был у Чернова?

— Разве я тебе не говорил? Ах да...

— Ну и как он?

Я рассказал, что знал, что успел увидеть, отдыхая в Тигине. Приятно было ощутить, что Николая Васильевича здесь не забыли, помнят его боевые товарищи.

...Еще учась в университете и приезжая на сессию, я будоражил друзей — студентов, подбивал ребят на работу в деревне, жарко доказывал, что, если всем разъехаться по глухим местам, на карте не останется ни белых, ни темных пятен. Жизнь всюду забурлит, и жить станут люди красиво, вольготно. Цель-то какая! Ради нее можно не пощадить своей жизни, сжечь для общего блага. Лишь бы жилось людям легко...

«Ну вот и попробуй первым!»

Попробовал. Сам рвался в работу и людей в колхозе колготил. Доказывал, убеждал, поднимал на штурм. Все хотелось по щепочке, по гвоздику собрать запущенное хозяйство. А оно, как на грех, дырявилось. Беды настигали и изнутри и извне. То кукурузу вдруг, то сахарную свеклу, то бобы заставляли сеять; то укрупнять, то разукрупнять хозяйство. Но не хотелось сдаваться. Трудности, невзгоды, неверие надо было преодолеть, побороть...

*

* * *

Поезд Череповец — Москва увозил меня домой, где ждали семья и работа. В вагоне было душно, сосед по купе опустил окно, и стук колес отдавался в висках. «Ты куда? Ты куда?» — выскакивало из-под колес. — «Странный вопрос! Домой, на работу!» — «По-го-ди, по-го-ди!..»

Сосед завалился на верхнюю полку и затих. Поезд выскочил на крутой поворот.

Я отодвинул занавеску и вплотную приник к стеклу. За окном бежал лес, тянулись перелески, сверкали пруды и речушки, мелькали телеграфные столбы. Натянутые струны проводов, казалось, игриво дурачи-

лись — то падали вниз, то плавно взмывали вверх. Лес вдруг расступался, выплывала оголенная низина с извилистым ручейком и россыпью неубранных копешек сена. Скошенный луг манил своей гладью и свежей обновленностью. «Хорошо здесь после дождичка погулять с лукошком!»

А взгляд мой скользил по уплывающему лугу, то-ропливо обшаривал все излучины петляющего ручейка, что убегал к горизонту. Вдалеке вздымался холм, по склонам которого спускалось до ручейка поле, над хлебами полыхала закатная заря. Левее, у темного обрыва, приютилась тихая деревенька, издали она казалась вымершей, застывшей в своей музейной опрятности.

А мне в тот вечер явно не хватало покоя. Картины прошедшего дня стояли, как живые, перед глазами.

После поездки с Малиновым, оставившей неприятный осадок, я на прощание повстречался с секретарем райкома партии. Повел он беседу издали, пожаловался на свое резко пошатнувшееся здоровье, которое вынуждает подавать в отставку. Как бы между прочим, он спросил:

— Учебу закончил?

— Да.

— Диплом получил?

— Естественно.

— Работа интересная?

— Та, к которой стремился.

Откровенного разговора у нас явно не получалось.

— Ну и как поживает твое Старое Раменьё? — улыбнулся он после затяжного молчания. — Сказывают, ты уж и в Чашливо успел съездить? А вот Малинов, хоть и директор, еще ни разу там до тебя не побывал!

Николай Константинович рассмеялся неизвестно чему. А меня поразила его осведомленность.

— Откуда вам известно?

— Ну, батенька, нам все известно! Земля слухом полнится — испокон веков так было в деревне. Ты лучше расскажи о своих впечатлениях. На свежий-то глаз виднее. Что нового узнал в районе?

Не дав мне собраться с мыслями, он продолжал:

— Совхоз, конечно, нескладный. И директора никак не подберем настоящего. Малинов одно заявление за другим подает, чтобы освободили, а заменить некем...

Я уже начинал догадываться, куда клонит секретарь.

— Говоришь, неплохо жить стали люди, а?

— Да не жалуется. Жизнь пошла на лад.

— Рассказывают, будто ты успел сцепиться с Малиновым из-за погубленной деревеньки?

— Вам и про это доложили...

Тут секретарь предложил мне съездить в совхоз «Пригородный», посмотреть на нынешнее сельское строительство, и, если понравится размах дел, так и остаться для работы в районе...

В поезде я восстанавливал в памяти этот разговор и поездку в «Пригородный». Поразило обилие техники в совхозе. Внушительное зрелище являла собой и комплексная застройка центральной усадьбы. В городах ко всему такому привыкли, а на селе — диво дивное! Многоэтажные дома, к примеру, показались бы в городе серыми коробками, а тут — небоскребы! Новые здания наступают на древнюю деревню, на лопухи и крапиву; магазины в домах — на городской манер — встроены в первые этажи. А старенькие избенки, словно в испуге, пятятся к заросшему пруду. Но с противоположного берега опять же наступают новехонькие, с иголки, корпуса животноводческой фермы... Конечно, недоделок еще много. Кто-кто, а я-то знаю, что подчас эти «мелочи» оборачиваются острейшими проблемами. Но все это, как говорится, дело второе, третье, десятое. Главное дадено, заложено, контуры будущего хозяйства определены. Гордись, директор!

«Щедрые подарки дает совхозу государство!» — сказал я сам себе с какой-то ревнивой завистью, и жаль мне стало Старого Раменья. Скоро ли дойдут руки до каждой деревни?

А колеса будто вступали со мной в спор: «Бу-дет так! Бу-дет так!..»

Когда это будет? Как скоро?

Проплывали мимо холмы и деревеньки, таяли вдали, совсем скрывались из глаз. А я всеми мыслями цеплялся за эти бесценные картины и раздумывал: «Что же сказать тебе на прощание, край родной?..»

Читатель уже знает по первой главе этих записок, что я возвратился в ставшие для меня родными места. И, быть может, архаичными покажутся некоторые проблемы моего очерка, касающегося «далеких» времен. Мы напрягали силы, чтобы поднять экономику каждой малой деревушки. Ныне индустрия, идя в район, как бы перешагивает через те малые, «замкнутые» хозяйства с мелкими заботами, объединяя их в большие колхозы и совхозы, обрекает даже иные деревни на запустение, зато ставит проблемы крупномасштабные: создание механизированных животноводческих комплексов, строительство межколхозных и межрайонных дорог, осушение болот... Усилия крестьянства послевоенной поры помогли накопить силы для разрешения нынешних задач. Наше время в свою очередь создает фронт работ на последующие годы. Впрочем, это уже тема для другого разговора.

КОЛОС СЕВЕРА

1. Такие, брат, дела

И вот ты уже не за один колхоз, а за весь район в ответе...

На первых порах думал — не выдержу, брошу все и подамся куда-нибудь. Какой я секретарь? Никак из меня не хочет «уходить» председатель. Поедешь в колхоз, и пока пробираешься поселком мимо мастерских, цехов районных предприятий, складов, новостроек, — еще ничего, душа терпит. А выберешься на окраину райцентра, начнутся перелески, луга со свежим духовитым сеном в стогах, увидишь людей в поле — и заноеет сердце, затоскует душа. Маята, да и только. Еще хуже, когда попадешь в «Зарю»: прикипел сердцем к этому колхозу за долгие годы, что прожиты в нем, стал он не просто родным, а чем-то поболее: совестью, что ли, твоею стал...

Вон промелькнуло болотце — думает ли теперь кто осушить его? Поле рядом, торфа наскрести бульдозером — знай вози. Сам-то все хотел, хотел, да так и не дошли руки...

Или вот дорога, что бежит от Кичина до Антипина. За мостом — крутой поворот. Сколько раз давал себе зарок выпрямить, поднять полотно да навозить гравия. Но так и не успел починить. И теперь, подъезжая к ложбине, еще издали вижу, что в ней застряло несколько машин: ревут моторы, дым, чад... Наш «газик» еле пробирается объездом, мнет только что вспаханное паровое поле. А меня опять досада разбирает: не успел, недоделал. Ведь как доказывал тогда в обкоме: «Дайте еще годик-другой поработать в колхозе, за мной там должок кое-какой остался: и школа в Паче недостроена, и двор в Соболине только под стропила выведен, и «Мурашки» еще до конца не освоены, а какие там земли, какая ширь теперь открылась на этих самых «Мурашках» после раскорчевки их и осушения!..» Нет, только рассмеялись в обкоме. Говорят: «Школ много придется строить, не в одной Паче».

Эх, дороги!.. Надо Бухонину, новому председателю, наказать, пусть пошлет сюда дорожный отряд. починить выбоину.

Доротряд... Колхозных дорожных отрядов мало еще в районе: в «Заре» да еще в некоторых хозяйствах, а остальные надеются на межколхозный «Дорсельстрой». Создали недавно такую организацию. А она с первых дней заломила баснословную плату за свои работы: тридцать — сорок тысяч рублей за километр дорожного полотна — разденут колхозы и совхозы. «Надо проверить, что у них за расценки такие», — намечаю для себя.

У Антипинского кладбища, сразу за поворотом, — мост. Здесь протекает речка Пишковка. Воды ее тихие, и вся она какая-то сонная, словно пруд. Берега не берега — сплошь осока густая. Темная гладь реки усыпана кувшинками, лилиями. А луга вокруг будто изумрудом усеяны. На песчаной проплевине вечно маячит стайка голопузых загорелых ребятишек. Они лезут в речку, барахтаются в торфяной воде, на кувшинки, лилии не глядят. Городские девчонки придут — не надивуются: визжат, хохочут, если удастся какой из них, задрав подол, зайти в воду и прямо возле бережка сорвать лилию... Нет, не ведают деревенские сорванцы, каким богатством они владеют, какая благодать вокруг них. Они больше насчет окуньков, сорожки и подлещиков соображают (забредает сюда

рыбешка из реки Шексны), мастераят свои немудреные снасти, забрасывают, но терпения рыбацкого у них нет, быстро сматывают лески и бегут на новые места. «Эх, несмышлениши! Разве рыбу так ловят? Распу- гаете только»...

Машина гулко вкатывается на мост.

«Ба, опять перил нет! Кто же это их?» Здешних трактористов я всех знаю наперечет. Но сразу не сообразишь, кто напакостил. Хотя нет, почерк, кажется, знаком. На дороге — свежая бороздка, прочерченная тракторным плугом. И по настилу будто стругом про- шлись... Не иначе как Владимир Заметаев. Шальной парень, с норовом. Но теперь вроде бы остепенился. Женился на учительнице, хозяйство свое стал заводить...

— Эх, дурной! Плуг не мог поднять, — не сдержав- шись, говорю вслух.

Шофер смотрит и не понимает, кто это «дурной».

— Да есть тут такой, Заметаев. А еще Миша Га- личев был. Тоже, бывало, работает — любо-дорого поглядеть, а поедет — вечно плуг забудет поднять...

Проскочили мимо кладбища. Возле самой дороги — холмик зеленый. Тополь над ним вымахал, раскудря- вился, шумит листвой. А давно ли тут хоронили Метелкина, председателя ревизионной комиссии. Стат- ный был старик, осанистый, заметный: борода пыш- ная, огненно-рыжая, а глаза, черные, с веселой лука- винкой, так и сверлят.

Как сейчас помню его глаза...

Избрали меня в том году председателем колхоза. Стал работать, месяц проходит, два — чувствую, народ меня обходит, все к старому председателю жметя. Он, старый-то, оставался в заместителях.

И вот иду однажды по улице, а навстречу — Метел- кин. Остановил, осмотрел с ног до головы, говорит:

— Здорово ты, председатель, с лошадей управля- ешься. Городской, а поди-ко... Видано ли, на такую лошадь, как Чинара, вскочил. Думаю, сбросит. Нет, смотри, влип в седло, удержался...

Я не сразу смекнул, к чему он мне это.

— Берись за дела покрепче. Люди у нас хорошие. Не жди, когда к тебе придут, сам иди, вот так.

Сказал и ушел...

А наутро нашли Метелкина мертвым у канавы.

Упал с лошади, разбился. Вот тебе и «берись покрепче»...

Машина легко берет небольшой подъем и, не сбавляя скорости, катит мимо скотных дворов, расположенных вдоль дороги. На дворах в это время — никого: стадо в поле, а доярки косят где-нибудь зеленую подкормку.

Проскочив переулок, резко тормозим: мы выбрались на центральную улицу, где дорога перекопана, загромождена высоким земляным валом. Здесь, на главнй усадьбе, колхоз сооружает водопровод. Шофер осторожно ведет машину обочиной, пересекает канаву по шатким мосткам и останавливается возле конторы. У крыльца толпится народ. Тут же и председатель — Бухонин. Он без кепки, вихорок льяных волос делает его лицо каким-то юным, почти мальчишеским, и по первому впечатлению никак не скажешь, что этот молодой, улыбчивый парень имеет за плечами уже весьма солидный (и успешный, надо добавить) опыт сельского специалиста.

— Здоровы были, мужики. Чего так улицу разворотили?

— Уж и разворотили! — смеется Бухонин.

— Сам, поди, планировал?

— Где сам! «Бурводстрой». Да разве знал, что так перекопают? Знал — не стал бы с ними и связываться.

От шутки Бухонин сразу переходит к делу:

— Уборку ржи заканчиваем. Может, поедем в поле?

— В поле так в поле.

За то время, что я секретарствую, это вошло у меня в привычку: едва приеду — в поле. И Бухонин уже знает о ней.

И снова «газик» колесит по разбитым полевым дорогам, осторожно пробирается лугами, шуршит по стерне скошенных хлебов.

В «Заре» шесть комплексных бригад, тридцать три деревни. Территория — семнадцать с половиной тысяч гектаров, из них пашни — четыре тысячи семьсот. Есть где разгуляться технике. На уборку зерновых выходит более десятка комбайнов. Работают они и групповым, и одиночным методом, где как поле позволяет. За каждым звеном закреплены грузовики — отвозят зерно.

У старосельского поля мы останавливаемся. Большое, ровное, оно сейчас являет собой внушительное зрелище. Три комбайна плавно движутся друг за другом, грудью наступают на высокие хлеба. С каждым их проходом по кругу ржаной загон становится все уже и уже. Снуют по полю верткие копновозы, стаскивают свежую золотистую солому в скирды на обочину дороги.

К нам подходят бригадир с агрономом. Они прибыли на это поле, чтобы поздравить механизаторов с окончанием уборки озимых. Такова здешняя традиция. А там день-другой на техход — и даешь яровые! Комбайны далеко от нас, ушли на последний разворот.

— Ну как, Галя? — спрашиваю я у девушки-агронома. — Не плачешь теперь?

— Ой, что вы... Не до этого, — улыбается она.

Галя — студентка четвертого курса агрофака. Весной с нею произошел небольшой курьез.

Поехали мы с Бухониным однажды проверять посадку картофеля. «Заря» раньше не особенно славилась урожаем пропашных культур, и мне было интересно узнать, что предпримет новый председатель, какую агротехнику введет. Бухонин, по образованию агроном, три года был главным в колхозе «Шексна». А «Шексна» знает толк в картофеле, по двести центнеров и более снимает с гектара.

Поле, где велась посадка картофеля, было ровное, хорошо разделанное, заправленное навозом. Нога тонула в рыхлой почве. За трактором бегала какая-то девчушка в зеленой косынке.

— Это кто у вас?

— Студентка на практике.

Мы с Владимиром Дмитриевичем ходили по полю, разгребали борозды, проверяли густоту посадки.

Девушка в зеленой косынке подбежала к нам.

— Часто или редко? — поинтересовалась она.

— Тебя как звать-то?

— Галя.

— Ну вот что, Галя, надо не ворон в поле считать, а следить за агротехникой. Видишь, как высаживает машина? Где густо, а где пусто.

Студентка отвернулась, на глазах слезы.

— Да что ты, Галя. От всякого замечания плакать... — стал утешать ее Бухонин.

Мы остановили трактор, начали выяснять, в чем дело. Семена в бункере сажалки оказались неотобранные, клубни изрезаны вдоль. Все понятно. Председатель дал указание заменить посевной материал.

— Удобрение вносите?

— Да, — все еще всхлипывая, сказала Галя. — Вносим по восемьдесят килограммов гранулированного суперфосфата.

— Маркер у вас, кажется, не отрегулирован...

Проверили. Сантиметров на шесть укоротили штырь.

— Вот так, Галя. А реветь студентке четвертого курса стыдно.

— Да это у меня как-то так получилось...

Теперь девушка не кажется такой робкой. Она загорела, возмужала, выглядит совсем бойкой и задиристой. Растет молодежь...

На краю поля, чихнув, останавливается мотоцикл. Прибыл секретарь парткома колхоза Чистяков. Размашистым шагом он направляется к нам. В руках у него красный флажок.

— Чего, Михаил Иванович, в конторе отсиживаешься? Секретарь райкома в поле, а он все заседает.

— Да вот, итоги подводил. Мероприятия набрасывал...

— Мероприятия набрасывай по вечерам. А днем будь в гуще событий, с людьми.

— Поспеваем и в «гущу», — смеется Чистяков. — Пойдемте, поздравим комбайнеров, — показывает он красный флажок и какой-то сверток.

Но поздравлять ребят мне не приходится. Из деревни прискакал верховой, требует скорее к телефону.

Но вызов оказывается не срочный. Инструктор обкома интересуется ходом уборочных работ в районе, советует завтра никуда не уезжать.

— Что случилось?

— Нужно поговорить о перспективном плане организационно-партийной работы. Внести кое-какие изменения.

— Так для этого заворотделом есть, он сейчас на месте.

— Нет, с вами лично нужно переговорить.

И потом, помолчав, инструктор намекает, что и мне бы следовало находиться сейчас у себя в кабинете.

— А что случилось?

— Ничего не случилось. Но в обкоме с утра все спуют и бегают.

По прошлому опыту я уже знаю, почему там «спуют и бегают». Кто-то дает «раскрутку». Надо спешить в райком.

Машина вертко бежит по дороге, выбирает место поровнее, понадежнее. Юра Алексеев, мой шофер, жмет на все педали. Водитель он классный и дороги районные знает, как свои пять пальцев. Не было еще такого случая, чтобы машина где-то надолго застряла. К чужой помощи Юра никогда не прибегает: в ход пускаются лопата, цепи, трос, всякие приспособления, но за трактором шофер принципиально не пойдет, будет выбираться из трясины своими подручными средствами. И выберется. В этом я уже не раз убеждался.

Наконец выскочили на бетонку. Мотор сразу загудел ровно и монотонно, тугая воздушная волна упруго ударилась в лобовое стекло и натянутый тент, захлопали дверцы, словно по ним выстрелили дробью.

Под бешеный, свистящий шелест колес по бетону хорошо думается...

Да, трудно председателю колхоза в уборочную страду. За всем надо уследить: и чтобы комбайны не стояли, и чтобы зерно отвозилось от них без перебоя, и чтобы на складах без задержек принималось, и чтобы государству шло потоком...

А секретарю райкома разве легче живется в эту пору? И за «низамы» надо следить, за всеми «технологическими процессами», знать, кто чем занимается, развязывать «узлы», мобилизовать силы; и за районным аппаратом надо смотреть, чтобы все «механизмы» срабатывали как следует; и «наверх» при этом тоже надо поглядывать, чтобы впросак не угодить, — порою так надавят!.. Свалится вдруг поток телефонограмм, решений, срочных распоряжений, указаний — попробуй разберись во всем сразу.

— Почему хлеб плохо идет на базу хлебопродуктов? — один звонок.

Хватаешься за сводку...

— Картофель давайте. Жмите на картофель! — другой звонок.

Хватаешься за другую сводку...

Или:

— Шефы едут. Примите шефов.

Звонишь в колхозы, просишь организовать прием, поторапливаешь телефонистку, а она вконец зашилась, включает то больницу, то склад «Сельхозтехники». Бросишь телефон, бежишь в гараж.

— Давай, Юрий, заводи машину!

А то вдруг и указание и разнос — всё разом:

— Вы что там сидите, за уборкой хлебов животноводства не видите? Молоко полетело!

«Молоко полетело» — значит, показатель по молоку снизили. Хватаешься за молоко. Собираешь руководителей хозяйств, секретарей парткомов, специалистов, делаешь соответствующее «вливание». А коли взялся за животноводство, да еще накануне стойлового содержания, то видишь, что и дворы в некоторых хозяйствах не отремонтированы, и строители со сдачей новых объектов задерживаются, и с механизацией нелады...

Дальше — больше, и откроется тебе целый букет новых проблем и вопросов. И с подготовкой школ к учебному году не все в порядке, и больницы на зиму без дров нельзя оставить, и жилищное строительство на селе не теми темпами идет... Ух, мать честная, сколько важных дел чуть не упустил из виду!

Планируешь на завтра, на послезавтра «проверить» все эти вопросы, «заострить» их на бюро, на совещании. Но из обкома спешит уже новая депеша: необходимо завершить комплектование сети политического просвещения, организовать семинары пропагандистов.

Давай снова вызывай актив, снова «подкручивай»...

За окном, глядишь, хлещет дождь, погода совсем разненастилась. Руководители с мест, грязные, только что с поля, оторванные от хозяйственных дел, сидят угрюмые, недоумевают:

— Пошто созвали?

— О политучебе, слышь, речь пойдет...

— Политучеба — дело нужное. Да ведь не овес, не осыплется. Чего колготят спозаранку?

Посмотришь на ворчуна строго:

— Тише, товарищи.

А что — тише? Прав ведь он. Если толком-то разобраться, так вся эта суетная толкучка от одного происходит — от неумения так планировать, чтобы не

заниматься одновременно десятью делами. Когда у человека на шее десять дел, тут уж не до того, чтобы выполнить их, тут лишь бы формальности соблюсти.

Надо, надо нам поскорее научиться планировать свое и чужое время — только так можно облегчить сложный труд председателя. Да разве одного председателя?..

*
*   *
*

«Газик», лихо притормозив, прямо с автострады заворачивает к поезду и, проскочив железнодорожное полотно, круто берет в гору. Поселок Шексна стоит на высоком холме. Отсюда глазу открывается широкий простор. Синее вдали ровная гладь Шекснинского моря, видны сооружения шлюза, плотины ГЭС. Два высоких ажурных моста, соединивших берега могучей водной артерии, дополняют этот индустриальный пейзаж. По одному из мостов бежит серой лентой автомагистраль, по другому — проходит железная дорога. А под ними день и ночь беспрестанно прплывают белоснежные «пассажирки», проносятся быстроходные «ракеты», снуют верткие катера, шлепают медленные буксиры с гонками леса. Это Волго-Балт.

...В приемной меня ожидают посетители. По заведенной традиции, они приходят сюда рано утром, чтобы застать секретаря, или к концу дня, когда он может возвратиться. Рабочий день секретаря районщика проходит большей частью в разъездах.

Мы, правда, стараемся сделать так, чтобы кто-то из секретарей всегда оставался на месте. Но сельский ходок тоже мудр: если уж он собрался в райцентр, то непременно ему надо попасть к «главному начальнику». Впрочем, представление о «главном» порой у каждого такого посетителя свое. Для многих сельских жителей самый большой начальник в районе — прокурор. Обращаться к прокурору имеют склонность женщины. Более «практичная» часть населения, мужская, отдает предпочтение начальнику милиции или судье.

Но за пенсиями и те и другие обращаются почему-то в райком. И хотя на одном из кабинетов первого этажа висит табличка «Райсобес», бабушки и дедушки считают за лучшее подняться выше, на третий этаж. Они будут ждать и час, и два, и более; пусть им тер-

пеливо разъясняют, что нужно сначала пойти в рай-собес, — нет, все равно дождутся «главного секретаря».

— Уж как сам скажет. А там можно и в собес...

Беседовать с сельским человеком совсем не просто. Крестьянин ведь никогда ничего не скажет прямо, что называется, в лоб. Ему представляется, что руководитель района должен хорошо помнить его деревню, всех ее жителей. А поэтому повествование начнется издали: он вам сперва расскажет о соседях, об их наклонностях и причудах, о том, что сказал один и что об этом подумал другой, какая хворь приключилась у бабки Матрены и какое влияние все это оказало на ход событий... Ваше нетерпение может привести к тому, что рассказчик постарается начать все сизнова.

— Так что у вас, бабушка, случилось? Расскажите по порядку.

— ...Вот я и говорю, милой, соседу-то своему: «Оставь между пошире». А ему — нет, земли все мало, притесняет... Клеверок ему мой понравился. А я его, родимый, весь прополола. Летом скошу пораньше — отавку жду. А осенью, глядишь, еще раз покошу. Коровы-то я лишилась, не в силах держать, так двух коз пустила... Еще ярочку у Антипихи облюбовала, авось к зиме столкнемся о цене...

— Ну, а сосед-то, он что, межи не признает? Сходите в сельсовет, пожалуйста.

— И-и, касатик ты мой, куда уж мне по сельсоветам. Стара ногами-то...

Мне становится весело от этих слов: в сельсовет стара, а до района добралась. Но бабушка сама догадывается, что невпопад сказала. Она наклоняется к столу и заговорщически шепчет:

— У соседа Ивана есть сестра Полинария, а ейная дочка в сельсовете том сидит, счетоводничает...

Ага, понятно. Звоню в сельсовет, требую немедленно установить точные границы бабушкиного владения...

В дверь шумно протискивается полная женщина. Не дойдя до предложенного стула, начинает плакать. Уговаривать в таких случаях бесполезно. Даю минутку-две выплакаться, потом спрашиваю, что привело ее ко мне.

— С квартирой меня обидели.

Квартирный вопрос требует максимума осторожности и внимания. Прошу рассказать, в чем дело.

— На «Музыке»* я работаю. Подошла очередь, бытовая комиссия утвердила список, а завком отказал.

— Может быть, основания есть?

— Какие же основания? На комиссии почти весь завком присутствовал. И директор был.

— Выходит, в одном месте они голосовали «за», а в другом — «против»?

— Вот-вот, так оно и вышло.

Звоню на завод, спрашиваю, как соблюдается очередь на жилье, почему изменили первоначальное решение.

— Механизаторы нам сейчас нужнее. Если их не удовлетворить, уйдут с работы,— отвечают в завкоме. — А эта женщина — повар.

— Ну уж, простите, у вас не логика, а черт-те что! А если завтра повара подадут в отставку?

— Можем заменить.

Ах, вот как! Вызываю инструктора и даю задание проверить практику распределения жилья на заводе. Женщина уходит довольной, вполне уверенной, что ей дадут положенную квартиру.

Третий посетитель — тоже женщина. Юркая, маленькая старушка, с виду нервная и, наверное, злая. Она с ходу бросается в бурную атаку, заранее видя во мне своего врага.

— Рыжухина я. Слыхали, поди?

— Нет, не слышал.

— Да как же?! Сына моего еще посадили. Это за что же?

— Какого сына, мамаша? Говорите толком.

Рыжухина достает из кармана сложенный вчетверо лист, но отдавать его не решается. Медлит.

— Давайте, мы разберемся.

Она отдергивает руку, взгляд подозрителен. Хочет сначала узнать мое мнение.

— Все против него. Сговорились. И женку черт послал... Говорит, с топором, мол, за ней бегал.

— А может, взаправду бегал?

Мне сдается, что это одна из тех мамаш, которые защищают свое чадо в любых случаях.

— А что ему бегать-то? Она, она во всем виновата! А теперь вот избили сына... И обвинили его же.

---

* Завод «Музлесдрев».

— Ну, в этом следствие разберется...

Старуха вскакивает со стула и быстро прячет жалобу в карман.

— Видно, правды у вас не найти. Пойду выше.

Прием еще не окончился, за дверью у меня сидит дед, наверное, о пенсии пришел хлопотать. Но настроенные испорчено, и я по телефону прошу второго секретаря принять посетителя. Однако дед бастует, не хочет ко второму. Приходится выслушивать и его.

— Я вас долго ждал, товарищ секретарь. А вы меня к другому отсылаете,— недовольно выговаривает он мне.

— А почему, дедушка, именно ко мне хотите?

— Ты главный, ты приказать можешь.

— Нет, приказывать не могу.

Дед не смущается. Он спокойно мигает глазами и пристально разглядывает меня. Сидит он рядом, опирается ладонями на суковатую клюку.

— Ну, как хошь. А только скажи, чтоб добавили пенсию. Я председателем был, колхозы организовывал. А мне, как и всем, двадцать рублей положили.

— Значит, больше нельзя пока.

Старик наклоняет сивую голову, долго о чем-то думает, а может быть, вспоминает свою жизнь, свои старые заслуги перед колхозом. Собеседник из него явно никудышный. Выражение лица у него то и дело меняется, видно, в голове рождаются какие-то мысли, тревожат его, но никак он не может ухватить их.

«А может, дед и впрямь заслуженный...» — говорю сам себе. Начинаю расспрашивать.

— У вас какие-нибудь бумаги есть, дедушка?

— Нету бумаг. Сгорел я еще до войны. Все пропало.

— А было что-нибудь?

— Как не быть. Грамоты были, свидетельства за опыты. После войны медаль «За доблестный труд» дали.

Вызываю заведующую райсобесом и прошу внимательно разобраться со старым колхозником. Может, какие архивы отыщутся, а может, позвонить в колхоз, добавят они пенсии...

Старик согласно кивает головой. Речи он теперь совсем лишился, только из глаз выбегает мутная старческая слеза.

— Не расстраивайся, дедушка. Я обязательно поговорю с вашим председателем.

Он уходит вместе с заведующей. А я встаю и долго хожу по кабинету, все не могу успокоиться.

Виноваты мы перед этими дедами. Ох, виноваты!.. Все для молодежи делаем. О ней только и печалимся: как бы удержать, чем бы заманить в село. А о стариках забыли. Старики что, они не уедут!..

Зав. общим отделом приносит мне папку бумаг. Послезавтра бюро, надо подготовиться. Однако углубиться в чтение документов никак не удастся — постоянно трещат телефоны, на световом табло загорается то один, то другой глазок.

— Это первый секретарь? Вологда вас вызывает. Будете говорить с первым секретарем обкома.

Ага, вот оно, начинается... Не зря предупреждал меня инструктор. Я догадываюсь, о чем будет разговор. Спешно раскладываю на столе разные сводки, отчеты, достаю из кармана увесистую записную книжку.

— Здравствуйте, товарищ Кузовлев. Как дела в районе?

— Нормально, Анатолий Семенович. Рожь закончили. Только что из «Зари» — там последний клин добили.

— Зерна сколько сдали?

Сводка мне не требуется, я помню цифру наизусть.

— На третий план пошло.

— Хорошо. Яровые еще не начинали?

— «Шексна» косит «Пиркку». * Урожай у них хороший. «Пиркка» в бригаде Кадыкова дает с отдельных площадей до сорока центнеров.

— А кировцы?

— Кировцы еще не начинали. Они ведь затянули нынче с севом, поэтому яровые у них не успели.

— Смотрите, «не успели», — выговаривает недовольно секретарь обкома. — Провороните время, уйдут яровые под снег.

— Нет, постараемся не пустить под снег..

— А с картофелем как?

— «Шексна» приступает к копке...

Секретарь обкома не любит общих докладов, у него

---

* «Пиркка» — сорт ячменя.

богатая память, он знает все колхозы, многие бригады и помнит даже некоторые поля. Поэтому стараюсь говорить о конкретных вещах.

— Вы что-то с молоком опять вниз пошли,— переводит Анатолий Семенович разговор на другую тему.— И весной топтались, и сейчас я у вас успехов не вижу.

Я ждал этого вопроса. С молоком у нас действительно «пошло вниз».

— Ну, чего молчишь? — напоминает о себе секретарь обкома.

— А что говорить... Плохо работаем.

— Плохо. Я и сам вижу, что плохо.

— Провели на днях совещание...

Но чувствую, что зря бухнул про совещание, лучше бы и не упоминать о нем.

— И-и, совещание! Не на совещании коров доят — в поле, на пастбище.

— Знаю и это.

— Знаешь, а говоришь что? Разозлиться тебе надо. Поправить с молоком: проверить на местах работу животноводов, усилить кормление...

Обещаю разозлиться, проверить, усилить...

— До свидания.

Я долго еще смотрю на телефонную трубку, потом тихо кладу на аппарат. Нажимаю кнопку вызова технического секретаря.

— Слушаю вас.

Секретарша ждет приказа, но в то же время поглядывает на ручные часики. Вероятно, ее рабочий день уже закончился.

— Приготовьте мне машину...

2. Пути-дороги

В народе говорят: «Волка ноги кормят». Ну а секретаря сельского райкома — дороги. Да-да, дороги! Обыкновенные проселочные дороги, которые бегут по полям и весям и обязательно приводят к какому-нибудь человеческому жилью.

Асфальтовые — тоже неплохие, но похуже: шофер прибавит скорость — замельтешит все перед глазами, ничего не увидишь. А по проселочным — куда как добро. Длинные дороги — что университеты. Пока до-

бираешься до села, готовишь в уме выступление; возвращаешься домой — споры, которые вел только что, доводишь до логического конца, анализируешь увиденное, услышанное, берешь хозяйственные недочеты на заметку. Длинные дороги еще тем хороши, что обо всем успеваешь передумать — и о радостном, и о плохом — и по сторонам не забываешь смотреть.

Выкатишь в поле, на широкий простор, — то-то отрада для души! Особенно по весне. Всё вокруг как на ладони, и вся сила колхозно-совхозная тебе видна, потому как в поле работают механизаторы. Попросишь остановить машину, выйдешь. А механизаторы — народ задиристый, на язык острый. Такой иногда случается разговор!.. Правда, мастера-то — мастера шутить, но за шуткой дела не забывают, не очень с ними напутишься.

Сеять первыми в районе обычно выезжают механизаторы колхоза «Пример». Поля у них не больно просторные — всё горушки да увалы, и камня до лучшего. Но трактористы здесь такие, что всегда что-нибудь изобретут-придумают. Председатель «Примера» Валентин Арсентьевич Ермичев нашел ключи к своим ребятам. У него молодежь держится, после службы в армии возвращается домой. Но и этого, с виду удачливого, сельского вожака постоянно одолевают какие-нибудь житейские тревоги.

— Возвращаться-то возвращаются... — говорит он. — А дальше что? Девочек в колхозе нет... А это не фунт изюма, в магазине не возьмешь. Вот и тянутся ребята в город, за невестами, значит... А из города не всякая позволит себя умыкнуть. Вот ведь оказия какая...

— Ну и что думаешь делать?

Ермичев не торопится с ответом — соображает: медленно покачивает головой, собирая тонкие морщинки на лбу, прищелкивает языком... Говорить начинает обычно издали.

— Пробовали мы всяко. В прошлом году двухсменку на двух дворах организовали. На фермах механизацию торопимся вводить... А все равно не заманишь этим девчат, ни на какую двухсменку не поддаются. — Он хитро улыбается, и у него такой вид,

будто девчата тем, что «не поддаются», только радуют его. — Надумал я вот что испробовать...

И обстоятельно, не спеша, Ермичев начинает излагать свой новый план. Оказывается, он уже закупил два комплекта строительных деталей для тепличного хозяйства. Вот только подрядчиков пока не найдет.

— В теплице работать — что на фабрике. Под стеклянной крышей. И халатик надеть можно. Как думаете, согласятся девчата?

— Наверное, согласятся.

Но Ермичев в думах своих, видно, давно уже определил, что девчата с удовольствием станут работать в теплицах.

— А будут в селе девчата — останутся и парни, — решительно говорит он.

Толковый председатель Ермичев. Колхоз его еще недавно числился в отстающих. Встретятся, бывало, председатели и начнут подтрунивать над тремя «лесными» колхозами, к которым и «Пример» относится:

— В «Дружбе» дружбы никакой нет, там и в магазине бабы из соседних деревень в разные очереди становятся. «Согласие» с соседями в мире не живет. А «Пример» — никому в районе не пример.

Но так было до Ермичева. Теперь «Пример» пошел в гору, с размахом начал строиться, по урожайности обогнал середнячков и вплотную подступил к передовым хозяйствам, таким, как «Шексна», «Заря», колхоз имени Кирова. К Ермичеву зачастили делегации из соседних колхозов. И один из первых вопросов, который задают председателю, — почему держится у него молодежь.

Однако и у этого хозяйства есть свои трудности, свои проблемы. Как-то поехали мы с Сергеем Михайловичем Кульпным, секретарем парткома, в Малую Мушню, самую отдаленную деревню колхоза. Малая Мушняя — деревня подлесная, славилась когда-то и животноводством и льноводством; лен выращивала на больших площадях и сдавала его самым высоким «номером» в районе.

Теперь посадки ее сильно поредели, скотные дворы развалились или вросли в землю, потерялись в бурьяне. Зашли мы с Сергеем Михайловичем в коровник.

Пол наполовину сгнил, крыша прохудилась, залатана кое-как. Но коровы, к удивлению, чистые, упитанные. Значит, уход хороший. Во дворе — никакой механизации, кроме автопоилок да старой подвесной дороги.

А в группе доярки Полетаевой буренушки прямо таки отменные, хоть на ВДНХ вези.

— Сколько же надаиваете? — спросил я доярку.

— За день сто сорок — сто пятьдесят.

В группе пятнадцать коров, на корову — почти по 10 килограммов. Для последних дней октября выходило совсем не плохо.

— А отелов?

— Отелилось пять да шесть в запуске. Значит, дойных девять коров.

Совсем хорошо.

Сергей Михайлович шепнул мне на ухо, что доярка — коммунистка, работает отлично. Но вот беда: на собрания не ходит.

Я спросил ее, в чем причина.

Но Мария Васильевна в ответ только улыбнулась виновато, показав оставшиеся два или три зуба.

— Вы уж меня освободили бы, право... Девятнадцать лет я у коров, через год на пенсию. Дайте доходить...

— Да что вы, Мария Васильевна! Как говорится, бог с вами, работайте на здоровье. Но вы же передовая доярка, как же на собрания-то не ходить?

И тут старая доярка вдруг пригорюнилась и поведала, что подмены она не видит уже пятый, а то и шестой год. Ни подмены, ни выходных. Нет, она не жаловалась, она сообщала все это с какой-то виноватостью даже.

— Да и то сказать, — защищала она кого-то, наверное, руководителей бригады или колхоза, — некому идти на подмену-то. Обезлюдела наша деревня. Ни мальчика, ни девчонки. Чуть подрастут — в город скорей... — Она погладила стоящую рядом корову по холке и снова виновато улыбнулась. — А теперь и подрастать-то некому. Бабы рожать перестали.

Всю обратную дорогу из головы у меня не выходили эти грустные слова: «Бабы рожать перестали»...

Безусловно, одна из причин низкой рождаемости — в изменении социальной функции ребенка в семье.

Раньше на ребенка отец и мать смотрели не только как на продолжателя рода, а в первую очередь — как на своего кормильца под старость, видели в нем будущего работника в семье. Теперь в роли кормильца стариков выступает общество, оно же берет на себя и многие повседневные заботы трудовой семьи, которые раньше лежали на плечах подрастающих детей.

Но в мелких, опустевших деревнях действительно стало некому рожать. В среднем на одну деревню нашего района теперь приходится 52 жителя; хозяйств 19, а на хозяйство падает по 2,7 человека. Детей и подростков до шестнадцати лет не так уж много, на каждые 10 семей — 7 подростков. А средний возраст занятого сельского населения в районе перевалил за сорок.

*
* * *

Эх, дороги, дороги! Сколько мудрости, радости, печали и волнений таите вы в себе, сколько дум и тревог рождаете.

По дороге из села редко когда едешь один, все кого-то подсадишь. А посадил — значит, разговор.

Как-то летом, под вечер, возвращались мы из «Искры Ленина». Впереди через дорогу только что прогнали колхозное стадо; взбитая тысячью ног пыль, медленно оседая, серым облаком затягивала западную кромку неба. Оттого солнце сразу сделалось крупнее, будто огромный кровавый шар надавил на край земли.

Вдруг на обочине — человек. Сидит себе в пыльной канаве, сам с ног до головы в пыли, а лицо в мазуте. Механизатор, конечно.

— Ты чего это развалился? Не хватил ли часом?

— Какое хватил — сутки вот не спал.

— Залезай в машину.

Разговорчивый оказался человек, даром что не спал. Правда, разморило немного, оттого и в канаву сел — передохнуть.

— А сутки-то не спал почему?

— Да как сказать... Ездил в подшефный колхоз. Директор наш наказал мне вырыть там траншею, дал

сроку три дня. А я не поспал — за сутки управился.

— Теперь домой?

— Отосплюсь и назад вернусь. Может, еще какую работенку подбросят. У меня «С-100», машина серьезная. Попусту гонять нет расчета.

«Верно, расчета нет, — мысленно согласился я с механизатором. — Надо загрузить трактор, коли направили в подшефный колхоз из такой дали».

— Ты на «Музыке» работаешь?

Механизатор расхохотался:

— Точно. А откуда видно?

— Оттуда, откуда возвращаешься. В «Искре Ленина» ведь был? А там «Музлесдрев» шефствует. Давно в механизаторах-то?

— Да уж порядком. До войны еще начинал... Вот, — выбросил он вперед правую руку, на которой недоставало двух пальцев, большого и указательного, — войны успел прихватить. А теперь прав на мотоцикл не дают. Разве это порядок?

— Выходит, нельзя без пальцев.

— А на тракторе можно? — построжел мужик.

— Не знаю. Смени профессию...

— Не... Чего мне ее менять. Вот колхоз на завод сменил. Это да. Раньше тоже в колхозе вкалывал.

— Чего же ушел? Не понравилось?

Попутчик мой покрутил головой в знак несогласия.

— Почему — «не понравилось»? В колхозе работать можно. Вот вкалывать механизаторам по шестнадцать, а то и по восемнадцать часиков приходится — это плохо.

— Ну уж, по восемнадцать. Загнул ты, дядя.

Но «дядя» уступать не захотел:

— Нет, не загнул. Работал, знаю. В колхозе оно как? То тебе посевная, то сенокос, то уборка... А людей всегда нехватка.

— Что верно, то верно.

— И еще одно не нравилось в колхозе...

— Все критикуешь.

— Да, коль вспомнилось... Лошадь, видишь, народится — ей сразу паспорт, пожалуйста. А человек вырастет, жениться пора, а все ходит без документов. Разве это порядок?

Старый механизатор сошел у развилки дорог, через

километр мы взяли нового попутчика, но я все думал над теми словами: «Разве это порядок?» И вспомнился невольно один недавний случай в колхозе «Дружба».

Колхоз этот — в лесном краю, отрезан от райцентра бездорожьем, все пять деревенок его рассыпались по правобережью Волго-Балта. Земли мало, большая вода отняла хорошие луга и пастбища. Потекли люди из колхоза. А нынешним летом вдруг возвращается солдат из армии. Валентин Иванович Иванов, председатель «Дружбы», — ходом к нему.

— Давай, парень, оставайся, я тебя на моториста выучу. Колхоз недавно катер купил.

Парень подумал, подумал, да и согласился.

Но не тут-то было. Как узнали родители, что парень решил остаться в колхозе, давай отговаривать. «Да что это ты удумал? — говорят ему. — Ты же в авиации служил, а теперь колхозником будешь. Белены, что ли, объелся...».

Скис солдат. Но и слово дал председателю, неудобно уговор рушить. Пошел он тогда в сельский Совет и предложил такой вариант:

— Дайте паспорт, чтобы утешить моих стариков. А я, даю честное слово, никуда не уеду.

На том и порешили: выдали паспорт.

Когда я был в «Дружбе», там снаряжали бригаду косцов на дальние луга. Моторист, оставив катер, вместе с другими колхозниками собирался на косьбу... Видно, получив паспорт, он и стариков и себя успокоил.

Вот ведь какая это штука — паспорт!

Теперь положение изменилось. Третий съезд колхозников установил, что молодежь в шестнадцатилетнем возрасте сама решает, подавать ей заявление в колхоз или не подавать. Не подал заявление — ты не колхозник, следовательно, получай паспорт. А подал...

Дальновидные председатели колхозов давно поняли, что отказать в паспорте — значит, отпугнуть молодежь от деревни. И по истечении положенного срока выдают паспорта всем, достигшим шестнадцатилетнего возраста, выдают в торжественной обстановке, заодно проводят посвящение в хлеборобы.

Но, к сожалению, поступают так далеко еще не все...

И вот, мотаясь по дорогам, сколько их, молодых, встретишь за околицей села! Оставив родной дом, они с ожесточенной решимостью отправляются в неведомые дали. Причины разные. Одним подавай романтику, другим — просто паспорт (а коли получил его, так почему бы не крутануть по свету?), третьим — соответствующую их образованию специальность...

Как-то, завершив дела в селе Чаромском, вышел я к своей машине, глядь — а там уже и пассажирка сидит. Этакая словоохотливая бойкая деваха. Так и пышет задорным озорством.

— Можно, я с вами?

Спрашивает разрешения, а сама давно уже расселась, будто купчиха на базаре, — все заднее сиденье заняла сумками, свертками, кулечками и сама расположилась довольно основательно: сняла берет, распустила волосы, кофточку расстегнула.

Появился шофер, молча нажал на стартер, и машина тронулась.

— Куда же прикажете вас доставить? — осведомился я у пассажирки, чтобы, не дай бог, не увезти ее в обратную сторону.

— А мне в сторону Чуровского. Я ведь узнала, что вы в Шекспи едете.

Ехать молча не пришлось. Девушка просто не могла ехать молча. Она была довольна складывающейся жизнью, довольна своей ловкостью и удачливостью, и ей необходимо было поделиться переполнявшим ее чувством.

— Я, знаете, у геологов устроилась...

— Интересная работа?

— Да... — она запнулась, спрятала глаза. — Ну, не так чтобы...

На побегушках, значит.

— И какой же оклад положили?

— Да уж семьдесят пять-то будет, наверно.

Выходит, недавно у геологов, коль зарплаты еще не получала...

Выяснилось, что девушка только в этом году окончила десятилетку, живет недалеко от Чаромского.

— В институт — побоялась, решила сперва поработать.

— Ну а чего же в колхозе не осталась? Поработала бы с годок, колхоз в институт, глядишь, направил бы.

Но непрошенная попутчица резко оборвала мою агитацию:

— Фи! Колхоз наш — дыра!

И она начала с запальчивостью перечислять все те неудобства, которыми избилует село, которых она вдоволь насмотрелась и от которых вдосталь натерпелась (это в семнадцать-то лет!). Одним словом, колхоз — дыра, и ни что другое.

— Ну а что ты знаешь о своем колхозе?

Оказывается, девушка о нем ничего не знает, кроме того, что там «надои самые низкие». А о том, что «Советская Россия» заложила несколько дворов, строит теперь много жилых домов, во все бригады проложила новые дороги, а той самой школе-десятилетке, в которой девушка училась, выделила целый комплекс машин, 25 гектаров лучшей земли для опытного участка, — моя попутчица и ведать не ведает.

— Может, это и так, — не сдавалась она, — а только все равно у нас не интересно.

Вот так. И доводов-то практически у нее никаких нет, а «не интересно» — и все. «Дыра»!

Да, в селе нет многого, но действительно ли родина этой девчушки — дыра? Нет! Это дыра в нашей воспитательной работе, дыра в системе сельской профориентации, в результате — дыра в голове у этой бывшей десятиклассницы.

Конечно, у девушки впереди еще вся жизнь и ей хочется жить интересно, осмысленно. Только вот насколько ее работа у геологов интересней, осмысленней труда доярки?..

Да, человек волен выбирать. И должен выбирать. Но ведь надо и объяснить ему, что свобода выбора без цели — это свобода пустить на ветер свою жизнь. Ладно, у парня там какого-нибудь талант математика, ему в университет надо. А что нужно этой девчушке в геологическом отряде? Разве только городской штамп в паспорте о месте работы.

Преобразовывать своими руками деревню, чтобы она стала по-настоящему современной, высококультурной — да неужели это не почетное дело для вся-

кого молодого человека? Но мы пока пишем и говорим в таком плане лишь о больших стройках (какого-нибудь крупного автомобильного завода, например, или ГЭС), а о деревне... Когда мы советуем молодежи оставаться в деревне, то словно забываем о том великом, историческом, что в ней сейчас происходит.

3. Гудит земля

— Ну, братцы-строители, с вами не заскучаешь. — Директор совхоза «Любомировский» Николай Александрович Кармановский встал из-за своего директорского стола, весь распаренный и какой-то взъерошенный, и направился к выходу из кабинета. — Всегда вы так. Спор — дым коромыслом. А комплекс не подвигается.

— Не от нас же зависит, Николай Александрович, — попытался на ходу урезонить его начальник стройколонны Петр Григорьевич Туровец. — Дорожники ведь задержали...

Дорожники — это районный межколхозно-совхозный «Дорсельстрой», который ведет дорогу к строящемуся овцеводческому комплексу. Полотно они сделали, заканчивают отсыпку гравия, а вот строительство моста действительно затянули. Начальник «Дорсельстроя» Василий Викторович Майоров на планерке рьяно оборонялся, пытался доказать Туровцу, что мост строительству комплекса не помеха, можно и без моста обойтись.

— Как это? Как? — кипятился Туровец. — По воздуху летать прикажешь?

В споре не участвовал только директор мелиоративной станции Вениамин Забегаев. Начальник он еще молодой, а потому больше приглядывается, прислушивается. Но и ему этот чертов мост до зарезу нужен. Мелиораторы ведут в Любомирове большой объект, им постоянно приходится перетаскивать свои дренажники, бульдозеры с участка на участок и каждый раз — форсировать речку. Спор в кабинете до того накалился, что решено было перенести планерку к месту действия.

Выйдя из конторы, сразу сели в машины и поехали по новой дороге. Навстречу пылили порошние

МАЗЫ, КРАЗЫ. Они, очевидно, только что свалили гравий у моста и возвращались теперь в карьер.

Подъехали к речке. На мосту работала бригада бетонщиков. Прораб направился в нашу сторону, быстро отдавая на ходу какие-то распоряжения.

— Мост почти готов, — доложил он. — Но ездить по нему недели три нельзя. Надо, чтобы бетон как следует схватился.

— Вот! А что я говорил? — опять загорячился Туровец.

Майоров, буркнув в ответ что-то относительно технических норм, ушел с прорабом осматривать перекрытие. Мост добрый, хоть колонну танков пускай.

Но наше внимание привлек автокран, стоявший внизу, правее моста. Около крана суетился главный инженер стройколонны. Он делал отмашки — «май-на!», «вира!», вел укладку каких-то плит на дно реки. Из-под настила торчали концы фундаментных блоков.

Туровец, присмотревшись, опрометью скатился с откоса.

— Ты это чего, Петров, удумал?

Главный инженер махнул крановщику — стой!

— А, жди мостовиков. Они нам план сорвут...

Туровец растерянно посмотрел на кран, на плиты, повернулся ко мне — дескать, смотрите, как придется выкручиваться... Наконец шок у него прошел.

— Смотри у меня, — сердито буркнул он инженеру. — Плиты выдержат, скажем — молодец, не выдержат — пеняй на себя. За твой счет вся эта самодеятельность пойдет.

Мы отправились на строительную площадку.

Овцеводческий комплекс расположился в полукилометре от реки. Под стройплощадкой сейчас вся горюшка обширного прибрежного поля. Совхоз «Любовировский», занимавшийся раньше, как и все хозяйства района, разведением коров ярославской породы, будет теперь специализироваться на выращивании романовской овцы. Такое решение созрело не только в кабинетах областных организаций. За последние годы овца на Севере стала исчезать: колхозы и совхозы посчитали овцеводство невыгодным, неперспективным занятием, а потому под разными предложениями начали пускать овцефермы под нож.

Да и то сказать, какие это были фермы?! В нашем районе только у колхоза имени Кирова была приличная отара — в пятьсот голов, у остальных и сотни не насчитывалось. Поэтому и решили создать в районе одно специализированное овцеводческое хозяйство. Выбор пал на любомировцев.

Года два назад сюда завезли шестьсот племенных маток. Любомировцы довели стадо до двух тысяч голов. Разросшийся гурт, правда, потеснил коров, пришлось спешно переоборудовать два новых коровника под кошары. Но зато каков результат! Совхоз стал получать в среднем на овцематку по два-три ягненка в год, а настриг шерсти довел до трех килограммов. Овцы стали давать солидную прибыль. Из Тимирязевской сельскохозяйственной академии зачастили в совхоз ученые, аспиранты, начали ставить опыты по откорму валушков, ягнят-сироток...

Тогда и решили возводить в «Любомировском» овцеводческий комплекс на десять тысяч голов. А большому комплексу требуются обширные пастбища. Спешно запроектировали осушение земель, расчистку закустаренных участков. На любомировские поля пришел отряд мелиораторов.

...Мы стоим на строительной площадке, где закладываются фундаменты двух просторных железобетонных корпусов. Отсюда, с высокого бугра, далеко просматривается местность. Грузные самосвалы вереницей идут и идут по пыльной дороге, далеко разбежались по полю экскаваторы-дренажники, прорезав ровные нити канавок, в которые укладывается дренажная трубка. Внизу, по обоим берегам реки, ползают мощные кусторезы, корчеватели, бульдозеры. Гул, рев — музыка большой стройки — стоят в воздухе.

И как-то так случилось, что, вдруг прекратив всякие споры, мы остановились, словно зачарованные, потому что нельзя было не заглядеться на панораму строительства, нельзя было не залюбоваться картиной обновления земли.

Гудит земля!

...Ну и денек выдался! Прямо-таки «везет» нынче мне на строителей: не успел отряхнуться от любомировской пыли и зайти в кабинет, как в приемной встретил проектировщиков, заказчиков бройлерной фаб-

рики. Ничего не поделаешь, надо снова «седлать коней» и отправляться в путь.

Бройлерную фабрику мы решили заранее «посадить» невдалеке от райцентра, около бетонной дороги, что ведет на Череповец. Место высокое, от Волго-Балта в километре, не более, здесь удобно будет разместить и производственный комплекс, и жилой поселок. Никакие промышленные «осадки» не помешают здесь птицам, а их немало будет на фабрике — три миллиона голов. И давать этот бройлерный комплекс должен три с половиной тысячи тонн птичьего мяса в год.

Михаил Степанович Танин, директор «Птицепрома», — увлеченный своим делом человек. Он приехал в район, чтобы самому оценить, хорошо ли выбрано место для новой фабрики. Исходил вдоль и поперек отведенный участок, оглядел прилегающие уголья и дал наконец «добро».

— Значит, стоять здесь птицефабрике?

— Стоять!

Далее — уже деловые разговоры о том, кому проектировать, кому расчищать кустарник... Скоро и сюда придут бульдозеры-корчеватели, и закустаренный пустырь огласится бодрым гулом.

Гудит обновляющаяся земля!

Каждый год в районе вводятся в эксплуатацию тысячи гектаров осушенных земель, полторы-две тысячи — поверхностно улучшенных, около пяти тысяч гектаров пашни «проходят» известкование. С помощью мелиораторов «Мелиоводстроя» и «Сельхозтехники» колхозы и совхозы вносят на свои поля 350 тысяч тонн органических удобрений — по восемь тонн на каждый гектар. А с заводов страны все идут и идут новые партии тракторов, комбайнов, автомашин, минеральных удобрений.

Будущее села — в его индустриализации. Вот тогда и молодежь будет после школы оставаться на родной земле. Возможно, отпадут многие из тех проблем, над разрешением которых мы бьемся сейчас. И — кто знает, — может, тогда колос Севера померяется силой с колосом Юга!

ЧУРОВСКАЯ ПОВЬ

На крутом холме, в рощице вековых лип и размашистых сосен, высится белокаменное здание. Оно заметно издали: красуется, стоит там надежно и прочно, как бы сроднившись и с этим холмом, и со старой рощицей. Рядом, в тени деревьев, прячутся дома поменьше, но тоже добротной кирпичной кладки; один из них, стоящий чуть ли не у самой дороги, сторожит главный вход в парк.

Здесь в старом парке размещается Чуровская восьмилетняя школа.

Славный народец обитает в ней. Пытливый, любознательный. Каждое утро, лишь только забрезжит рассвет и алая зорька подзолотит верхушки старых сосен, сбегается этот народец в свою школу отовсюду — из Улошкова, Борисова, Починка, Пестова, Сельца, Игунова, Речной Сосновки и других деревень, разбросанных в округе. Все деревни расселились по холмам и малым взгоркам, а Чуровское занимает господствующую высоту, притягивая к себе окрестные селения нитями дорог.

Чуровское — хозяйственный и культурный центр. Здесь сельский Совет, и колхозная контора, школа, клуб, детский сад и ясли, контора потребительского общества, магазины, столовая. На краю села выстроен маслозавод. Неподалеку от него — машинный двор и колхозная мастерская, за ними — сушилка, зерносклад, а еще подальше, к леску, раскинулись помещения животноводческой фермы. Вплотную к селу примыкает городок районной «Сельхозтехники». И тоже со своими цехами, гаражами, складами, жилым «сектором» и другими постройками, подобающими самостоятельному хозяйству.

Есть в Чуровском и своя речка — Чуровка. Она небольшая. Огибая северо-западный склон холма, Чуровка неторопливо несет свои ключевые воды. Да и спешить-то ей некуда: в трех верстах от села начинается залив Шекснинского водохранилища, где и завершается ее бег.

...Но зайдем в Чуровскую школу. Ее директор Мария Матвеевна Пирогова накануне сообщила мне по

телефону, что красные следопыты разыскали интересные документы.

Ищут ребята материалы, связанные с историей своей школы, посылают письма во все концы. И вот в их руках оказалась целая папка архивных материалов.

Я раскрываю папку — на белом картоне каллиграфическим почерком выведено: «Дома», а ниже — «И. С. Соколов, 1896 год». Это очерки местного писателя Ивана Соколова, напечатанные в 1896 году в журнале «Вестник Европы». В свое время они были замечены прогрессивной критикой, тепло встречены читателями; очерк «Дома» высоко оценивал А. П. Чехов, который писал брату: «После Успенского я ничего не читал о русской деревне, что произвело бы на меня такое сильное и правдивое впечатление, как «Дома».

Родился И. С. Соколов в 1862 году, умер в 1906-м. В связи с его кончиной некто Б. Борский (по-видимому, псевдоним Александра Чехова — брата Антона Павловича, большого друга Ивана Соколова) в «Журнале для всех» писал:

«Неведомый, незванный, без образования пришел он в Петербург в глухую пору реакции, в годы почти полного забвения деревни и ее нужд, чтобы отсюда кричать на всю Россию о произволе и несправии, душащих деревню. В то время уже сходил со сцены Глеб Успенский, притупили свои перья старые народники, и не было писателей, кто пошел бы в народ, поглядел и понял его нужды и осветил бы их. Деревня казалась совсем забытой даже родной литературой. И в такой-то момент появилось в «Вестнике Европы» первое крупное произведение И. С., его «Дома», очерки современной деревни [...] они резко выделялись из целого ряда произведений тогдашних беллетристов и обратили на себя внимание. Они полно охватили жизнь деревни самодержавной России, настроения ее обитателей, их надежды и чаяния, они были правдивы, — а правда была ужасна и ужасно было впечатление от тоненькой книжки И. С., вскоре вышедшей отдельным изданием. Цензурные тиски сделали эти очерки хуже, чем их задумал автор. Но уже и из них, прошедших строгую цензуру, было ясно видно, как мало-помалу пробуждалась и вставала забытая, нищая деревня. И. С. с любовью и нежностью отмечал новых пред-

ставителей деревни, и было видно, что это они будут ковать новую жизнь России».

Очерки И. С. Соколова напоминают «Письма из деревни» А. Н. Энгельгардта неторопливостью и обстоятельностью письма, знанием будничной жизни крестьян, уважительным отношением к их большим и малым заботам. В очерках речь идет о людях и деревнях Починковской волости Череповецкого уезда. Ныне бывшая волость входит в состав Чуровского сельсовета, только относится не к Череповецкому, а к Шекснинскому району.

Иван Степанович Соколов — уроженец деревни Улошково (в очерках — Ульево), что в полуверсте от села Чуровского. Кстати, села Чуровского тогда еще не было; автор все время упоминает Поповку — местечко с поповской усадьбой и церковью святого Микола. Значит, Чуровскому не более 80—100 лет, село молодое, выросло преимущественно в наше, советское время.

Починок, где находилось волостное правление, в трех-четыре километрах отсюда. Это небольшая деревня, и даже не верится, что в конце прошлого века она была административным центром. Правда, здание волостного правления (печально знаменитая контора Агапа Евдокимова) сохранилось до наших дней; недавно оно перестроено и перевезено в село Чуровское. Теперь там размещается сельский Совет. В очерке упоминаются и другие деревни: Борисово, Дуброво, Запостье, Ольхово (Речная Сосновка), как говорится, знакомые все места, знакомые лица. Герой очерка учитель Федор Петрович Лобов не вымышлен, действительно был такой — его и сейчас поминают добром местные жители. Невымышленный «герой» и Агап Евдокимов, известен его прототип.

Помнят старожилы и многих других персонажей Соколова, кого добром, кого лихом. Все, о чем рассказано в очерке «Дома», близко, понятно, знакомо здешним жителям, известно кое-что из описываемого и мне. Поэтому очерк Ивана Степановича читается с захватывающим интересом. Веет от него живой историей, такой далекой и такой близкой, эхом перекликающейся с нашим временем...

Веет историей! Тысячу раз правы те, кто, путешествуя по родным местам, не обходят стороной фактов

прошлого. Ибо невозможно любить Родину, большую или малую, не зная ее истории. Хочется и мне обернуться и поглядеть: а что же случилось с теми деревнями, о которых писал Иван Соколов, как изменилась в них жизнь через восемьдесят лет? Что нового произошло на этой земле, как сложились сегодня судьбы потомков тех, кто описан в очерках?

Вот пламенные строки автора, обращенные к нам, потомкам:

«Суждено ли народу этому, превозмогшему века рабства и выбравшемуся на дорогу света, чести, труда, следовать по пути преуспеяния, не потеряться на распустье».

— Суждено! — говорим мы. Но это теперь. А тогда?..

Повествование Ивана Соколова зовет на его родину. Надо еще раз увидеть места событий. Может, что-то еще сохранилось из того, что напоминало бы время, когда писатель гостил в деревне, виделся со своими земляками; может, отыщутся люди, лично знавшие его; может быть, остались на нашей земле его родственники... Известно, что в Москве живет дочь писателя Наталья Ивановна, член-корреспондент Академии художеств СССР — она-то и сообщила чуровским следопытам новые сведения об их земляке, прислала книгу его очерков и фотографию Ивана Соколова.

Из школы мы отправляемся в Улошково.

Оно стоит восточнее села Чуровского на сбежистом склоне холма, о чем не забыть упомянуть автор. Вокруг деревни простираются поля тучных хлебов и сеяных трав. Впрочем, «вокруг» — сказано не совсем точно. Западным крылом своим деревня почти смыкается с Чуровским, два-три дома, выросшие тут, далеко шагнули за околицу, приблизившись к новостройкам противоположной стороны. Чуровское и Улошково будто подают руки друг другу, устремясь навстречу через хлебное поле. Домов в Улошкове насчитаешь теперь не больше и не меньше прежнего. Вперемежку со старинными рублеными избами стоят дома современные, на фундаментах, подбитые тесом, расшитые и «в елочку» и «вразбег», с наличниками на окнах, затейливо покрашенными, со столбиками по

углам, с крылечками и верандами, где много простора и света. Сады чуть ли не у каждого дома.

Есть и другие заметные изменения. Через Улошково проходит широкая гравийная дорога, она соединяет Чуровское с районным центром. Раньше ее тут не было, полевая дорога вела на Борисово и Пестово, то есть строго на запад. А теперь взялась восточнее, прорезалась ровной лентой от главной автомагистрали до села Чаромского и далее на Сизьму, побежала мимо деревень, сквозь леса и болота. В Улошкове она делает свой первый заезд.

На краю деревни, у дороги, стоит кирпичная часовенка. Ее, вероятно, зная и сам писатель. Сложена она в честь местной знаменитости — важного сановника из духовенства. Старожилы рассказывают, что той «знаменитости» в день приезда была выстлана полотняная дорожка «аж от самой пристани» до Чуровской церкви. Иван Соколов описывает другой, но очень похожий случай: однажды в их волость погрозились прибыть губернатор. Губернатор не прибыл, где-то замешкался в пути, а народ, согнанный волостным старшиной, простоял на пристани с шести утра до девяти часов вечера. И это в горячую, рабочую пору!

...К сожалению, дом, где Иван Степанович родился и вырос, провел свое детство и куда временами наезжал, не сохранился. Его снесли из-за ветхости — остались следы старого подворья. Рядом стоит дом брата писателя, еще крепкий пятистенник, выстроенный, вidać, позже. Но брата давно нет в живых, да и шел он, говорят, не по «той линии», держал винопольку в деревне. Так что память о нем выветрилась. А в доме сейчас детские ясли.

Однако корень Соколовых не пропал, не извелся. Их было пятеро — братьев Соколовых, и, как это случается в жизни, судьбы их сложились по-разному. Один занялся общественной деятельностью, участвовал в революционных событиях, другой остался крестьянствовать, третий, как уже говорилось, держал винопольку, четвертый учительствовал в Питере, а пятый не успел проявить себя — рано умер.

Крестьянствовал старший брат — Тимофей Степанович. Добрый, говорят, был землепашец, рачительный. И ныне живут и здравствуют два сына его и пя-

теро дочерей (племянники и племянницы писателя), которые продолжают дело отца, украшают землю своим трудом. Один из них, Александр Тимофеевич, — старожил Улошкова. Мы познакомились с ним.

Александр Тимофеевич инвалид, давно на пенсии, но еще подвижен, исправно ведет домашнее хозяйство. Случается, и на колхозную работу выходит, когда наступает горячая страда и в полях требуется подмога.

В народе недаром говорится: «Каков корень, таковы и отростки». Сам Александр Тимофеевич прожил большую трудную жизнь, и детям своим сизмальства привил любовь к труду. Все они выросли, выучились, заняли достойное место в жизни. Все дети Александра Тимофеевича коммунисты.

Владимир работает инженером в Анапе, Василий строит Набережные Челны, он машинист башенного крана, Галина — секретарь райкома в Ленинградской области. Еще две дочери пишут письма в Улошково, одна — из Перми, другая — из Узбекистана. Далеко их разбросала жизнь, но они не забывают стариков, навещают отчий дом, привозят внуков.

— Девять их у меня, внуков-то, — сообщает старая хозяйка дома Феоктиста Григорьевна.

Александр Тимофеевич указал нам то место, где стоял дом деда, то есть «пристань» Ивана Степановича. Сохранился небольшой заросший прудик, на берегу видны остатки обопревших пней; стоит тут одинокая сосна, в сторонке — старая осина с посохшими сучьями, а в бывшем палисаде буйно цветет черемуха, взявшая силы от могучего корня. Молодая рябина появилась тут, видать, позже, а может, и она ведет свою линию от старопрежних хозяев...

Старое подворье писателя находится рядом с домом племянника. Хозяйство у Александра Тимофеевича крепкое, дом опущен тесом, с широкой надворной постройкой под общей крышей, крытой шифером. За домом небольшой сад и огород, в саду пчелы.

Пока хозяин ходил по саду, управлялся со своими делами, его словоохотливая хозяйка успела кое-что рассказать.

— Мой-то, поди, и не помнит Ивана Степановича. Хотя тот, сказывают, нянчил его. Да уронил в крапиву: вот крику было!..

Александр Тимофеевич последние слова разобрал издали, отозвался смешком.

— Ай слышала, старая?

Но когда его попросили рассказать, только махнул рукой.

— Не помню. Говорят...

Стараемся установить, когда это было. Иван Степанович умер в 1906 году. Последние годы тяжело болел. В 1904 году на Певском проспекте состоялась студенческая демонстрация. Соколов вступился за избиваемых студентов, и сам был зверски избит полицией и дворниками. Затем его выслали из Петербурга. Значит, последний раз в деревне он мог быть в конце 1904—начале 1905 года. Все вроде сходится: Александр Тимофеевич родился в 1903 году, к тому времени ему было около двух лет.

— А у вас не сохранилось старых снимков?

Старик встрепенулся, поглядел на жену.

— Поискать надо, мать, порыться в сундуках. — Потом, будто вспомнил что-то, отказал: — Да где им быть, снимкам. В наше время мало кто баловался этим.

Я показываю фотографию писателя: узнаете, мол? Александр Тимофеевич быстро разглядел, оживился.

— Наших кровей. Глико, старая, каков красавец мой дядя! Где же это достали?

Феоктиста Григорьевна бережно принимает из рук мужа дорогой портрет, тихо проводит ладонью, словно вытирает пыль с лица, и долго внимательно смотрит.

— Спасибо добрым людям, сохранили.

Возвращая фотографию, она тормозит мужа.

— Слышь, Тимофееич, а может, что у Василия осталось? Не ведаешь?

— Василий?.. — вслух раздумывает старик. — Да нет, навряд ли.

— Это который же Василий? — спешу ухватиться за новую ниточку в истории этой необыкновенной семьи.

— Брат. Меньшак. Да вы его должны знать. Партийный.

— Это который?..

— Да муж Кати Соколовой. Катерины Павловны...

— Ах, Кати Соколовой, Екатерины Павловны?!
Вон оно что!

Кто же у нас в районе (да и в области) не знает Екатерины Павловны! Бригадир чуровской бригады, знатный агроном, кавалер многих орденов и медалей СССР, депутат областного Совета, делегат XXIV съезда КПСС.

И муж ее, Василий Тимофеевич, тоже известный человек. Гвардии механизатор. Как-никак все годы войны и после — более тридцати лет — за рычагами трактора...

Василий Тимофеевич недавно вышел на пенсию и тоже не с пустыми руками — премии были, грамоты, опять же ордена и медали на груди.

По натуре он человек тихий, не любит выставлять свои заслуги напоказ. Но, уйдя на пенсию, старый коммунист не спрятался в своем огороде, по-прежнему заглядывает в мастерские, передает опыт новичкам. Иной раз и сам усядется за рычаги.

Чуровские ветераны довольны тем, что вышла им надежная смена. Иван Сакса, Геннадий Филиппов, Михаил Харвонен, Павел Артюшов, Михаил Герасимов, Анатолий Цветков, Анатолий Степанов... Все они и трактористы, и комбайнеры, и на других машинах работать горазды.

Михаил Петрович Герасимов, например, нынче отметил свою двадцать пятую весну в поле. Неплохими показателями отметил: занял первое место в районном соревновании механизаторов на севе.

Иван Иванович Сакса — душа коллектива, человек развеселый и на редкость трудолюбивый. Недавно ему вручили орден Трудового Красного Знамени.

Геннадий Александрович Филиппов — кавалер ордена «Знак Почета», из механизаторов вырос до главного инженера колхоза. Он не только возглавляет цех механизации, но и общественных дел не чурается. Его постоянно выбирают то в партком, то членом правления, а то и депутатом в сельский Совет.

Павел Артюшов возглавляет партийную организацию бригады.

Что и говорить, крепкое ядро у чуровских механизаторов. И росла нынешняя смена не без участия Василия Тимофеевича Соколова. Но если честно признаться, то тут, пожалуй, больше всех «виновата» его

неугомонная Катя, Екатерина Павловна. Наставником она у молодежи, вожак по всем статьям. Недаром же ее посылали на съезд и орден Ленина вручали там, в Кремле.

Екатерина Павловна — наш маяк! Как и муж ее, родилась она на шекснинской земле, весь век свой на ней и трудится. Военное лихолетье заставило еще девочкой отведать крестьянского лиха. Вместе со взрослыми пахала она и сеяла, убирала хлеб, косила травы. Зимой ухаживала за скотом, лен мяла. После войны подалась было в город, да вернулась — на производстве что-то не прижилась, потянуло к родному полю. А потом ее послали учиться на агронома.

Екатерине Павловне теперь за пятьдесят, но она бодрa, энергична, резво бегаеt по полям. Все ступени артельного производства и управления прошла она. Была рядовой колхозницей, животноводом, работала бригадиром, главным агрономом, заместителем и председателем колхоза. После мартовского Пленума ЦК КПСС 1965 года, когда в сельском хозяйстве наметились большие сдвиги, а колхоз имени Кирова стал быстро строиться, концентрировать свое производство, она попросилась в бригаду. Теперь у нее самая крупная бригада в районе, насчитывающая 1250 гектаров пашни; в ее владениях свыше тысячи голов крупного рогатого скота, пятьсот овец, десятка два тракторов, вереница комбайнов, автомашин и других механизмов. Бригада окрепла, превратилась в дружный коллектив, недавно ей присвоили звание бригады высокой культуры земледелия.

Чуровцы получают теперь высокие урожаи, по 25—28 центнеров зерна с гектара. Некогда бесхлебный край стал житницей района. Колхоз имени Кирова поставляет многим хозяйствам высокосортные семена и породистый скот.

II

Восемьдесят лет тому назад Иван Соколов, пробираясь из Петербурга в Улошково, совершил, что называется, большую околесицу. Кружным путем он попал на родину: через Рыбинск, вверх по Волге, затем плыл по реке Шексне мимо Череповца, пробирался через деревянные шлюзы старой Мариинки. Наконец достиг лесной пристаньки Речная Сосновка, а от прис-

тани — пешим ходом до Улошкова. Может быть, и на попутной телеге.

Теперь его дорога была бы короче. Сесть на поезд в Ленинграде и остановиться в райцентре Шексна. Отсюда автобусом полчаса езды до Улошкова.

Можно и пароходом по Волго-Балту прокатиться. И опять же удобно. Ныне не пришлось бы писателю проходить 39 томительных шлюзований. Всего-то миновать шесть гидротехнических «порогов» в районе Вытегры, а далее путь свободный — по Ковже, через Белое озеро, по Шексне-реке, которая до Устья Угольского уже и не река, а водохранилище в шесть миллиардов кубов... Скрылись под водой мелкие пришлюзовые плотины, деревянные воротца, исчезли порожистые мелководья, бечевники, о которых рассказывал писатель.

«Идя по берегу, чуть ли не на каждой версте натыкаешься на холмики. Холмики — это остатки могил. Здесь сложили кости многие православные мужички, ходившие бечевою...».

Много воды с тех пор утекло!..

Старую, одряхлевшую Мариинку заменил Волго-Балт. Его протяженность от Вытегры до Череповца более 360 километров. С юга на север и с севера на юг мимо Речной Сосновки проплывают по новой голубой трассе большегрузные суда, белоснежные лайнеры, мчатся, вспарывая водную гладь, быстроходные «Ракеты» и «Метеоры».

Но писатель избрал «нижний» путь, от Рыбинска и выше по Волге. Что ж, давайте и мы «поплывем» таким путем. Представим, что наш пароход тронулся от Рыбинска. И здесь, в низовьях рек Шексны и Мологи, рельеф местности изменился неузнаваемо. В Молого-Шекснинской низменности создано Рыбинское море, самое крупное рукотворное озеро в Европе. Северо-западное побережье его занимает Дарвинский заповедник. Площадь его с заливами и островами внушительна — 113 тысяч гектаров. Чуть больше половины приходится на сушу, остальное — непуганое царство рыбы и водоплавающей птицы. Заповедник располагает несметным богатством. Нетронутые леса, шелковистые луга, обширные болота. Старые крестьянские распашки покрылись березовыми рощами, хвойными перелесками. Здесь собран почти весь раститель-

ный и животный мир Северо-Запада, разводятся и другие «особи» из завезенных пород. Добрая часть девственных болот заповедника — стерильна. Звери и птицы устраивают на них свои «здравницы» и «профилактики».

Дарвинский заповедник — добрый приют для зверей и птиц. Ученые насчитывают в своих владениях свыше трех тысяч лосей, зарегистрировали более шестидесяти бурых медведей; в разумных размерах содержится здесь и волчья стая. В лесах водятся кабаны, рыси, куница, соболь, выдра, белка и другие звери. В воде изобилие рыбы, на островах множество птицы, гнездящейся и перелетной. Их не тронет ни заезжий охотник, ни, тем более, браконьер. Покой зверей и птиц охраняется государством.

Пожалуй, самой большой ценностью заповедника является глухариная вольера. Счастлив тот, кто наблюдал этих гордых красавцев на глухарином току. А тут, в просторных вольерах, прямо на лугу, гуляют они, токуют, строят гнезда, откладывают яйца. Нет, ученые вовсе не собираются одомашнивать этих редкостных представителей древней фауны — они встали на защиту умирающего глухариного стада. Помогают птицам выкармливать детенышей, а заодно спасают их от варварского истребления. Поистине благородное дело, достойное человека. Дарвинцы горды тем, что их работа получила признание и дает первые плоды. Ни в одной стране в мире нет такой фермы. Правда, американцы завели у себя подобное хозяйство, но оно у них значительно меньших размеров.

...Наш «теплоход» поднимается все выше и выше по красавице Шексне, которая упомянута была еще поэтом Державиным в оде «Приглашение к обеду» — помните: «шекснинска стерлядь»... А народная молва гласит: «Накорми коня травой по берегу Шексны да напой водицей из Мологи — не надо будет никакого овса». Уж не потому ли царь Василий Темный пробирался со своей дружиной из Кирилло-Белозерского монастыря на Вологду именно берегами Шексны, чтобы коней держать в сытости. С этой-то травы-муравы да с нашей коровки «ярославки» и пошло масло вологодское, издревле именуемое почему-то парижским. Здешние животноводы и маслоделы продолжают старые традиции и выпускают масло со Знаком качества.

...Вот на правом берегу показались огни Череповца. Какое зрелище! Взметнулись в небо гигантские трубы, раскинулись огромные корпуса металлургического комбината, химических заводов. Город надвигается на нас массивом жилых кварталов, громадой новостроек, лесом труб и кранов.

В очерке у писателя сказано о Череповце немного. «Учитель Лобов отправил сына в уездный городок приобщаться к духовенству». Или: «Негде достать книги, единственная библиотека в Череповце почему-то закрылась».

Сказано так мало и... много. До революции Череповец был действительно захолустным, отсталым городком Новгородской губернии. Пять церквей, несколько учебных заведений, земская больница да библиотека, одна-единственная. А теперь это — большой, быстро растущий промышленный город.

Всему миру известно: сейчас один Череповецкий металлургический завод выплавляет металла больше, чем вся дореволюционная Россия. Завод в небывало короткий срок (за девять лет) окупил с лихвой все капитальные затраты, вложенные в его постройку. Скажут: век технического прогресса! Верно. Но от чего он шел, с чего начинался? Потомки крестьян-отходников и шекснинских бурлаков варят теперь отличный металл в домах-гигантах, строят свой город, возводят новейшие корпуса отечественной химии.

Череповец стал не только городом металлургов, строителей, химиков, он стал важным культурным центром, кузницей кадров. Здесь есть педагогический институт, несколько техникумов, свыше тридцати общеобразовательных школ, Дом пионеров, музыкальная школа. У череповчан есть свои Дома культуры и стадионы, парки, Дворец спорта, народный театр, кинотеатры, свыше пятидесяти библиотек, телестудия. Гордость горожан — краеведческий музей. Фонд его насчитывает десятки тысяч экспонатов краеведения и произведений искусства. Земляки чтут память талантливого соотечественника художника В. В. Верещагина. В сквере на улице, носящей имя художника, воздвигнут памятник, а на доме № 23 по Социалистической улице, в котором Верещагин жил и работал, установлена мемориальная доска.

Череповец растет, хорошеет день ото дня. Населе-

ние его достигло двухсот пятидесяти тысяч человек. Так неузнаваемо изменился некогда захолустный городок.

Большие перемены произошли и на родине писателя, в Шекснинском районе. Представим себе, что наш пароход покинул Череповец и уходит вверх по Шексне. Собственно, реки Шексны как таковой теперь нет. Далеко за Череповец простирается Рыбинское море, вплоть до седьмого шлюза, где его сменяет следующая ступень гидротехнического каскада. Просторы Рыбинского водохранилища тянутся до самого райцентра — поселка Шексна. И здесь оно разливается на плесах, подтопляет речки и озера, создает причудливые заливы и затоны, образуя широкую пойму Волго-Балта. Вблизи поселка Шексна пароход встречают два ажурных моста. Справа виден еще один мост, переброшенный через устье Углы. По двум мостам пробегает железная дорога, день и ночь грохочут поезда, по третьему проходит автострада Вологда—Ленинград. Приближаясь к здешним местам, писатель трепетно оглядывал в бинокль родные дали: луга, дубравы, холмы, окрестные деревеньки. И зрил только одну отраду: молодых парней, девчат, гуляющих в праздничный день по берегу...

...Итак, мы в преддверии Шексны, нашей родной земли. Перед глазами как на ладони открывается широкая панорама. К слову сказать, современная молодежь любит ходить на автострадный мост. Отсюда можно часами наблюдать работу седьмого шлюза, встречать и провожать корабли, любоваться плесами и вечерними закатами. Красота! Шексна особенно удивительна по вечерам, в огнях и отблесках работающей волны. Красив поселок своими тихими улицами, пышностью молодых садов, вечерним шепотом листьев. Мой сосед Иван Федорович, добрый сказочник и поэт, так и написал однажды: «Поселка в мире краше нет!» Но местный редактор посчитал эти слова чересчур выспренними и заменил их на... «Люблю шекснинское раздолье!»

Что ж, и это звучит.

О нашем поселке Иван Степанович ничего не писал. Да и писать не мог, потому что его не было. Начал поселок создаваться вместе с Волго-Балтом. На крутом берегу в устье Углы стояло некогда небольшое

селеньице Пикольское. Церквушка под горой да сонный прудик подле — вот и все примечательности. А ныне это крупный райцентр, расположенный на перекрестке трех важных дорог. На северной окраине разлилось рукотворное море. Плотина ГЭС подняла уровень воды на тринадцать метров. В тело плотины вмонтированы оригинальные капсулы-турбины. Они дают промышленный ток. Такие турбины применены впервые.

Вместе с гидроузлом в поселке построены предприятия деревообрабатывающей промышленности, швейная фабрика, маслозавод, льнозавод. Наибольший интерес представляет завод «Музлесдрев». Он перерабатывает музыкальную древесину, отправляет эту ценную продукцию фабрикам музыкальных инструментов, немало поставляет ее и на экспорт.

Маслозавод производит знаменитое вологодское масло, славится своими сувенирными бочатами, которые отправляет в Москву и другие города. К числу новостроек можно отнести завод древесноволокнистых плит. Он пущен совсем недавно и рассчитан на переработку низкосортной древесины. Мощность завода — 25 миллионов квадратных метров условной плиты в год. Плита идет в мебельное производство и на отделку зданий. На западной окраине райцентра, в отдалении, возводится бройлерная птицефабрика. Она будет давать три с половиной тысячи тонн птичьего мяса в год.

Растет наш поселок. Строятся дома, клубы, школы, магазины. Но Шексна — это, прежде всего, сельская столица. В ней сосредоточены районные организации и учреждения. Дороги отсюда расходятся во все концы, связывая колхозные и совхозные усадьбы, бегут и далее, к другим деревням, селам. Сельская столица поставляет населению района все необходимое — технику и удобрения, товары и кинофильмы... Централизация сельского производства вызывает и централизацию услуг — медицинских, культурных, технических, бытовых...

Писатель Иван Соколов, вероятно, почувствовал себя по-настоящему дома, когда достиг Речно-Сосновской пристани и ступил на землю отцов. Нынче этой пристаньки на старом месте нет, ее отвели ниже по течению, поближе к райцентру, вернее, построили но-

вую. Но до Речной Сосновки легко добраться катером. Тут совсем рядом. Да и сама Сосновка как бы придвинулась к воде. Низинные земли ее, с долами и пойменными лугами скрылись под волнами нового моря. Широкий плес подобрался вплотную к садам и огородам, но самой деревни не тронул. Наоборот, ожила теперь Речная Сосновка. Здесь колхоз выстроил крупную ферму, бригадный клуб, мастерские, к берегу подвинул красивые кирпичные коттеджи. Вместо затопленных земель получил новые из Госфонда — верещагинские угодья. Мелиораторы начали осушать земли. К юго-востоку от деревни раскинулись просторные поля, луга и пастбища. Колхоз проложил сюда новую дорогу, по которой путь открыт зимой и летом.

Писатель, видимо, часто навещал Речную Сосновку, потому что, судя по всему, хорошо знал местных жителей, историю их поселения. «Бывшая крепостная деревня, в полуверсте от бечевого хода» — это о старине глубокой. А вот и более «свежие» координаты. В конце прошлого века появилась тут земская школа, а чуть раньше — часовенка в память 19 февраля 1861 года. Позднее в ней стали крестьяне справлять панихиду по своему «освободителю». Какая пестрая смесь тьмы и света!..

Соколов замечает все это, живописует, отзываясь соответствующим образом. Завидя народное училище, он патетически восклицает:

«Лучезарной звездой сияют слова этой лаконической надписи, как спасительный маяк в темноте ночи, поселяя в сердце усталого путника радость и надежду».

Он видит и надеется, что «под сенью этой вывески зреет молодая Русь, свободная, просвещенная...» Увы, тогдашняя обстановка мало подавала тому надежд. Вот мы слушаем беседу Соколова с учителем Лобовым и улавливаем настроение собеседников. Безрадостна судьба сельского учителя. Красноречивы слова Лобова: «Что я, враг, что ли, своим чадам? Довольно, что отец пострадал». Иван Степанович утешает старого друга, но видит безысходность его судьбы, жалкую участь учительских детей.

Вспомнить нужно и фразу из Достоевского, которой автор предварил начало главы: «Милостивый государь, понимаете ли вы, что значит, когда человеку

идти некуда?» В контексте эта фраза звучит с огромной силой, ибо приведена не ради «загнанного бытовизма», а с глубоким политическим, философским подтекстом. Действительно российскому крестьянину идти было некуда. И не только крестьянину, но и сельскому учителю.

Вот он пришел в народ, чтобы послужить на nive просвещения, а у него (и у крестьян, естественно) отбирают даже земскую школу, заменяют ее церковно-приходской, где учат стихирам всяким да... поминальнички писать.

Сельский учитель как бы и вне закона. Он живет по паспорту, а потому ни сам, ни дети его не являются членами сельской общины, им земли не положено. Иногда из жалости крестьяне выделяют небольшой клочок под сад и огород. Потому-то семья Лобова при нищенском своем содержании и предпочитает дары природы: «вкушает акриды да мед дивий».

А сегодня, пожалуйста, зайдите в любой крестьянский дом в Речной Сосновке, спросите хозяина, как ему живется? Услышите непременно: «Добро живем!» И это говорится не потому, что все крестьянские проблемы теперь решены, заботиться, дескать, не о чем. Пет, сельских проблем и нам хватает, и трудно ожидать, чтобы они когда-либо перестали существовать. Однако факт остается фактом: крестьянин имеет хороший стол, приличную мебель, телевизор, стиральную машину, холодильник. Большинство крестьянских домов газифицировано, почти у каждого в семье есть книги.

Нынче в Речной Сосновке газет и журналов выписывается в среднем по четыре экземпляра на семью, а на душу населения прочитывается библиотечных книг более двух десятков в год. И за книгами в Череповец ездить не приходится, есть своя библиотека. Местный библиотекарь Ольга Арсентьевна Позднякова, она же секретарь бригадной партийной организации, кроме выдачи книг, ведет устный журнал, устраивает литературные конференции, лекции, беседы. Вместе с заведующей клубом она пишет историю бригады. В фойе на специальном столике лежит большая книга в сафьяновом переплете, в нее заносятся все важные события Речной Сосновки. Дела минувших лет здесь не забываются.

А какова сегодня судьба сельского учителя? Неподалеку от клуба и библиотеки находится Речнососновская начальная школа. В ней учатся крестьянские дети и дети рабочих кирпичного завода, что рядом с деревней. Здание просторное, светлое, стоит в окружении молодых березовых посадок. Здесь школьный сад, небольшая спортивная площадка и чистый лужок, где детям можно порезвиться. Но квартиры в здании не предусмотрено, как это было в старой земской школе. Да и незачем ей тут быть: учитель, как правило, имеет свой дом или квартиру. Он теперь полноправный член сельского коллектива, его душа и наставник. Поглядел бы Федор Петрович Лобов на своих коллег. Нынешние его преемники — местные, большей частью свои, доморощенные. За примером не надо далеко ходить. В Речной Сосновке много лет учительствовала Нэлли Леонидовна Соколова. Здесь родилась, росла и училась, а получив педагогическое образование, стала работать в родной школе. Земляки уважают свою учительницу как активную общественницу, ее постоянно избирали в местный Совет, а в прошлом году Н. Л. Соколову избрали председателем Чуровского сельсовета. Это ли не народное признание заслуг учителя?

О судьбе учительских детей мы скажем позже — это тоже важная тема, и она не зря волновала писателя. Но сейчас нам хочется продолжить разговор о самом учителе. Прежде всего об оплате его труда. Не приходится ли ему «вкусать акриды и мед дивий», то есть то, что бог пошлет? После известного постановления Центрального Комитета партии о сельской школе народный учитель получает зарплату наравне с самым квалифицированным специалистом сельского хозяйства, а иногда и выше. При Советской власти учитель всегда имел земельный участок, законом ему определены и другие льготы: бесплатные квартира, топливо, сенокос.

Вырос авторитет учителя на селе. Сошлемся опять же на местный пример. Мы уже говорили о Нэлли Леонидовне Соколовой, которой местные жители доверили пост сельского «мэра». До Соколовой этот пост более шести лет возглавляла заслуженная учительница РСФСР Антонина Константиновна Егорова. И только по ее личной просьбе она была переведена на другую

работу. Колхоз выстроил новое детское учреждение, и Антонина Константиновна стала его заведующей. Теперь заслуженная учительница воспитывает самых юных граждан села. И дело у нее поставлено отлично.

По давней традиции в партийный комитет колхоза тоже непременно избирают учителя. Пять лет парткомом руководила Кузнецова Александра Алексеевна — бывший директор школы.

Еще молодой учительницей приехала она в Чуровское и накрепко связала свою судьбу со школой, с колхозом. Сначала отстроила восьмилетнюю школу, возглавила ее, затем, когда приняла партком, с головой ушла в колхозные дела. Нелегко учителю разобраться во всех сложностях сельскохозяйственного производства, но она и тут не оробела, не опустила рук. Может, и то помогло, что, выйдя замуж, она влилась в крепкую трудовую семью. Муж ее, Игорь Иванович, — известный и уважаемый человек на селе, шофер «Сельхозтехники». Он и его брат Юрий Иванович — лучшие механизаторы.

Свекор, Кузнецов Иван Степанович, — старый коммунист, ныне пенсионер. Когда-то он создавал первую артель, многие годы председательствовал в «малом» колхозе. И сейчас ему активности в сельских делах не занимать.

Александра Алексеевна, как говорится, приняла эстафету. Теперь она возглавляет отдел пропаганды и агитации райкома партии.

Сейчас во главе партийного комитета в Чуровском снова учительница — молодой историк Любовь Михайловна Гурьева. Сельские коммунисты знали, кого выбрать своим вожаком. Любовь Михайловна — крестьянская дочь, местная уроженка. Родители живут и трудятся на чуровской земле и дочери своей привили любовь к родному краю. В школе она создала исторический кружок, увлекла ребят интересным поиском. Красные следопыты начали собирать материалы краеведения, писать историю села и школы. Сейчас молодежь хорошо знает, кто выстроил первую школу, объединил крестьян в первый колхоз, кто был первым активистом, первым коммунистом и комсомольцем на селе, первым председателем, кто вывел в поле первый трактор. Ребята недавно отметили сто-

летие своей школы. Они восстановили имена первых учителей, отдавших все свои силы школе, посвятивших жар горячих сердец делу народного образования. Вот они, эти имена: Чистякова Милодора Никифорова, Громцев Андрей Фадесвич, Фаворский Павел Степанович, Попова Ольга Николаевна, Быстрова Елизавета Кирилловна, Меньшиков Павел Андреевич, Зорина Анастасия Александровна, Мацко Наталья Алексеевна...

Добрым уважением пользуются и воспитанники школы, ставшие заметными людьми. Их много. Они работают на полях и фермах, строят города, служат в Советской Армии, стали учеными, крупными руководителями и специалистами народного хозяйства.

Достойное место среди выпускников школы занимает писатель, земляк наш Иван Степанович Соколов. Ему отведен особый «уголок» — создан специальный альбом, где собраны его очерки, статьи, письма, фотографии.

Уходя из школы, Любовь Михайловна Гурьева передала свое детище в надежные руки. Историческим кружком стала заниматься директор школы Мария Матвеевна Пирогова. Удивительный это человек! Большой души, строгой взыскательности к себе и особого внимания к людям. Она продолжает собирать материалы о писателе-земляке. Связалась с журналами и издательствами, наладила переписку с дочерью Ивана Степановича Соколова — Натальей Ивановной, членом-корреспондентом Академии художеств СССР.

Следует заметить, что судьба детей писателя тоже интересна и поучительна. Илья Иванович в свое время стал революционером, боролся за установление Советов на Новгородчине. В 1919 году он был убит на митинге бандой бело-зеленых. В поселке Крестцы, где Илья Соколов был избран председателем исполкома, ему поставлен памятник, улица и одна из школ названы его именем.

Его сестра Наталья Ивановна посвятила себя искусству. В годы Отечественной войны она участвовала в спасении бесценных сокровищ Дрезденской галереи. В альбоме у чуровских школьников хранятся главы из повести Б. Полевого о маршале И. С. Коневе, где рассказывается про этот подвиг нашей землячки. Хранится и «Благодарность Дрездена» искусствоведу

Наталье Ивановне Соколовой, которую прислал обер-бургомистр города Герхард Шиль в газету «Советская культура».

...Ну, а что же Гурьева? Как ей работается на новом месте, не забывает ли она школу? Нет, не забывает, хотя, честно говоря, работы в колхозе и без того хватает. Но в том-то и дело, что без объединенных усилий школы, колхоза, сельского Совета не добьешься успеха ни в чем. Непременен надо объединять усилия для воспитания людей. Чуровцы разумно поступают, выдвигая на общественные посты учителей.

Читатель, вероятно, уже заметил, что у чуровцев, куда ни пойдешь, везде «наткнешься на учителя». В сельсовете — учитель, в парткоме — учитель, в детском саду воспитывает ребят заслуженный учитель, в школе, само собой, — учителя.

Любовь Михайловна Гурьева недавно возглавила партком, но не случайно в колхозе имени Кирова райком в позапрошлом году проводил районный семинар секретарей партийных организаций. Поучиться сельским вожакам тут было чему.

Колхоз выступил инициатором соревнования за досрочное выполнение заданий девятой пятилетки. Раньше других в нем был составлен план социально-экономического развития коллектива, который теперь успешно выполняется.

Конечно, производство, экономика — это еще не все. Нужно смотреть, как живут и учатся люди, каков кадровый состав села, куда ведут профессиональные изменения и как строятся отношения в коллективе. Но это уже новая тема, о ней пойдет речь дальше.

III

Иван Соколов в очерках «Дома» ярко живописует «кадры» дореволюционной деревни. Сплошь неграмотное население: поп, пьющий горькую; «стихира жерувимская» — пономарь, который тоже «пил да ухал». Самый грамотный человек в селе после учителя был лекарь. Только в конце XIX века появляются молодые крестьяне, вскладчину выписывающие газету...

Сегодня в Чуровском, как и в других селах, всеобщая грамотность. Дети получают среднее образование.

На село хлынул поток специалистов. Характерно, что руководящие посты занимают преимущественно специалисты высшей квалификации.

О некоторых из них следует рассказать, и прежде всего о председателе колхоза. В 1969 году на этот пост был избран совсем еще молодой агроном Вениамин Павлович Логинов. Он родился на Вологодчине, окончил сельхозтехникум и три года работал главным агрономом в совхозе «Чернеевский». Райком партии заметил способного специалиста и рекомендовал выдвинуть его на руководящую работу. Возглавив колхоз имени Кирова, Вениамин Логинов продолжал учиться в Молочном институте, заочно окончил агрономический факультет. Талант его, что называется, развернулся с первых шагов, особенно в делах строительства. (Ныне тот из председателей имеет успех, который, помимо других организаторских способностей, обладает умением планировать, учитывая социологические факторы и перспективы развития хозяйства). Логинов повел дело так, что в колхозе сперва проложили надежные дороги во все бригады, в центре и на местах создали машинные двory. А затем на поля пришла мелиорация (она всегда «спешит» туда, где проложены дороги). За скотные двory и сушилки он взялся несколько позднее, и за это его поругивали. Но зато с какой настойчивостью он строил дома, дороги, детские учреждения, клубы, магазины...

Теперь очередь дошла и до ферм, складов, сушилок — строить их колхоз начал с размахом, с заглядом в будущее. В десятой пятилетке намечено возвести в Чуровском крупный животноводческий комплекс. Тут важно загодя решить кадровую проблему. А это значит, прежде всего обеспечить специалистов жильем, наладить хороший быт. Кировцы только за последние три года ввели в строй семьдесят две благоустроенные квартиры. Строят они жилье оригинальным способом. Заложили два шестнадцатиквартирных дома — решили посмотреть, есть ли охотники в них жить? Видят, что местное население не больно рвется на этажи. Тогда разбили колхозный сад на участки и начали строить в нем добротные коттеджи. Благо инженерные сети рядом. Заманчивую перспективу открывает теперь коллективный поселок-сад.

Вениамин Логинов обладает незаурядным даром воспитателя, в нем видится умный психолог. А это важно для руководителя.

Недавно в районном Доме культуры проводился общественный смотр выполнения социальных планов. Отчет заключался в том, что, помимо производственных дел, колхозу надо отразить жизнь и быт трудящихся, рост их культуры, общее и профессиональное образование. Каждый коллектив так строил свой «сценарий», чтобы уложиться в отведенное время и показать себя полнее со всех сторон. Задача, надо сказать, нелегкая.

Кировцы решили ее просто. На сцену вышел народный хор. Логинов кратко рассказал о том, как живет и трудится колхоз, обрисовал перспективы. Капитальные вложения, например, возрастут в десятой пятилетке в полтора раза. Хор, а затем и танцевальный коллектив не бездействовали, сопровождали или «дополняли» рассказ. А затем на сцену поднялись представители колхозных династий — семьи Смирновых и Виноградовых. Тут и старики, убеленные седinouй, и их дети, и внуки, и правнуки. Кого только нет среди них: агрономы, учителя, механизаторы, доярки, телятницы, сторожа, полеводы. Обо всех сказано теплое слово, работа каждого по достоинству оценена. Общий трудовой стаж двух династий — около 400 лет.

В заключение Вениамин Павлович зачитал постановление правления и парткома колхоза о назначении главам династий колхозных пенсий в двойном размере. Торжественно вручил им красиво оформленные документы. Шестисотместный зал вздрогнул от бурных оваций.

Дотошный читатель и тут может кое в чем усомниться: показуха, мол. Однако династии из четырех-пяти колен наскоро не придумаешь, их просто-напросто надо иметь. А для того, чтобы династии продолжались годы и годы, нужна кропотливая воспитательная работа. О такой работе нам и хочется рассказать.

В Чуровской школе почти тридцать лет работает учительница Реусова Зоя Тимофеевна. Она из местных жителей. Муж у нее кузнец, дочь — учитель пения (вот вам и проблема устройства учительских детей), сын заканчивает военное училище. Но это к слову.

О том, что Зоя Тимофеевна — талантливая учительница, говорить не приходится. За умелую педагогическую работу она удостоена звания «Отличник народного просвещения», отмечена многими другими наградами.

Зоя Тимофеевна Реусова — бессменный председатель кустового методического объединения, шесть раз избиралась депутатом в местные Советы, четырнадцать лет работает пропагандистом политкружка. Теперь она руководитель комсомольского политкружка, чуткий, отзывчивый наставник сельской молодежи. Вот результаты ее работы: за восемь лет в кружке обучилось свыше ста человек. Многие слушатели стали знатными людьми, передовиками производства, шестнадцать комсомольцев вступили в партию.

А тех, кого Зоя Тимофеевна воспитала и выпустила из школы, — несчетное множество. И всех помнит первая учительница. С некоторыми переписывается, многих видит рядом — встречается по работе. Есть в числе ее воспитанников и инженеры, и учителя, и слушатели военных академий, но ближе и дороже ей все же те, кто остался в родном краю, выращивает хлеб России.

Хлеб России!..

Бегут годы, меняются поколения, уходят века, а о нем говорят все так же: хлеб наш насущный! И пусть люди теперь не боятся голода, а для молодежи слово «голод» — принадлежность давным-давно ушедшей эпохи, когда в неурожайные годы вымирали целые села, целые губернии, — все равно для нас хлеб не перестает быть насущным. Борьба за хлеб только еще разгорается. Ведь будущим поколениям его понадобится все больше и больше. Гораздо больше того, что мы собираем сейчас на самых лучших, плодородных участках. Поэтому подготовка, воспитание будущих хлеборобов — одна из первоочередных задач нашего государства.

Зоя Тимофеевна хорошо знает это. Вот почему ее дочь Екатерина осталась дома, продолжает дело своих родителей.

Мне не раз приходило в голову: почему не скудеет село такими вот, как Зоя Тимофеевна, энтузиастами, подвижниками?

В деревне Малая Кислиха живет восьмидесятилетний пенсионер Якуничев Павел Николаевич. Это он в

30-е годы вывел первый трактор в чуровское поле за Улошковым. Первый тракторист в районе, а затем и лучший кузнец МТС, первый бригадир тракторной бригады. Былинный, прямо скажу, старик! Я знаю его. И когда случается проезжать мимо тихой деревни, заворачиваю к нему. Усадьба Павла Николаевича расположена на краю деревни, дом еще прочный — просторная летняя изба и подслеповатая зимовка. За домом сад и огород, сбоку просторный лужок, обнесенный изгородкой в две жерди. С некоторых пор в Малой Кислихе стало тихо, просторно и не очень уютно — обезлюдела деревня. Но старик по-прежнему неугомонен. Вечно суетится, что-то мастерит, прилаживает, красит. И разговоры у нас с ним проходят как бы между делом.

— Здорово, дедушка. Как живешь-можешь?

— А живу, милый, живу помаленьку. Сейгод стожок вот сметал, пудов на семьдесят будет...

И тут же с вопросом:

— Не ведаешь, примет мою работу наш председатель ай нет?

— Примет,— смеюсь,— чего ж ему остается делать.

Старик вдруг вспоминает что-то и исчезает в саду, на ходу крикнув:

— Ужо погоди, сбегая, посмотрю пчел.

Через минуту он на месте.

— Летку приоткрыл. Жара.

— Да, жара,— соглашаюсь с ним.

— И как там,— кивает в поле,— ладится уборка?

— Ладится,— говорю.— Хлеба нынче хорошие...

— Ой добры! — подхватывает дед. И опять уже колготится, готовый сорваться с места, побежать в поле, на котором жужжат комбайны.

Рассказывать биографию Павла Николаевича — писать большой очерк. Повествование пойдет с империалистической войны, с гражданской, в которых старик участвовал, с трудных лет восстановления народного хозяйства. Как начиналась коллективизация, как в тридцатые годы в Починковскую волость пришли первые «фордзоны», как мужики перевозили их на лошадях по частям, а потом собирали. МТС тогда располагалась в одном из улошковских гуменников, а общежитие находилось в доме Григория Соколова (и опять род писателя имеет некую причастность). Память у Павла Николаевича на удивление свежая, он живо припоминает

многие интересные эпизоды. Как выехали первый раз в поле — от мальчишек отбоя не было, — как чуть не потопили однажды трактор с молотилкой на переправе.

А потом грянула Великая Отечественная. Пошли трактористы на войну. Павла Николаевича не взяли: первоклассный кузнец и лучший бригадир тракторной бригады — на таких тогда держались МТС, колхозы, а им надо было давать хлеб фронту. Нелегко приходилось на работе, а дома — и того тяжелее. Бригадир рано овдовел. Осталось на его руках восемь ребят... Потом встретилась по дороге жизни вторая «судьба», и тоже многодетная — у самой на попечении шестеро. Свели в один дом — стало четырнадцать. Такую ораву не то что прокормить, посадить за столом — подумать надо.

И всех вырастили. Но пятеро с фронта не вернулись...

Какой мерой можно измерить труд стариков и выпавшие на их долю испытания? Но они по-прежнему жизнерадостны, ведут домашнее хозяйство, выкраивают время, чтобы покосить сено. Для колхоза, для внуков стараются, короче — для людей.

Знаю я и другого беспокойного старика, кстати, дружка Павла Николаевича. Живет он в Починке, неподалеку от той рощицы, где стояла волостная контора. Зовут его — Николай Осипович Смирнов. Ему, как и Якуничеву, тоже за восемьдесят, и биографии их во многом сходны. Разница лишь в том, что многие годы Николай Осипович стоял у колхозного руля. Да вот здоровьишком он оказался немного послабее своего товарища. Телом, но не духом... Как-то застаю Николая Осиповича в несколько странной позе: ползет на карачках от крыльца, норовясь попасть в поле. И смех и грех.

— Куда это вы, дедушка, собрались?

Он виновато улыбнулся.

— Вчерась упал, расшибся маненько.

— А нынче чего?..

— В поле взглянуть. Хлеба, поди, поспели...

Вот как! Упал, расшибся. Старуха только отлучилась из дома — он в поле подался. Не терпится ему: «Как там хлебушко?» Ребятам, пинающим иной раз недоеденную булку, вспомнить бы этого старика. До по-

следнего дыхания он думает о хлебе. Вот они, истоки душевных сил!

Да! Жизнь — трудная, непростая школа. И тот, кто входит в нее не потребителем, а созидателем, — тому она всегда покажется радостной, мудрой. И мудрость самих людей — всегда от большой, содержательной жизни. От того, что сделано для людей, что оставлено другим поколениям.

«Спешите делать добрые дела!» — призывал своих современников вологодский поэт Александр Яшин. Добрые дела — в чем они? В исполнении человеческого долга, в том, чтобы украшать жизнь.

В Улошкове живет садовод Александр Павлович Соколов. Нет, к писателю по части родства он не имеет никакого отношения, просто земляк и однофамилец. А вот к думам его, к творчеству, пожалуй, близок. Иван Степанович сетовал на то, как старинные мужики относились к посадке деревьев. Зачем, мол, их сажать: лес, если он хочет, сам вырастет; да и березы, что посажены под окном, все равно скотина обгложет, не то какой-нибудь мужик поедет, телегой заденет, ломает... К сожалению, и теперь еще можно услышать кое-где подобные рассуждения. Я знаю даже целые деревни, где ни деревца кудрявого, ни кустика зеленого... Александр Павлович высадил в Улошкове целый сад. Да какой сад! Чего только в нем нет: яблони разных сортов, вишни, сливы, черноплодная и красная рябины, крыжовник, смородина. Вырастить на Севере хороший сад не так уж просто. «Южан», например, Александр Павлович на зиму переселяет в дом, держит их в огромных кадках, другие теплолюбивые деревья и кусты надежно укрывает от лютого холода, утепляет. Есть в саду плодоносящие лимоны, апельсины и даже благородный лавр имеется, завезенный сюда из Ялты. Сад занимает весь огородный участок, только позади оставлена небольшая грядка для овощей. А посреди сада, меж яблоневых рядов, красуются клумбы с цветами.

Усадьба обнесена березами, липами, кленами — это защита от ветра. В заветном уголке Александр Павлович соорудил себе легкий, светлый домик. Тут у него кровать, стол, этажерка с книгами, проведено электричество.

Выйдя на пенсию, он решил всерьез заняться своим детищем. Раньше был просто садоводом-любителем, те-

перь захотелось стать профессионалом. Читает ученые книги и по-ученому колдует. Прежде всего принялся за прививки. И освоил это дело в совершенстве. Теперь на каждой яблоне у него от пяти до шестнадцати привоев. Спаривает он и плодовые деревья с декоративными. Весной сад разливается радужным цветом, к осени тяжелые ветви никнут к земле, красуются на них разномастные плоды. Чтобы приобрести новые сорта или хотя бы пополнить нужный черенок, садовник готов ехать на край света. И к нему за помощью, за добрым советом едут и идут отовсюду. Никого не обойдет, всех приветит Александр Павлович. И пока вы не отведаете у него спелых яблок, ягод, не попробуете сотового меду, он вас не отпустит от себя. А добрая хозяйка тем временем нарвет цветов и вручит букет на дорожку.

...Стоп, машина времени, — остановись! И хотя времени останавливаться недосуг, давайте засечем на какос-то мгновение два его отрезка, чтобы сравнить жизненные обстоятельства. Это интересно.

Восемьдесят лет назад улошковские крестьяне не только не спешили сажать деревья под окном, но и отказывались заводить пожарные «инструменты», считая пожары божьим наказанием, против чего бороться, мол, нельзя — грех. Голова «трех обчеств» Васька Кострыга не умел даже сосчитать крестьянских податей и вечно насиживал долги.

А ныне в Улошкове появился свой «академик» — садовод А. П. Соколов. Не на пустом месте, конечно, появился. И в этом суть всех изменений.

Сегодняшний крестьянин не просто грамотный (умеет читать и писать), а достаточно образованный, чтобы знать свое историческое место, ценить по достоинству плоды умственного и физического труда. Он жадно тянется к знаниям, осваивая достижения науки и передового опыта, оседлал современную технику. Книга становится его постоянным спутником.

Заглянем в Чуровскую библиотеку, которой заведует Галина Степановна Смирнова. Она назовет интересные цифры. В микрорайоне проживает более трехсот пятидесяти семей колхозников и сельских служащих, а читателей библиотеки свыше девятистот человек — практически все взрослое население. Активными читателями являются доярки, телятницы, механизаторы... О кол-

хозных специалистах, учителях и речи нет — они всегда в библиотеке.

Кировцы идут впереди и в вопросах культуры производства, на них теперь держат равнение другие. А впрочем, колхоз имени Кирова потому и передовой, что в нем живут и трудятся передовые, грамотные люди. Побеждают они не числом, а умением!

БЕРЕЗУГИ

Еще утром ни о какой поездке в лес Василий Ильич Лосев и не помышлял, хотя было воскресенье. Он сидел в кабинете и корпел над бумагами. До совещания сельского актива оставалось времени в обрез, а с докладом никак не клеилось. Собственно, нужных бумаг было много, но сводного материала из них не получалось. Василий Ильич ворошил память, заново перечитывал справки и оперативные сводки, просматривал расчеты специалистов, но все это как-то не задевало душу, не давало мыслям разгона, слова плохо ложились на бумагу...

Обычно доклады или ответственные выступления секретарь райкома готовил у себя дома, наказав работникам аппарата попусту не отвлекать его. Но сегодня Альбина Михайловна, жена и строгая домоправительница, спозаранку принялась за генеральную уборку в доме и вытурила Василия Ильича из тихой спальни, служившей ему кабинетом. Поворчав для порядка («нигде-то нет покоя — ни дома, ни на работе»), он сгреб бумаги и отправился в райком.

Утро было серое, слегка накрапывал дождик. Погода как раз располагала к кабинетному занятию.

Настроение секретаря сельского райкома в осеннюю пору всецело зависит от погоды. Разве усидеть ему в солнечный день в кабинете? Даже в выходной потянет в поле, где еще не все хлеба убраны. Захочется взглянуть на волглые стлища, где зорится шелковый лен, побывать на сушилках, встретиться с председателями,

директорами, поговорить в поле с комбайнерами. А то и просто проехаться одному: проверить дороги, мимоходом заглянуть в лесок, ощутить под ногами жухлую траву, дышащую холодком, посидеть на моховой кочке, полюбоваться багряно-золотой россыпью или постоять на берегу притихшей речки, подумать, подышать ядреным воздухом...

Лосев добрал до своего кабинета, уселся в мягкое кресло и, разложив на столе бумаги, постарался углубиться в них. Работать ему тут **ничто** не мешало. Во всем здании райкома стояла мертвая тишина: никто не топал по коридору, не шушукался в приемной, не звонили докучливые телефоны. Но сосредоточиться он никак не мог, то и дело вставал из-за стола, тянулся за сигаретами, закуривал и начинал торопливо вышагивать по кабинету — восемь шагов до двери, восемь обратно. Сизый дымок струился газовой косынкой за его спиной, тонкий шлейф вихрился, рвался, когда Лосев круто поворачивал и шел в обратном направлении.

— Вот незадача! — досадовал Василий Ильич, возвращая себя на место, к письменному столу. Недокуренная сигарета ложилась в фарфоровую пепельницу, он перетасовывал перед собой черновые листы и снова брался за перо, но вскоре приходил все к тому же выводу — сегодня решительно не пишется, что-то мешает, сковывает его. Правда, пока это «что-то» четко не оформилось, внутренне не осозналось им. Обрывки мыслей роились в голове, бурлили, нагромождались...

Лосев, напрягаясь, все время пытался ухватиться за какой-нибудь живой пример из жизни района, оттолкнуться от него, как от той самой печки, от которой начинают неумелые танцоры, поймать какую-то зацепку. Но зацепки не находилось, хотя примеры обильно всплывали в памяти, и они вполне годились бы для обычного доклада на текущую тему — о начале уборки урожая или, скажем, о стойловом содержании скота. Но загвоздка была в том, что ему предстоял не совсем обычный доклад: на совещании будет обсуждаться вопрос о сселении мелких деревень. Дело было не в названии темы (актуальные проблемы и раньше обсуждались, и к ним Лосев привык), новизна заключалась в предстоящих практических шагах, — из области пришла новая директива.

Год тому назад Понизовский район одним из первых

в области составил план социального развития. Была разработана новая схема сельской планировки. Из четырехсот понизовских сел и деревень перспективными были признаны только пятьдесят — крупные хозяйственные центры и главные усадьбы колхозов и совхозов. Их-то и предлагалось отстраивать и развивать в первую очередь.

Руководители хозяйств охотно согласились с этим и утвердили новую схему. Но не потому, что всем хотелось непременно сносить мелкие деревни, оставив лишь восьмую часть их. Скорее всего причина была в том, что все считали закономерным любое начинание. Сельские вожаки знали: четыреста деревень сразу не поднять и поэтому надо скорее отстраивать главные усадьбы. Но были и сомнения: нужны еще мелкие деревни или уж совсем не нужны? Строиться или сразу переселиться в перспективные поселки? Но эти поселки пока что существовали только на карте. Поэтому в принципе против сселения никто не возражал, однако и спешить с этим делом не хотели: поспешишь — людей насмешишь. Жители малых деревень держались насиженных мест. Председатели сначала хотели уяснить, кого, куда и как переселять, на какие средства. Для всех было ясно только одно: надо больше строить на селе жилья! А село не успевало строить дворы, сушилки, мастерские.

Руководителей хозяйств до сих пор, как говорится, выбивают из колен «окаянные» производственные объекты. Не успеешь переселить буренок из хилого дворенка в новый, глядишь — другой покосился, требует замены. А тут еще и сушилки устарели, и склад маловат. И механизаторы требуют: «Подавай скорее мастерскую, машинный двор, не то бросим трактора, уйдем в город!»

Василий Ильич хорошо знал всю эту сумятицу, в душе сочувствовал председателям, потому что сам более десятка лет руководил крупным колхозом.

Он подошел к стене и долго смотрел на карту района. Глаза его медленно скользили по изломанным жирным линиям, обозначавшим границы колхозов. Их, колхозов, тринадцать в районе — чертова дюжина. В восточной части четыре совхоза и скотооткормочное хозяйство. Но совхозы занимали не большую площадь, и потому Понизовский район справедливо считался колхозной державой. Хозяйства «чертовой дюжины»

не были похожи друг на друга. Одни, вытянутые с севера на юг, по праву считались гигантами местного значения; другие, наоборот, ширились в поперечнике, это средние хозяйства; третьи выглядели пятнышками на карте, их в шутку понизовцы называли землями «малых народов». Вся карта района была опутана паутинками дорог, словно разноячейистой сеткой: в одних местах гуще, в других — реже, в третьих — отдельными ниточками. Каждая ниточка бежала от точки к точкам с названиями деревень, связывая их в пучок, а от пучка нить потолка вела к другому «созвездию»; эти ниточки и нити в конце своего пути соединялись с главной магистральной линией — районной дорогой.

Перспективные села на карте были обведены красными кружочками; пунктирами к ним подходили новые дороги, строящиеся и проектируемые. Секретарь райкома видел за этими кружочками и пунктирами то, что, закрыв глаза, мог представить себе во всех подробностях. Совхоз «Любимово» строит овцеводческий комплекс на десять тысяч голов. В «Светиловском» уже действует крупная механизированная свиноферма. А в центральном колхозе «Понизовье» сооружается животноводческий комплекс на восьмьсот коров. Неподалеку от райцентра возводится Государственная бройлерная птицеферма, она будет работать на промышленной основе и иметь свой агрогородок. По соседству с центральным хозяйством раскинулись обширные земли колхоза «Восход» — самого крупного в Понизовье, здесь широким фронтом ведутся мелиоративные работы...

Василий Ильич невольно перевел взгляд на северо-западную часть карты, где оранжевой краской выделены уголья колхоза «Пионер». «Пионер», «Пионер» — всем колхозам пример!» — срифмовал он вслух и, довольный, улыбнулся, потому что это было действительно так. Еще недавно отстающее хозяйство стало теперь передовым. А все потому, что руководить им стал талантливый специалист Ермишев.

Земли «Пионера» не самые лучшие — холмы, косогоры да камни-валуны. Но у рачительного хозяина и камни оживут! Ермишев организовал механизированные звенья, достал камнеуборочные машины — и камни покатались с поля. С говорком! А под камнями плодородная земля. Однако не на них вырос авторитет председателя. За-

ботливостью и неумной тягой ко всему новому он буквально обворожил колхозников. То он механизированный льноток заведет, то комбинированный склад-сушилку построит, то машинный двор... Ермишев первый ввел двухсменку на фермах. И не обжегся, как иные председатели-торопыги. У тех как: прыг-скок — и в кусты! А Ермишев не таков: взялся — не отступит. Он сперва комплексную механизацию ввел, молокопроводы приспособил так, что они стали отдаивать каждую группу коров в отдельности. У соседей запарка соломы, раздача кормов — тяжелый процесс, у Ермишева он до предела механизирован. Попробовав двухсменку на одной ферме, он через год ввел ее на всех остальных. О старом режиме труда доярки теперь и слышать не хотят — двухсменка здесь прижилась...

Воспоминания о передовых колхозах подействовали на Василия Ильича успокаивающе. Он вернулся к письменному столу. Перо решительно закрипело по бумаге, мысль заработала четко. Василий Ильич еле успевал писать...

«Концентрация и специализация — единственно верный путь развития сельского хозяйства и наша ближайшая задача. Только так можно поднять производительность труда на селе, а труд селянина сделать под стать труду городского рабочего». Для убедительности он привел примеры средней годовой выработки крестьянина и промышленного рабочего в их районе — разница была немалой...

«...Да, что бы там ни говорили, — писал он, — как бы ни вздыхали люди по старой деревне, экономические законы неумолимы: концентрация производства немедленно потребует (да и приводит уже к этому!) сселения мелких деревень. Ведь мелкие деревни появились не из желания наших предков жить разрозненно, что называется, раздольно, или, по-современному выражаясь, строились не в противовес нынешней городской стесненности — об этом раньше просто никто не думал. Старый способ обработки земли, раздробленность и разбросанность земельных угодий, особенно у нас, на Севере, диктовали такое размещение. Это в центральных и южных районах, где леса редки, а земли обширны, сельские поселения издавна были более крупными. Северяне же исстари свыклись с лесными деревушками, даже с теми, что покрывают чуть ли не каждый холмик и бу-

горок на открытом земельном пространстве, смирились с множеством дорог и троп, изрезали пашню канавами, нагородили всяких поскотин — овечьих, телячьих, коровьих, конских. И все это сохранилось до сих пор. Настало время навести порядок в нашем землепользовании, изменить севообороты, объединить и укрупнить угодья, запахать ненужные дороги, лишние каналы...»

Лосев вспомнил главный довод противников сселения: дескать, земля отдалятся, захиреют лесные участки, зарастут луга, — туда и сейчас не всегда попадает навоз, не спешат косарь и пахарь. Он подумал и так ответил на эти возражения:

«Хиреют отдаленные земли не потому, что деревни сселяются и люди как бы отступаются от них, а скорее по той причине, что мы невольно противимся начавшемуся процессу, исподволь задерживаем его, и тогда уже деревни не сселяются, а просто умирают. Ведь сселение как таковое, экономическое и производственное, уже совершилось, мы просто не успели осмыслить этот факт морально, психологически. А старого крестьянствования давно уже нет. Посмотрите: фермы у нас размещены только в ста сорока населенных пунктах из четырехсот, и дело идет к тому, что в ближайшие годы их будет пятьдесят-шестьдесят, не больше».

Василий Ильич, немного передохнув, снова закрипел пером: «А техника как разместилась у нас? Механизаторы в основном живут в центральных усадьбах или поблизости от них. Таким образом, появилось два рода деревень: механизированные и немеханизированные. Они оказались в неодинаковых условиях. Деревни, где есть и скот, и техника, спешат скорее удобрить и обработать свои земли, а земли опустевших деревень удобряются во вторую очередь — тем, что останется. Обиженные деревни платят богатым соседям тем, что неохотно помогают им живой силой, справедливо полагая, что это теперь не их забота. Происходит то, что и должно происходить: у одних много механизаторов, но не хватает людей на ручных работах, у других есть свободные руки, но они остаются без дела, пока не придет к ним на поля техника. Спаривание двух неодинаковых деревень, а тем более отдаленных друг от друга, вызывает бесконечные трения, споры, неувязки... И хотя жители тех и других деревень ведают, что творят, поступить иначе не могут, ибо до сих пор существуют

свои, «кровные», и чужие земли, границы которых установлены издавна. Надо стереть эти перегородки, сделать все поля, луга, пастбища общехозяйственными и водворить на них конкретного хозяина — механизированные звенья. Тогда обездоленных земель не будет. Понятие же отдаленности меняется со временем — развитие дорог и обилие техники разрушает это препятствие».

Лосев хотел подтвердить свой теоретический довод каким-нибудь практическим примером — и они были, такие примеры, когда колхозы, покончив с бездорожьем, свободно доставляли и людей и технику в любое отдаленное поле, — но тут мысль неожиданно подтолкнула его к другим фактам, которые говорили как раз об обратном. «К сожалению, — признался он сам себе, — есть еще у нас отдаленные места — и луга, и поля, и пастбища, куда, как говорится, Макар телят не гонял, и они, эти места, заросли, выпали из хозяйственного оборота». Он вспомнил свою недавнюю поездку в Утлово. Деревенька — двенадцать дворов, не так уж и удалена от райцентра, потому что принадлежит центральному колхозу «Понизовье», а вот, поди же, оказалась самой настоящей глубинкой.

Стоит Утлово в стороне от столбовых дорог, никакой фермы там нет, а может быть, никогда и не было. Лен перестали сеять, поля заклеверены. И людям не только зимой, но и летом нечего стало делать. Нагрязнут летом механизаторы, за какую-нибудь неделю уберут клевера в силос или на сено — и опять во всей округе воцарится безмолвие. Люди разъехались из Утлова, кто куда. Три четверти домов пустует. А местечко подлесное, привольное, грибное. Посреди деревеньки журчит ручеек, вода в нем чистая, студеная.

— Откуда взялась такая серебрянка? — восхищенно воскликнул тогда Василий Ильич, завидя ручеек. Он остановил машину, выскочил на бережок и, как мальчишка, долго плескался у ручья. Пил воду из сложенных черпачком ладоней, остужал пальцы в быстрой струе, бросал сверкающие капли себе в лицо, хохотал от удовольствия. И не заметил, как у него за спиной собралось все утловское население: три сморщенных старушки и инвалид-пенсионер в самодельной коляске. Василий Ильич смущенно поздоровался, что-то буркнул насчет красоты и приволья, повел разговор о местной жизни, стал расспрашивать о пенсиях. Разговор полу-

чился шутливый и необязательный. Василий Ильич не переставал хвалить прелести славной деревеньки, восхищался уютной тишиной и нетронутостью природы. Утловцы, польщенные этим, благодушно кивали в ответ, зазывали в гости, весело улыбались и на все лады расписывали достопримечательности здешних мест. «Погости, погости, милой. И нам будет веселее...» А о бедах своих не успели поведать. Да они и не знали, поди, что беседуют с «хозяином» района, иначе нашли бы на что посетовать, пожаловаться.

На прощание секретарь райкома поручкался с каждой старушкой, у инвалида в самокате справился о здоровье и было уже впрыгнул в машину, как жители Утлова поинтересовались: «А кто же таков будешь, мил-человек?» Лосев широко улыбнулся и назвал себя. Старушки округлили глаза, но высказали сомнение: не шутит ли он, такой-сякой балагур?..

Шофер рванул машину с места и лихо покатил в поле. Василий Ильич помахал старушкам рукой, захлопнул дверцу и неожиданно вздохнул. Ему часто вспоминается эта поездка...

Велика ты, мать-Россия!
До чего ж ты велика!

— продекламировал он вольно чьи-то стихи, а чьи — так и не вспомнил. Потом снова углубился в бумаги. Хотелось как-то по-своему уяснить значение понизовских просторов. Площадь района как-никак внушительная — двести пятьдесят тысяч гектаров, а пашни только сорок шесть тысяч, то есть восемнадцать процентов территории. Много это или мало? Василий Ильич не страдал гигантоманией и не мечтал о сплошной распашке земли. Он знал не только цену сельскохозяйственным угодьям — пашням, лугам, пастбищам, но и понимал биологическую необходимость лесов, водоемов и болот, их назначение. Понимал сам и растолковывал людям, что всякое растение в конечном счете — тот же хлеб и если ты загубил дерево, то этим самым лишил себя и других не только красоты и радости, но и куска хлеба. Однако не о том сейчас была его дума.

«...До сих пор мы вели как бы механическое укрупнение колхозов, совхозов. И сделали многие из них крепкими, экономически сильными. Но не за счет подъема внутренней эффективности и интенсификации ведения хозяйства, а простым сложением экономических

величин. Правда, сложение уже дает эффект, но это только первая стадия интенсификации. Теперь наступает новый этап. В центре внимания должна быть динамика производства, производительность труда. А это основная ступень, более сложная. Теоретически она тоже проста и понятна: научность, рациональность, то есть концентрация и специализация производства. А вот практически — штука эта со многими неизвестными, а если и с известными, то все равно получается, как в той поговорке: «И видит око, да зуб неймет!». Основа сельского хозяйства — земля. С нее и начинать надо. А земля у нас разорвана, разбросана, измельчена, изрезана. Надо мелкие куски соединить в большие. И тут поневоле придется что-то трогать: или леса или болота — чтобы соединить пахотные клочки, луга, пастбища.

Но «объединить» землю проще, для этого существуют мелиорация, техника... А вот как объединить хутора, мелкие деревеньки? Механически свезти одну в другую нельзя. Практически, конечно, можно, да толку-то что? От перемены мест слагаемых сумма не изменится. И выходит, что нужно строить принципиально новое село. С заглядом в будущее, чтобы через десять — пятнадцать лет не говорили о нас селяне: «Продали бугая — купили аэроплан». Но сколько же сил и средств потребуется, чтобы выстроить новое село? И сколько времени?..»

Василий Ильич недавно вычитал в одном журнале: для того, чтобы перестроить сельское хозяйство на современный лад, понадобятся многие десятки и даже сотни миллиардов рублей. А пока что выделялось недостаточно... Он тут же прикинул в уме, сколько же потребуется лет при нынешних темпах. Вышло не менее пятнадцати. «Темпы будут еще расти, — утешал он сам себя. — Лиха беда начало. И все равно, десять-двенадцать лет — тоже срок. Его надо не просто выждать, а вытерпеть, продержаться вот с этими старушками при нынешнем малолюдь, когда техника не поспевает затыкать бреши в сельском хозяйстве, не восполняет «естественного» оттока рабочей силы...»

Разбередив себя воспоминаниями, Василий Ильич опять поднялся, пошел мерить кабинет мелкими шажками. Теперь он думал, вставить или не вставлять этот «факт» в свой доклад. Если вставить, то какой вывод сделать для сельских руководителей?..

На столе зазуммерил телефон и загорелся глазок на аппарате. Василий Ильич покосился на аппарат, но трубку не снял. Зуммер застрекотал еще настойчивее. «Может, беда у кого? Или неотложное дело?..» — встревожился Василий Ильич. Он подошел к аппарату, привычным движением руки поднял трубку с рычага, мизинцем надавив кнопку над светящимся глазком.

— Я вас слушаю.

В трубке зажурчал бархатный голос Альбины Михайловны. Когда она в духе, голос у нее приятный.

— Сидишь, бедненький. Прокурил, поди, весь кабинет. А я давно убралась, приходи обедать.

Василий Ильич поморщился. Он не любил, когда его отрывали от дела. Но жена истолковала молчание мужа по-своему.

— Рабочих дней, что ли, не хватает? Вечно у него доклады!

— Не мешай, Альбина,— тихо попросил он и хотел было положить трубку, но Альбина Михайловна продолжала:

— Вон Полина Евдокимовна все грибы из лесу повытаскивала. Хоть бы съездил с ребятами. Не хочешь сам — откомандируй шофера.

Шофера Василий Ильич накануне отпустил в деревню, поэтому нехотя буркнул:

— Пустое затеваешь.

— Конечно, «пустое». Все люди как люди, а тут... Она не договорила, обиженно вздохнув в трубку.— Мишка вон стоит рядом со мной, ждет, что папа решит.

Мишка — его слабость, Альбина Михайловна знала, какую струнку задеть. Старшая дочь Лосевых уже заневестилась и секретничает теперь с мамой, отца дичится. А младший сын, третьеклассник,— неиссякаемый почемучка. Василий Ильич любил возиться с сыном, но был подчеркнута строг с ним. Иногда брал с собой и возил по полям, когда там шли массовые работы: сев, уборка, силосование. Он считал, что этим приучает сына к земле, воспитывает любовь к труду хлебороба. Мишка назубок знал все марки тракторов, автомашин, комбайнов. Но расспросам его все равно не было конца. Когда Василию Ильичу надоедало отвечать или он чувствовал себя усталым, то говорил сыну: «А ты сам подумай». Или: «Прежде, чем сказать свое «почему?», пораскинь мозгами». Мишка морщил лоб, думал...

— Ну хорошо, Альбина,— бодро ответил Василий Ильич.— Собирайся, через десять минут буду.

— Можно я Евдокимовну позову?

— Приглашай и Евдокимовну.

Он положил трубку. Собрал бумаги, сунул их в ящик стола. Нашупал в кармане ключ от гаража. «Что ж, можно и проветриться». Василий Ильич глянул в окно: день разгулялся, лучи осеннего солнца упрямо пробивались сквозь толщу кучевых облаков. На часах было полвторого.

2

Мишка на этот раз не почемукал, вел себя тихо-мирно. Он сидел рядом, напряженно вглядываясь вперед, и следил за дорогой, согласно кивал головой и понимающе улыбался, если Василий Ильич резко бросал машину в сторону, чтобы миновать колдобину или объехать встречный камень, занесенный на дорогу вместе с гравием.

У отца с сыном быстро устанавливался профессиональный контакт, который они обоюдно поддерживали, обмениваясь условными знаками и взглядами. Как заправские знатоки шоферского дела, они наперед прикидывали скорость движения и все другие маневры, пригодные в тех или иных дорожных ситуациях. Мишка легко угадывал отцовские жесты, намерения, молчаливо одобрял их и в то же время хитро улыбался чему-то, вероятно, тому, что мать, сидевшая позади, заговорила с Полиной Евдокимовной и позабыла свою обычную роль — одергивать сына и давать «нужные» наставления мужу.

Мишка и без маминых одергиваний не вертелся нынче юлой, а сидел деловито, строго, ухватясь ручонками за скобу и чуть подавшись к стеклу, очевидно полагая, что выбирать след машине не только отцовская, но и его задача.

Машина вертко катилась по старой сиземской дороге, преодолевая холмы и пологие косогоры, стремительно сбегала в низины. За окном мелькали поля, луга, перелески, проплывали встречные деревни и села. Мишка силился сохранить в памяти увиденное: озирался по сторонам, крутил головой... А когда машина выска-

кивала на унылый простор, заметно скучал и начинал выпрашивать отца.

— Пап... где мы сейчас едем?

— Разве забыл? Колхоз «Россия».

— Это где дядя Алексей Егорович работает?

— Да. Помнишь, мы были у него на сушилке, потом ездили в поле, к комбайнам...

Мишка морщил лоб, кивал в ответ.

— Ага, помню. А дальше что будет?

— То же самое «Россия». У дяди Алеши большой-пребольшой колхоз, за день не объехать.

Мишка подозрительно покосился на отца, стараясь угадать, нет ли тут какого подвоха? Василий Ильич любил иногда заводить сына в словесные дебри, разыгрывать разными каламбурами. Но нет, отец, пожалуй, на этот раз не шутил...

Добрались до указательного столба. Машина, взяв крутой перевал, выскочила на вершину холма, развернулась вправо и покатила по широкой грейдерной дороге. Дорогу эту с твердым гравийным покрытием колхоз «Россия» начал строить недавно, чтобы соединить подлесную бригаду с центром. «Россия» по территории своей не уступает богатым хозяйствам района — «Восходу» и «Понизовью». Но земли ее истощены, залесены и закустарены, на них из года в год собирают низкие урожаи, а потому колхоз считался экономически слабым. Несколько лет назад райком партии направил сюда председателем бывшего парторга «Восхода» Сергеева. Он быстро разобрался в обстановке, сравнив слабое и сильное хозяйство, и сделал, пожалуй, правильный вывод: колхоз «Россия» хиреет от своей раздробленности и дикого бездорожья. Молодой председатель начал интенсивно строить дороги, новые фермы, жителей с дальних хуторов переселять поближе к центру. Однако силенок у колхоза не хватало, чтобы быстро одолеть все закоренелые беды.

Василий Ильич часто наезжал в «Россию», подолгу беседовал с Сергеевым, помогал ему чем мог, но больше настраивал на терпеливое, неотступное движение к намеченной цели. «Терпенье и труд — все перетрут», — напоминал он каждый раз Сергееву, если видел, что тот начинал киснуть и отчаиваться. — Годом этакой глыбы не поднять».

...Обогнув большую деревню Красное, где обрыва-

лась гравийная дорога, Василий Ильич еще раз повернул вправо и поехал межником к еловому леску, за которым гудели комбайны.

По привычке он направился было к комбайнерам, но его пассажиры запротестовали — торопились в лес. Он не стал противиться — в лес так в лес! — покатил дальше. Полина Евдокимовна напомнила, что надо ехать непременно в Березуги, где «белых грибов до праха», можно за какой-нибудь час набрать «корзину с верхом», и места там глухие, никому не ведомые.

Василий Ильич и сам знал, что места там глухие, но знал не столько леса, сколько ту самую поляну, на которой стоят Березуги, полузатерянные в березовом лесу. Однажды он побывал там: ездил с Сергеевым на дальние его покосы, в Бугры или Дупельнево. В пути они засели в какой-то рытвине, машина стала буксовать — и так посадили райкомовский газик, что нечего было и думать выскочить без трактора. Сергеев отправился за помощью, ходил он куда-то далеко и долго. А Василий Ильич от нечего делать пошел бродить по лесу. Ходил-бродил — и вдруг наткнулся на хутор в березовом распадке. Круглая зеленая полянка открылась ему. В центре она слегка бугрилась, а юго-восточным склоном словно катилась к заросшему ручью. Хутор жался к дальней кромке леса. Бросилась в глаза стройная аллея молодых кудрявых лип, высаженных за околицей, — каким это чудом они попали сюда? Липы своей темно-зеленой кроной ярко выделялись на фоне березового половодья. Сквозь аллею скупно пробивались очертания хозяйственных построек. Виделось несколько крестьянских изб, липы скрадывали их размеры. Издали дома казались аккуратными и уютными, словно сошли сюда с детских картинок. От околицы и до самого леса тянулась ветхая изгородь, но в поскотине никакой живности не было, как не было никаких признаков жизни и возле домов. Весь хутор будто погрузился в волшебный сон, и Василий Ильич побоялся подойти поближе, чтобы не спугнуть, не разрушить лесную сказку. А когда Сергеев прибыл с трактором, спросил у него, что это за деревенька прячется в лесу.

— Березуги, — нехотя ответил Сергеев.

— Есть там хоть живая душа-то?

— Наезжают старушки. И дед был с ними. Но в позапрошлом году, сказывают, заблудился, сгинул.

— Они что — колхозники? — допытывался Василий Ильич.

Сергеев махнул рукой.

— Приблудные какие-то.

— Выходит, дачники.

— Вроде того.

— Недурное местечко выбрали,— подумал вслух Василий Ильич и с тем успокоился.

Теперь он гнал газик по знакомым местам — низинами, перелесками, полевыми дорогами, бегущими через холмы и косогоры. Нужное направление он держал правильно, но здесь столько было дорог, торных и неторных, что сбиться с пути и укатить куда-то в сторону немудрено. Он остановил машину, чтобы оглядеться. С высокого холма местность просматривалась далеко. И справа, и слева, и впереди маячили карликовые деревеньки. Издали они казались вымершими. «Ох, Сергеев, Сергеев! Много тебе еще придется повозиться с ними»,— подумал Василий Ильич.

— Хватает тут всяких селений,— подала голос из машины Полина Евдокимовна,— всех не пересчитать. А вы берите прямо, на Фомушино. А там и до Березуг рукой подать.

Василий Ильич сел в кабину, включил скорость и тронул на Фомушино.

3

Гулко, раскатисто гроыхнуло небо...

Ветер шало загулял поверху, заламывая верхушки деревьев. Старая ель скрипнула, застонала, что-то охнуло в лесной глуши — и все стихло. Очередной шквал взвихрил листья, поднял, закружил их в воздухе, кинул в поднебесье стаю перепуганных птиц, качнул кроны елей, потряс кондовые стволы осин, наклонил к земле податливые березы и с шумом, ломаясь и взрыдывая, покатился дальше в глубь леса.

Василий Ильич тревожно поозирался, глянул вверх.

Место, где он кружил, было грибное, заманчивое. Собственно, в Березугах всюду места грибные — это он отметил сразу. Как только грибники остановили машину и углубились в лес, им начали попадаться на глаза лисички, волнушки, моховики, сыроежки, подберезовики. Василий Ильич кинулся подбирать их, но опытная Полина Евдокимовна мимоходом заметила:

— Чего еще!? За сто верст киселя хлебать...

Василий Ильич вытряхнул собранную мелочь и споро пошагал вперед, забирая чуть в сторону от своих. Он пересек какую-то дорогу, а за нею — топкую лядину, заросшую ивняком, продрался сквозь густой ольховник и направился к сухому взгорку, где начинался крупный еловый бор вперемешку с березником и осинником. Высокие ели держались кучно, обособленно, образуя патлатые куртины, и заметно выделялись, чернея в березовом строю. Василий Ильич заспешил к елкам.

— Ау-у! — услышал он позади себя.

«Ну вот, сразу и потерялись», — подумал он, но потому, что голос был не призывный и это «ау-у!» прозвучало вроде бы для порядка, не отозвался. Он кружил в ельнике, где было тихо и темно, пахло густым смоляным настоем, слегка отдавало затхлой прелью хвои. Под ногами хрустели сухие иголки, многолетний хвойный настил мягко пружинил — ходить по нему было легко и приятно. Раздвигая седой лапник, Василий Ильич увидел темно-коричневую шляпку боровика. Он нагнулся, чтобы срезать гриб, но тут же заметил еще несколько бугорков. Кто из грибников не знает этих заманчивых вздутых, выпирающих из хвойной подушки! Под каждой такой крышечкой непременно сидит белый гриб, причем молодой, потому как не проломил еще жесткого покрывала и не вылупился на свет.

В это мгновение над Василием Ильичем и раскололось небо. Треск раздираемой парусины заставил его вздрогнуть, оглянуться, но он не бросил начатого дела. Лосев спешил собрать богатую добычу и бежать к своим. Мишка боялся грозы и теперь наверняка куксится, да и Альбина — того, трусиха. Обнадеживало то, что с ними сейчас Полина Евдокимовна, женщина пожилая и мудрая, бывавшая в разных таких переделках. Он немного поуспокоился и еще раз огляделся. Ему блазились новые бугорки и вздутия совсем неподалеку, у елок. Он перебежал от одного места к другому...

Ветер между тем притих, верховой шум поубавился, березы вдали не качались, словно замерли в нетерпеливом ожидании, а тучные ели шептались меж собой. Упали первые капли дождя. А потом — забарабанило.

— Па-а-па! — отдаленно прокричал Мишка. Голос его, испуганный и какой-то придавленный, потонул в шуме грянувшего ливня.

— И-ду! И-ду, Ми-и-ша!

Василий Ильич схватил корзину, до половины наполненную грибами, сложил ножик, сунул его в карман и зашагал наугад в ту сторону, откуда донесся голос сына. Еще раз послышался крик, но шум дождя погасил слабый звук.

Лосев шел быстро, не выбирая пути, лез и продирался напрямик, напролом. И как бывает в таких случаях, ему все чаще стали попадаться грибы, именно белые. Он на ходу, нагибаясь, рвал их и торопливо бежал. А боровики заманивали то вправо, то влево, выглядывая умытыми головками около пней и из травы, то там, то тут мелькали их бурые шляпки с коричневым налетом или выставлялись напоказ стройные, без загара ножки. Дождь хлестал вовсю, и когда Василий Ильич нагибался, дробно барабанил по спине. Кожаная куртка на нем сделалась тяжелой и холодной, с кепки текло, в сапогах хлюпала вода...

— Э-ге-гей! — крикнул он во все горло, чтобы перебить шум дождя. Но никто ему не ответил. Только дважды, с небольшим перерывом хохотнул отдаленный гром, да дождь припустил еще сильнее.

— Э-эй! — тонул и захлебывался голос Василия Ильича в ревушем лесу. «Куда все подевались? Забрались, наверное, в глухомань, пережидают...» Он остановился у кряжистой березы, опустил корзину на землю, приложил к губам ладони и трубно загудел:

— У-гу-гу-у!

За спиной что-то звучно хрястнуло, затопало, шум раздвигаемых сучьев и ломающегося мелкоколосья слился с ревом дождя и грохотом очередного залпа грозового разряда.

Василий Ильич не успел даже испугаться, вздрогнуть — он просто-напросто опешил: «Кто бы это мог быть? Лось или сам «хозяин»? Он слышал от людей, что в Березугах, неподалеку от хутора, обитает медведица с медвежатами. Семейка, говорят, мирная, выходит на поляну, подбирается к человеческому жилью, но никого не трогает. «Мирная»! Лучше быть подальше от такой!»

Он схватил корзину и зашагал прочь, все еще надеясь выбраться на дорогу и сориентироваться.

Тучи давили на самые макушки деревьев, в лесу стало темно и жутко. Но Василий Ильич отгонял страх,

стыдил себя за робость и малодушие. Отшагал он, пожалуй, версты три, а дороги все не было. И ту лядину, которую раньше пересекал, он не встретил.

Он принимался кричать громко, протяжно, часто останавливался, вслушивался — ответа не было. «Может быть, ушли к машине? Сидят теперь в кабине да посмеиваются над ним, бедолагой, заблудившимся в трех соснах...»

Однако сосен было не три. Василий Ильич заметил, что лес становится все глуше и глуше, мелколесья не было и подрост куда-то исчез, кругом — мощные стволы да рогатые валежины, и травы под ногами не стало...

«Нет, не туда топаю», — решил он. Повернул назад, стал отыскивать следы, высматривать мухоморы и поганки, которые сбивал на ходу. Дождь постепенно затихал. Василий Ильич взбодрился и побежал обратно по следу...

Вот и дорога! Не задумываясь, он повернул налево, оскальзываясь, зашагал по раскисшей глине. Свежая глубокая колея на дороге до краев наполнилась водой. Василий Ильич узнавал и не узнавал просеку, по которой въезжал в лес: по его прикидке должна вот-вот показаться ивовая лощинка, перед которой на угоре, в укромном местечке, и стоит его машина. Он нащупал в кармане ключ от зажигания — скорее бы добраться до машины да сесть за руль. Но шел он около часа, а ивовой лощины все не было, наоборот, дорога стала подниматься в гору, и лес показался опять чужим, незнакомым.

Небосклон понемногу очистился, справа забрезжили лучи солнца. Василий Ильич поглядел на часы — без четверти пять. И вдруг его осенило: «Черт побери! Дело-то к вечеру, а солнце у меня справа. Стало быть, иду я на юг, а надо на север». Он остановился и внимательно посмотрел на небо: сквозь побелевшие тучи пробивалось солнце. Василий Ильич понял, что заблудился: и дорога совсем не та, и идет он не в ту сторону.

«Как же это я обмишулился?» — досадовал на себя Василий Ильич. Но в трудную минуту он обычно не паниковал, не суетился, спокойно раздумывал, что делать.

Во-первых, надо немного отдышаться, собраться с силами. Во-вторых... Он быстро извлек спички и сигареты из куртки и переложил их в сухое место — в куртке они уже подмокли. Затем стал подтягивать пружину

часов. Ему хотелось курить, но он не разрешил себе этого удовольствия перед трудной дорогой. «Если придется заночевать, — соображал он, — нужно будет позаботиться о костре». У него есть складень, которым дров, конечно, не наколешь, но кое-что нащепать можно. В корзине десятка три грибов лежит. «Ладно, если что — проживем». Но он тут же отбросил мысль о ночлеге — надо поскорее выбираться из леса. Василий Ильич нехотя пошел в обратную сторону, теперь — строго на север.

Ноги после короткой передышки стали тяжелыми, будто одеревенели. К вечеру небо успокоилось, облака поползли куда-то к горизонту, в разрывах туч с западного небосклона показалось яркое солнце. Оно залило лес радужным светом. Все вокруг ожило, засверкало, с листьев посыпались алмазные искры. Трава бирюзово засветилась на обочине. Возле дороги показывались грибы, но Василий Ильич теперь на них не обращал внимания. Он добрался до того места, где выскочил из лесу, постоял, поозирался, но сообразить толком ничего уже не мог. Дорога то поднималась на угорье, то опускалась в низину.

Василий Ильич брел прямо по лужам, по топкой грязи. Сапоги его раскисли, и ступни ног сильно саднили. Надо было сесть, переобуться, но ему не хотелось терять времени — он спешил выйти к своим, да и знал, что сырые портянки не дадут, пожалуй, снова обуться, а сушить их негде и некогда.

Впереди замаячил дорожный столб. Василий Ильич обрадовался, как будто увидел спасительный знак. «А что, — думал он, — может, на нем чего и написано... Узнаю хотя бы, куда ведет эта просека». Путь его пересекался другой просекой, такой же изъезженной и грязной. Василий Ильич облегченно вздохнул, увидев скамейку, сколоченную из березовых плах, и присел отдохнуть.

Его разбирала досада на то, что он обманулся в своих надеждах, а в душе копилась злость на лесников. «Вот ведь мудрецы... Приколотили три дощечки на одном столбе, и все три призывают оберегать лес. Не догадались повесить стрелку с указателем: дорога, мол, ведет туда-то». Перед глазами торчали три одинаковые дощечки с черными облезлыми буквами: «Граждане! Берегите лес от пожаров!» Они наводили тоску.

— Вот возьму да и подожгу! — вскричал Василий Ильич. И сам испугался своего голоса. Он резко вско- чил и пошел влево от столба, не особенно заботясь о том, какую выбрал дорогу, — лишь бы идти. Солнце уже заходило за макушки деревьев, на лес спускались вечерние сумерки.

Свернув в березовый распадок, он неожиданно уви- дел близко от дороги ручеек, а за ним уютную полянку, такую чистую и прибранную, словно она сошла с карти- ны Шишкина. В дальнем углу полянки виднелся сто- жок, а за березовым выступом вдруг показался домик. Василий Ильич еще пуще взъярился на лесников: «Как же так? В двухстах метрах от столба стоит лесной до- мик, а указателя нет. Эх, добродей!»

Подойдя ближе, он увидел колодец перед окном и скамейку у крыльца. К лесному домику вела еле замет- ная тропа. Василий Ильич раздумывал, зайти в дом или не зайти. «Может быть, заночевать?» В доме можно истопить печь, обсушиться, вскипятить чай. Но он вспо- мнил сына, жену, соседку, оставленных в лесу. «Что они теперь делают? Тревожатся, ищут...» Глянул на спасительное крыльцо, и ему захотелось хотя бы при- сесть, спокойно отдохнуть около жилья. Но он знал: посидишь — трудно будет вставать. А тут еще на две- рях красуется какая-то надпись, сделанная дегтем. Василий Ильич приблизился, стал разбирать замысло- ватые слова. Получалось что-то угрожающее: «Не тво- рите безобразий людие...» И хотя безвестный автор взывал к людской совести, сам он представлялся в не очень-то добром свете. Нет бы пригласить: «Войди в хижину, добрый человек, отдохни с дороги. В кухне найдешь соль, спички, котелок. Согрейся, попей чай- ку — оставь дом таким, каким он тебя приветил. Помни о своем собрате». Но нет, колючая надпись гнала пут- ника от дома.

Василий Ильич отшатнулся от крыльца и пошел прочь. К углу избышки была прибита фирменная до- щечка, вполне опрятная, но и она не сулила ласки и привета, лишь напоминала путнику о его строгих обя- занностях в лесу и заканчивалась угрозой штрафа за браконьерство и другие нарушения.

«К чему эти суровые «изречения» в лесу? — думал Василий Ильич. — И кого они могут приструнить, напу- гать? Разбойника-браконьера? Так его словами не прой-

мешь, можешь только подтолкнуть к дерзости. Доброго человека и подавно пугать не следует, он не хуже самих запретителей знает, что лес надо беречь, а жилище — не зорить. Не лучше ли было на просечном перекрестке вывесить «лесную грамоту», которая сообщала бы краткие сведения о флоре и фауне, а потом уже тактично напоминала человеку о его святой обязанности беречь природу?..»

Василию Ильичу вспомнилась забавная картинка детской поры.

В его селе при пожарке нес службу сторож Митроха. Дед аккуратно отбивал вечерние и ночные часы в ржавую рельсину. Но сколько ударит, не считал. Спросят, бывало, Митроху: «Который час, дедушка?» Покряхтит, ответит: «Не поленись, милоч, сам посчитай!» Считать, конечно, не считали. Дед Митроха отстукивал в рельсину столько, сколько бог на душу положит. Но старому Митрохе прощалась эта вольность — он не силен был в грамоте. А вот нынешним грамотеям не мешало бы вслушиваться в удары времени и музыку слов.

Как-то присутствовал Василий Ильич на вечере чествования хлеборобов. Сидят в президиуме знатные колхозники, а их приветствуют школьники: «Слава вам, покорители природы!» Старики аж глохнут от звонких ребячьих голосов. Василий Ильич вместе со всеми хлопал в ладоши, благодарил за «теплые» слова. Но мысленно выговаривал ребятам: «Несмышлениши! Зачем же покорять природу? Ее надо беречь, уважать, изучать. Природа — ваша прама-терь, ведь не собираетесь же вы покорять своих родителей...» Но «несмышлениши», пожалуй, тут не при чем, они и впрямь не ведают, что говорят. А вот учителя должны бы знать. Да и сочинителям приветствий надо сперва думать, а потом писать. Вон уже и космос требуют покорить... А надо ли? Изучать, осваивать — другое дело...

Никогда раньше Василию Ильичу не приходилось заниматься такой «мелочью», как запрещающие надписи, — висят и ладно, лишнее напоминание не помещает людям. А теперь он по-иному взглянул на них, увидел нелепость некоторых запретов. В жизни часто происходит обратное: где «запрещено» сорить, курить, там, глядишь, и сорят, и курят. А в метро, в музеях нет подобных надписей, но там никто не курит и не лезет туда, куда входить не положено. Значит, не в печатных

запретах сила, а в порядке вещей. Хороший порядок сам за себя агитирует. То же самое происходит и в некоторых колхозах. Где нет порядка, плохо организован труд, там никакая профориентация не помогает — бежит молодежь из деревни.

Василий Ильич улыбнулся, довольный своим маленьким открытием: «Не худо, оказывается, и заблудиться в лесу, на просторе голова проветривается».

Шагал он теперь не просекой, а извилистой лесной дорогой: просека неожиданно оборвалась, уперлась в чащобу, а колея повела куда-то в сторону, на северо-запад. Впрочем, ручаться за точность нового направления было уже нельзя — солнце скрылось за лесом еще до того, как Василий Ильич покинул поляну с неприветливой избушкой. Но он старался запомнить каждый поворот, мысленно проложить нужный азимут.

Сумерки все более сгущались, тени уже не блуждали среди деревьев и не ложились лохматыми чудищами на землю; клейкая мгла надвигалась из таежной глубины, погружая во мрак и деревья, и дорогу. Василий Ильич решил идти, куда хватит сил. Его все больше тревожила мысль, а вдруг жена и сын тоже заблудились...

Дорога к вечеру немного проветрилась, вода сбегала в низинки или ушла в землю — шагать стало легче. Мешало одно — сильно болели ноги. Он высмотрел удобный пенек, решил переобуться. Хромовый сапог долго выskalывал из рук, никак не снимался, пришлось придавить его к земле и с силой выдернуть ногу. Со вторым сапогом управился легче. Натруженные ноги горели, мокрые портянки оказались в сплошных складках, под пальцами и на пятках — водянистые мозоли. «Нечего сказать — герой! — поворчал на себя Василий Ильич. — Эка разделал ходовую часть!» Раньше, работая председателем колхоза, он не знал усталости в ходьбе и уж во всяком случае ноги никогда не сбивал. «Вот он, сидячий образ жизни! Все ездешь, все кого-то уговариваешь...»

Кое-как переобувшись, Василий Ильич с трудом оторвался от пня, встал на ноги и, негодуя на себя, преодолевая жгучую боль, ступил на дорогу; пошатываясь, он тронулся в путь. Жуткая сумеречь, вечерняя неприветливость леса сразу словно отодвинулись куда-то, потеряли для него реальное значение. Он шел

как во сне, будто плыл в густом тумане, уставясь вперед...

Очнулся, когда лес стал расступаться перед ним. И тут только заметил он, что хмурые и серые ольхи сменились белоствольными березами. От берез стало немного светлее. Впереди показалась старая вырубка. Василий Ильич зашагал бойчее.

За вырубкой березняк стал заметно редеть: начали попадаться лесные полосы и расчистки, небольшие лужайки, полянки, затянутые ивняком. Вот показался первый стог, за ним выплыл из тумана второй. На душе Василия Ильича потеплело: «Коли стога, значит, чьи-то покосы, тогда и селение должно быть рядом».

Он направился к ближайшему стогу, словно надеясь что-то найти там. Оглядел стожар, ольховые подпорины, ощупал жердь, приставленную к стогу, но не заметил ни заструг, ни затесей. «Значит, не колхозные, — решил он. — Колхозники обычно ставят метки, по которым можно определить хозяина сена». Побрел к другому стогу, но и там ничего не открыл. Стога были будто «чужие». Василий Ильич вздрогнул от этой мысли. Уж не забрел ли он в соседний район? Неожиданная догадка и озадачила и заставила усмехнуться — вот будет потеха, свежий анекдот будет!..

Среди его собратьев-районщиков и без того ходит одна такая байка, как некий секретарь-новичок залетел по ошибке в чужой район и давай там наводить порядки на ферме. Распалился — велел немедленно послать за бригадиром. Прибежал бригадир, видит — какое-то незнакомое начальство, не по-ихнему сердитое. Но нагоняй исправно выслушал, а потом задает вопрос: «Извиняюсь, вы кто же такие у нас будете?» — «Как — «кто»? Вы что, не знаете секретаря райкома?» Доярки — в покатушку. А бригадир прямо смеется на глазах: «Так бы сразу и сказали». И не успел секретарь что-либо сообразить, как бригадир его огорошил: «За сим и до свидания, дорогой! У нас тут своих крикунов хватает».

Василий Ильич больше не слонялся по поляне и не задерживался возле сена. С каждым новым стогом, а они стали попадаться все чаще и чаще, росла тревога в его душе. Он почти уверил себя в том, что забрел в чужой район. Часы показывали без четверти

восемь, значит, бродит он по лесу около пяти часов и за это время, конечно, успел отмахать десятка два километра, а то и больше. Шагал он без роздыху, не считая коротких остановок, — и поэтому должен был наткнуться на какую-нибудь деревеньку или хутор. Но их не было, значит, он в чужом районе.

«А что если Мишка с матерью и Евдокимовной тоже заблудились в лесу?..» — мысль эта то и дело приходила на ум, не давала покоя.

Перелесок, которым он теперь пробирался, тянулся долго... Но вот стога веселее побежали вниз, к ручью, а за ним показался широкий луг. Лес наконец расступился, и Василий Ильич увидел вдали высокий холм, на холме деревеньку. Он вздохнул полной грудью, рванулся было вперед, но вдруг почувствовал смертельную усталость и голодную резь в животе. По телу пробежала мелкая дрожь, ноги подкосились — Василий Ильич готов был упасть, распластаться на траве и больше не вставать. Но он помнил о жене и сыне...

Дорога в гору была слишком долгой и крутой, казалась она нехоженой. Он шел из последних сил, подгревая себя надеждой: «Вот дойду, вот выберусь наверх и отдохну, попрошу хлеба. Нет, просить, пожалуй, неудобно. Не нищий ведь!» Он нащупал блокнот во внутреннем кармане, раскрыл — в нем оказались деньги. «Куплю у кого-нибудь краюху», — решил Василий Ильич и вдруг явственно ощутил вкус пахучей горбушки ржаного хлеба. «Хлеб, хлеб! В тебе вся сила...»

Крайний дом оказался пустым. Двор целехонек, крыльцо на месте, и даже окна не заколочены, а людей в доме нет. Он двинулся дальше. Весь хутор состоял из пяти-шести домов, но дома разбрелись по пустырю, спрятались в зарослях бурьяна и молодых тополей — издали не поймешь, где жилой, а где нежилой. Вторая избушка, обмазанная глиной и вросшая в землю, тоже не подавала признаков жизни, у нее даже путного крылечка не было. Лосев хотел пройти мимо, но, поравнявшись с хибарой, увидел сгорбленную старушку в выцветшем платке, повязанном шаляшиком. Она сидела у порога, опершись на клюку, мирно дремала. Личико у бабушки сморщенное, словно печеное яблоко, нос-пуговка вздрагивал и сипел,

глаза спрятались за морщинами. Василий Ильич тихо приблизился, сказал хрипло:

— Здравствуй, бабуся.

— Ась, — шевельнулась она.

Василий Ильич прокашлялся, спросил более внятно.

— Это какая же деревня будет?

Старушка чуть оживилась, провела ладонью по лицу, будто смахивая паутину, ответила скупо и как-то безразлично.

— Дупельнево, батюшка, Дупельнево. А тебе-то оно на что?

— Заблудился я. Мне бы в Березуги.

— Охти мне, охти,— запричитала старушка,— далеко тебя угораздило.

Василий Ильич хотел было присесть рядом и сразу же попросить чего-нибудь поесть, но вдруг устыдился своего желания, подумав, что бабушке, наверно, нелегко дается хлеб — надо идти за ним верст семь, а то и более в сельскую лавку.

Дупельнево — дальний хутор колхоза «Россия», хотя и самый крайний, но все же свой. А в своем доме и углы помогают. К тому же время не такое уже позднее — за хутором только что отгорел закат, и Василий Ильич почувствовал, что у него еще есть силы. Да и надежда, что скоро он разыщет своих, начала крепнуть.

— Колхоз-то ваш «Россия», что ли, называется? — спросил он для приличия.

— Не знаю, батюшко, как он там прозывается. Колхоз отсюда далече, а мы, глико, старые.

Старушка отвернулась от лесного прищельца, будто отмахнулась. Она опять начала тихо дремать.

— А что председатель, разве не бывает тут?

Он почувствовал вину перед этой дремлющей старушкой и за себя, и за председателя колхоза, и за всех тех, кто управлял когда-то хутором, распоряжался жизнью этой женщины, требовал от нее самоотверженного труда во имя общего блага. И она, вечная труженица, отдавшая все силы для этого блага, взамен не взяла себе ничего. Теперь сидит она на пороге осиротевшей хибарки, мирно доживает последние дни, от людей ничего не требует, а если и требует, то только одного — чтобы ее не забывал бригадир или председатель, хотя бы изредка кто-нибудь навещал...

— Бывает, как не бывает. Ездют начальники,—

старушка пошамкала губами, надула щеки и выпустила тихий вздох.— И чего ездют, чего ходют? Куда все спешат?..

Василий Ильич понял, что с бабушкой не очень-то наговоришься: скажет слово — подремлет... Придется поискать другого хуторянина.

Только подумал об этом, как из переулка донесся звон цепи, знакомый брякоток приторачиваемого ведра. Он решил сходить к колодцу, хотя бы напиться. Молча поклонился бабушке и шагнул за угол дома. С наполненным ведром в переулке стояла босоногая, крутобедрая женщина лет сорока с непокрытой головой и короткой прической. На ней была модная городская юбка и вязаная кофточка. Кофточка, застегнутая только на нижнюю пуговицу, бесстыже оголяла груди. По всему видать, гостя залетная, приезжая, одним словом — хуторская дачница. Женщина в упор разглядывала приближающегося незнакомца, насмешливо окидывая взглядом с ног до головы.

Василий Ильич поставил корзину на землю, шевельнув сухим языком, поздоровался и попросил напиться.

— Откуда еще такой гоголь?

— Из лесу. — Василий Ильич неопределенно махнул в сторону леса.

— Блудил, поди?

— С чего вы взяли?

— Тут многие блудят, — улыбалась женщина. — Ну на, попей, горюн. — Она подала ведро с водой. Василий Ильич наклонился, стал жадно пить.

— А там что у тебя, грибы? — кивнула она на корзину. Вытирая губы ладонью, Лосев только помычал. Но та сама нашлась с ответом.

— Шиш это, а не грибы. Стоило в лес ходить!..

— Сколько набрал, все тут...

Василий Ильич потерял охоту поддерживать разговор. Сельская горожанка явно издевалась над ним: и за то, что заблудился, и что грибов мало насобирав в изобильном лесу; да и вид у него, надо сказать, не фартовый. Расспросив дорогу на Фомушино — Березуги, он медленно ползл от колодца. Женщина, все еще улыбаясь, наставляла его:

— Перестригнешь лесок — поднимись в Бугры, а там с горы и Фомушино видать.

— Спасибо, дальше найду дорогу.

Василий Ильич не обернулся. Двигался он на разбитых ногах, словно росوماха. Женщина сочувственно посмотрела вслед, покачала головой:

— Жрать, поди, хочешь? — крикнула она добродушно грубо.

— Спасибо, доберусь.

— Не то заходи. Я вон в том доме. И баня, слышь, готовая...

Василий Ильич не отозвался, будто не расслышал приглашения в баню, только затаенно улыбнулся. Он поспешил выбраться скорее по тропе за околицу. Стало вдруг неловко и за себя, и за повадливую женщину, и за дремучий хутор, на котором можно одуреть и оглохнуть с тоски. «Приласкает вот такая, — усмехнулся он, — не скоро вырвешься. Ишь добрая — «заходи». Навезла, поди, городских харчей, всякой консервной снеди да сдобных бубликов, жирует себе на вольном воздухе. Ходит в лес, собирает грибы, сушит, солит, маринует. Просторно ей тут живется, только вот общества не хватает. Обезмужичел лесной край». О женщине этой он скоро позабыл, не то чтобы выбросил из головы — и точка, а начал сравнивать жизнь залетной гостыи с жизнью одинокой бабки, домысливать их судьбы...

Путь его лежал по кособору к березовому колку, за которым земля снова дыбилась холмами. Василий Ильич спустился в низину, пересек по скользким слежкам черный ручевник, помялся на опушке, затем повернул к леску и углубился в молодой березняк. В лес ему идти не хотелось, но этого колка все равно не миновать, другого пути он не знал. Он пробирался то ли зимником, то ли старой сенокосной тропой: след угадывался с трудом — тропа заросла. Василий Ильич напряженно глядел под ноги, боясь в сумерках сбиться с пути и угодить куда-нибудь в глушь. Лесная тропа навевала невеселые думы.

«Эх, деятели-работнички! — ругал он кого-то, скорее всего местное начальство, всех районных управителей и заготовителей, да и самого себя вкупе с ними. — Сколько добра пропадает! Какие богатые места! Луга привольные, леса грибные... А сюда и дороги никто не проторил. Зарастает земля...» Он думал о том, какие резкие контрасты еще наблюдаются в их районе. В селах, близких от дорог, кипит жизнь: возводятся крупные

фермы, мелиорируются земли, строятся дома, закладываются инженерные сети, газифицируются квартиры; там и клубы, и школы, и магазины. А вот в этих, глубинных местах,— тишь да гладь, да божья благодать. От одного дикого бездорожья делается жутко. Василий Ильич почувствовал всю бесприютность и обреченность забытых хуторов, так называемых «неперспективных» населенных пунктов. «Сколько добра пропадает!» Теперь уже не грибы и ягоды беспокоили его, а запущенные деревни, в которых замерла жизнь, потухли очаги. А ведь каждый такой крестьянский двор не просто стоял века — он породил, взлелеял пахаря и солдата, дал городам и стройкам мастерового человека, вырастил ученого, поэта, артиста, художника... А теперь вот осиротел, никому стал не нужен, его бранят, сторонятся и даже стыдятся «поумневшие» отроки...

Василий Ильич мысленно перебирал в памяти все деревни, малые и не очень малые, дальние и не совсем далекие, которые он хорошо знал. Сколько их разбросано по берегам речек и ручейков, в укромных местах, у лесных озер, по безымянным высоткам! И почему это вдруг людям расхотелось в них жить? Из-за чего коренные жители покидают обжитые земли, оставляют дорогие сердцу места? В самом деле — почему? Материальный недостаток канул в прошлое. Всякие удобства тоже начинают пробиваться к селянину. Уж не потому ли он бежит из глухих мест, что существует на свете город, более удобный для человеческого жилья и общения? Но и раньше ведь были города, не в наш же век появились. И разве неизвестно, что городской житель вечно тоскует по живой природе? Горожанин тянется к селу, а селянин мечтает о городе. Первый, попав в село, любуется здешней красотой, чистым воздухом восхищается, второй смотрит на него как на блажного, сам воздуха не ценит, а окружающую красоту просто не замечает. Как бы сделать так, чтобы городские удобства накрепко соединились с сельскими преимуществами?..

Но Василий Ильич тут же отогнал благую мысль: «Далеко еще до такого соединения, надо сперва преодолеть различия». А пока что различия между городом и вот этой глубинкой не просто резкие, а бьющие в глаза. «Вот тебе наглядный пример,— вернулся он к реальной действительности,— ты устал, выбился из

сил. А случись беда похлеще, попробуй дать весть, попросить помощи... Сюда, пожалуй, и почта неделями не ходит».

Он еще крепче утвердился в том, что надо скорее сносить мелкие деревни. Бог с нею, с красотой! Надо живее строить перспективные села, благоустраивать их. Курс взят верный! И кому он кажется ошибочным, кто сомневается, пусть тот с годик поживет в Березугах или Дупельневе, на вольном воздухе, походит в лес за дровами, поносит воду из ручья да пожует черствого, заплесневелого хлеба — авось перестанет грома бояться...

Из березового леса Василий Ильич выбрался на мягкий лужок, постоял, пооглядывался. Сзади белел молодой древостой, впереди темнели Бугры. Он знал, что от Бугров до Фомушино не так уж далеко, версты две с гаком будет. А там и до Березуг примерно столько же. Он подгонял себя, торопясь скорее преодолеть оставшиеся километры...

«Что это я вдруг ополчился на малые деревни? — стал укорять себя Василий Ильич.— Чем-то они ведь хороши, эти березуги, дупельневы, бугры. Там можно отдыхать в пору летних отпусков или приезжать туда в грибной сезон... И так ли уж приспичило их сселять? Можно ведь переселять людей, а старые дома не трогать. Зачем эта рухлядь центральным усадьбам? Там надо строить современное жилье, добротное, благоустроенное...»

Он вспомнил неоконченный доклад, решил вставить в него эти мысли и начал обдумывать текст: «Надо переселять людей с хуторов, а избы пока не трогать, пусть они остаются. И деревни некоторые пусть стоят на прежних местах, поближе к лесу, болоту. Природный фактор имеет громадное значение...» Василий Ильич развивал свой тезис, мысленно втискивая его в доклад: «В грибной сезон хутора понадобятся для людей, и не только в грибной. Что плохого в том, если бабушки и дедушки с внучатами на все лето заберутся в родные края? Пусть женщины с ребятишками, пенсионеры и инвалиды тоже выезжают на лоно природы по выходным дням, как нынче это делают горожане, улетающие или уезжающие на свои пригородные дачи-скворечни. Только надо заранее приготовить корзинки, бочки, ящики, всякую снедь для солений и сушений, завезти

нужные товары на хутора. Пусть хуторяне ходят в лес, собирают ягоды, грибы, лекарственные травы. Весной можно березовыми вениками заняться, а летом заготовлять для колхоза корм да и на свою живность накосить сена. Ведь даром трава пропадает. Одним словом, польза от хуторов будет — и старикам утеха, и государству поддержка, а кроме того — приварок к скудным стариковским пенсиям, это тоже не последнее дело».

Распалясь, Василий Ильич мысленно начал критиковать неразворотливых бытовиков, заготовителей, работников торговли, деятелей культурного фронта за то, что они слабо заботятся о людях, не уделяют должного внимания деревне, особенно глубинке. Вспомнилась едкая частушка, услышанная им как-то на сельской улице, куда он вышел после бригадного собрания. На бревнах против ларька сидели девчата и голосисто вывели:

В продовольственный ларек
Запохаживал хорек.
Изловили мы хорька —
Оказался завларька.

— Вот это критика! — посмеялся он, а когда садился в машину, чей-то озорной голос выдал похлеще:

Через пень, через колоду,
Через райпотребсоюз...
Помогите выйти замуж,
Старой девой остаюсь!

Вторую частушку Василий Ильич «распевал» всю дорогу. А сегодня он воочию убедился в неразворотливости торговцев и заготовителей, в том, что они списали со счета дальние деревни; к хуторам не ведут их дороги, зато лесные просеки изрезаны шинами городских машин.

«Ну, погоди у меня, заготрай! — грозился Василий Ильич. — Доберусь до тебя, научу работать. А то все по местному радио да через районную газету агитируете население: «Заготовляйте больше корья! Собирайте грибы, ягоды, лекарственные травы!»...

От заготовителей он перекинулся к отделам райисполкома, которые плохо еще руководят районными службами, добрался и до своего аппарата, вернее до самого себя. «А ты-то тоже, гусь величавый! Возглав-

ляешь массово-политическую и организационную работу в районе, всякую там пропаганду и агитацию. Где она «пасется», твоя агитация? В Дупельнево, например, не заходит». Он решил завтра же вызвать к себе секретаря по идеологии и допытаться у него, какова «география» культурно-массовой и агитационной работы. Не по проценту охвата населения — эту хитрую отчетность он хорошо знает, — а по охвату деревень. «А чего допытываться? — окоротил он себя. — И без того ясно, какова «география». Пасутся лекторы в поселке да по клубам в центральных усадьбах колхозов и совхозов».

Сельских клубов и домов культуры в районе тридцать восемь. Раньше церквей в их районе было почти столько же. Библиотек, киноустановок — не больше. Счет выходит невеселый: один культурный очаг на десять — двенадцать деревень. Правда, у многих теперь радиоприемники есть, телевизоры. Но это и хорошо, и плохо: «приход» у сельских клубов негустой. Ладно еще, если все очаги культуры работают. А выскочит какая культурница замуж, уедет — клубного или библиотечного работника днем с огнем не сыщешь...

Василий Ильич и не заметил, как поднялся к Буграм.

Бугры — хутор-трехдворка. Когда-то и тут была большая деревня. Это видно по обширной площадке пустыря и вековым деревьям — молчаливым сторожам уснувшей горы.

Василий Ильич прислонился к мощному стволу тополя, стоял, отдыхая. «Еще два перехода, — прикидывал он, — и Березуги!.. Чего там сейчас мои поделывают? Наверно, с ума сходят...» Больше всего он тревожился о сыне. «А вдруг, — мелькнуло в голове, — вдруг он во время грозы, испугавшись, побежал ко мне?.. А мать уверена, что оба мы заблудились и где-то бродим вместе...» По спине пробежала дрожь, на лбу выступила холодная испарина. Василий Ильич стал смотреть по сторонам, спеша поскорее отделаться от страшной мысли. Слева от него чернели два дома с мертвыми глазницами окон, кругом бугрились пепелища, заросшие высоким бурьяном. Там и сям торчали поломанные телеги, колеса. Третий домик, что стоял ниже, вроде бы был живой: заборчик возле, на деревьях палисада висят два скворечника. Василий Ильич немного успокоился.

«Нет, нет... Сын, наверно, с матерью. Не мог же он убежать в грозу». Василий Ильич оттолкнулся от тополя и, пересекая пустырь, пошел под гору к домику. Он решил наконец зайти к хозяевам и попросить хлеба — «Иначе не дойду!»

Но двери дома оказались на замке: висит замчище с рукавицу! «Пожалуй, и тут не разживешься,— решил Василий Ильич.— Во всем хуторе — ни души, хоть бы собака облаяла...»

Потоптавшись перед окошками, Лосев махнул рукой и хмуро поплелся из Бугров, направляясь вдоль канавы вниз, к темному леску. Днем они проезжали мимо Бугров и этого молодого леска, но теперь дороги к нему не было видно. Где она?

Канавка вела по краю скошенного поля. Пробираясь к лядине, Василий Ильич увидел метрах в трехстах от себя отарку овец, впереди отарки — дряхлую старушку с холщовой сумкой на руке. Старушка шарила ладонью по земле, видно, искала шампиньоны. Сколько их нынче уродилось в полях — хоть косой коси. Старушка тихо брела по жнивью, часто нагибалась, а овцы гуськом шествовали за ней.

Василий Ильич свернул в поле. Но старушка — то ли испугалась незнакомца, то ли по какой-то другой причине — живо засеменила вместе с животинкой прочь от него.

— Бабушка, да погоди же! — застонал он. — Не злой я человек, не разбойник!

Ноги почти совсем перестали слушаться: как только ступил на полосу, сапоги увязли в размягшей почве и отяжелели. Догонять старушку не было сил. Он набрал в грудь побольше воздуха, крикнул вдогонку:

— Как пройти на Фомушино?

Старушка остановилась, замахала рукой, показывая на запад, к черному леску: иди, мол, туда, прохожий человек, а меня, старую, не пугай — отвяжись.

Он пошел через поле наискосок к ельнику. И не дошел метров двадцати, как из-за кустов с радостным криком вынырнул Мишка, за ним, еле поспевая, бежала Полина Евдокимовна.

— Батюшки! Василий Ильич! Ты ли это? Как ты нас напугал!.. — запричитала она.

Мишка с ходу ткнулся отцу в живот, засопел, захлопал.

— Пап... мы искали...

Василий Ильич оцепенело стоял перед ними, глядя сына по голове, и долго не находил ответных слов.

— Успокойся, сынок...

Он снял с себя куртку, набросил на плечи сына — тот вздрагивал, как в ознобе.

— Ну-ну, Миша. Я бы не потерялся.

— Да-а... Мы думали — грозой убило...

— Вон что они надумали. Где мать-то?

— Осталась в машине.

— Ну идем скорее.

Полина Евдокимовна тоже не могла успокоиться — бегала, суетилась.

— Совсем отчаялись! Искали-искали, кричали-кричали — нет нигде. Теперь вон на телефон бросились, в район сообщать хотели. Она отняла у Лосева корзинку, схватилась бежать назад, к Фомушину.

— Охти мне, пастух-то у нас... Просили съездить к Сергееву...

Пастуха они увидели верхом на лошади. Остановившись на горе, он поджидал их. Пока все трое поднимались в гору, Мишка бойко бежал впереди, выискивая дорогу поплотнее, крича то и дело отцу: «Папа, сюда!» Захлебываясь, он громко выкладывал, как, испугавшись грозы, они сперва спрятались под елкой, а потом пошли искать папу, нигде не нашли, вернулись к машине и долго сигналили.

— И посадили аккумуляторы, да?

Мишка замолк: он знал, что значит посадить аккумуляторы.

Пастух встретил их вопросом:

— Это ты, что ль, заблудился?

— Выходит, я, — неловко признался Василий Ильич.

— А мне крикнули: «Человек заблудился!» А кто, где — не пойму. И зачем нужно было к председателю ехать, докладывать?

Пастух выговаривал все это незлобиво, но и не очень дружелюбно, и Василий Ильич догадался, что пастух не признал его, а Полина Евдокимовна, видать, не сказала, кто именно заблудился. «Вот и хорошо, а то пойдут пересуды».

Пастух ехал обочиной дороги и по-хозяйски справлялся:

- Далеко ли шастнул?
— За Дупельнево вышел.
— Ого! Считай верст двадцать отмахал.
— Мне показалось больше.
— Это с устатку всегда так кажется.

Василий Ильич холодно передернул плечами.

— Домик в лесу повстречал... Хотел было заночевать, да вот,— показал он на сына,— их боялся напугать.

— Домик, говоришь? Не иначе как Леонов хутор... Э, да ты, пожалуй, все тридцать исколесил. Глухие там леса.

Пастух тронул конягу и заторопился к крайнему дому.

Деревня была рядом. В Фомушине уже чувствовалась цивилизация: шумело радио, окна светились электрическими огнями. Но Василию Ильичу это не придало сил: он устал чертовски и шел только на одном самолюбии.

— Слушай, друг,— не выдержал он наконец,— а нельзя ли лошадку запрячь? Притомился я, до Березуг мне теперь не дойти. А у меня там жена в машине. Беспокоится.

Полина Евдокимовна поддержала просьбу, поддакнула:

— Измаялся совсем человек.

Пастух с готовностью ответил:

— Почему не запрячь? Можно запрячь. Мы это сей момент...

Привязав коня у крыльца, он ушел справлять сбрую. Телега стояла перед окнами. Василий Ильич стал осматриваться в темноте. На дворе уже была ночь, перед ним лежала примолкшая деревня, лишь кое-где светились окна. Дома фомушинские стояли двумя полукружьями, образовав неширокую сельскую площадь.

На другом конце деревни неожиданно заголосила гармошка. Хлопнули ставни окон, и на улицу выплеснулись хмельной говорок, шум и смех. Зазвучала нездешняя песня. Какой-то парень, вероятно, заезжий блатняжка, пел, по-городскому «рыдая», срываясь на крик:

Шла она, ха-алява, при-жи-ма-а-ла-ся-а,
Прижималси он к иё у-ста-а-м!

Пастух вернулся через четверть часа. Он успел где-то пропустить «стаканчик», пугливо озирался, поглядывая на окна, и неловко оправдывался: мол, сбрую у него свистнули «дошлые горожане», наверно, покатали за водкой, и вообще-то ему надо в баню.

— Слушай, товарищ,— предложил он наконец,— если хочешь, возьми моего бегунка. Быстро домчит. Оставь его в Березугах, я утром схожу.

Василий Ильич поблагодарил за одолжение и направился к коняге. Хозяин помог ему взобраться в седло. Конь, почуяв незнакомого седока, всхрапнул, пошел кружить. Василий Ильич передернул удила, ударил коня слегка каблуками под бока — конь выправился, побежал рысью...

Березуги Василий Ильич проскочил быстро. Он спешил в лес, к ивовой лощинке, где стояла его машина. Конь слегка замешкался на опушке, а потом, подстегнутый, тряхнув головой, нырнул в зияющую пасть леса. По лицу Лосева хлестнула ветка, он нагнулся, гикнул, и конь понесся еще быстрее. Василий Ильич ясно представил себе, как переживает сейчас Альбина...

Машина оказалась пустой.

— Аль-би-и-на-а! — закричал Василий Ильич что есть мочи.

В лесу отозвалось несколько голосов. Замигали огоньки фонарей, послышались шаги, и четыре тени скользнули с просеки в лощину.

— Где же ты был? — Альбина Михайловна заплакала.

Лосев прыгнул с коня, бросился к жене:

— Ну, будет тебе, будет... Живой ведь.

Три Альбининых спутницы обступили их, радостно захлопотали.

— Нашлась пропажа! Баба-то вся испереживалась... А у нас, в Березугах, и ружья завалящего не оказалось, чтобы выйти пострелять...

— Зато медведь, говорят, водится. А его и пострелять, выходит, нечем.

— Живет, батюшко, близко живет! — обрадовались старушки. — Только пугать его не пугаем. Он нас не трогает. Мирнай... Почто стращать?

Альбина Михайловна и плакала, и смеялась сквозь слезы. Старушки участливо вздыхали.

— Откуда у тебя лошадь? — наконец успокоилась Альбина Михайловна.

— Из Фомушина. У пастуха взял.

— Дай я ее сгоню, — попросила Альбина. В ней зыграл дух былой наездницы.

— А не упадешь?

— Постараюсь.

— Смотри, осторожно.

Альбина взобралась в седло и укатила из лесу. Василий Ильич приступил теперь к машине, вежливо усадив в нее березугских проводниц. Правда, те сначала упирались, долго отнекивались: мол, ездить в таких каретах они не привыкли. А потом, мирно устроившись, доверительно поведали:

— Уж так испереживалась, бедняжка. Ты ее береги, женку-то. Жалеет она тебя.

— Спасибо вам на добром слове, — сказал Василий Ильич.

— А сын — тот и от чаю отказался, издергался весь...

Проверив аккумуляторы, Василий Ильич включил зажигание и нажал на стартер. Мотор радостно взвыл, второпях поперхнулся, потом вытянул и запел ровную трудовую ноту. Василий Ильич сдал машину назад, развернулся, поставил «карету» на твердую дорогу и на рысях погнал полсотни лошадиных сил в Березуги.

СОДЕРЖАНИЕ

Очерки	3
Не поле перейти (<i>Из сельских записок</i>)	5
Колос Севера	69
Чуровская новь	94
Рассказ	123
Березуги	125

Кузовлев Дмитрий Михайлович

НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ

Редактор В. А. Беднов

Оформление Н. И. Кислякова

Художественный редактор В. С. Вежливцев

Технический редактор Н. Б. Буйновская

Корректор В. И. Пригодина

Сдано в набор 28/III, 1977 года. Подписано в печать 27/IV, 1977 года.
Форм. бум. 84×108¹/₃₂ (бум. тип. № 1). Физ. печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 8,4.
Уч.-изд. л. 8,19. Тираж 15 000. ГЕ04172. Заказ № 1604. Цена 70 коп.

Северо-Западное книжное издательство,
Вологодское отделение, Вологда, Урицкого, 2.
Областная типография, г. Вологда, Челюскинцев, 3.